

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 30

Сборник статей

Под редакцией
кандидата экономических наук О. Л. Морозова

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЬЮНКТОВ
И СОИСКАТЕЛЕЙ**

Выпуск 30

Сборник статей

Под редакцией
кандидата экономических наук О. Л. Морозова

Нижний Новгород
НА МВД России
2024

УДК 001.8

ББК 67

П78

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент *Я. А. Шараева*
(Ростовский юридический институт МВД России);

кандидат юридических наук *Р. Н. Самойлюк*
(ВИПК МВД России)

П78 Проблемы юридической и экономической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей : сборник статей / под ред. канд. экон. наук О. Л. Морозова. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2024. — Вып. 30. — 230 с.

В сборник включены научные статьи адъюнктов, соискателей и молодых ученых. Работы авторов отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем лицам, интересующимся проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-215-3

© Нижегородская академия МВД России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....	6
<i>Абаринов А. Д.</i> Некоторые особенности версионного анализа при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности.....	7
<i>Ализода А. А.</i> Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Англии.....	12
<i>Балак П. А.</i> Тенденции развития уголовного законодательства в области обеспечения миграционной политики Российской Федерации: характеристика предложений по совершенствованию норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	17
<i>Белоусова О. А., Акперова Д. М.</i> Медиация и арбитраж при разрешении корпоративных споров	29
<i>Белянцева А. С.</i> Анализ отечественной судебной практики по уголовным делам, сопряженным с рекламной деятельностью	34
<i>Бессонова В. Д.</i> Современные положения оперативно-розыскного права	42
<i>Бугрова Е. Г.</i> О несовершенстве специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме по делам об административных правонарушениях	50
<i>Воробьева Е. С., Ржевский Н. П.</i> Влияние фактов неправомерного поведения должностных лиц заказчиков на экономическую безопасность в сфере закупок	55
<i>Государев Т. Л.</i> Правовые механизмы противодействия дезинформированию, основанные на принципах саморегулирования: существующий опыт применения и перспективы развития	62
<i>Гунченко Д. О.</i> О некоторых вопросах применения мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства	72

<i>Джалилов Ф. М.</i> Современные проблемы собирания доказательств в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан	80
<i>Железова Л. Ю.</i> Проблемные аспекты в исследовании меры юридической ответственности.....	86
<i>Зиновьева Е. С.</i> Институт поручительства в разрезе зарубежного опыта	94
<i>Коломенская Ю. В.</i> Система закупок для государственных и муниципальных нужд как инструмент реализации политики импортозамещения	99
<i>Коробова А. С.</i> Становление категории общественного порядка в законодательстве 1917–1918 годов	107
<i>Кузнецов М. С.</i> Нормативное воплощение положений теории формальной оценки доказательств в отечественном уголовном процессе	113
<i>Куричков Д. О.</i> Корреляция мотива и цели имущественных преступлений	121
<i>Макарова Ю. С.</i> Об оценке востребованности налоговых расходов бюджета	133
<i>Наимов С. С.</i> Свободный повод для возбуждения уголовного дела: преимущества и недостатки	141
<i>Павленков Н. Р.</i> Реализация гражданско-правового принципа добросовестности в сфере деятельности маркетплейсов	152
<i>Павлова А. О.</i> Предварительное следствие как основная форма расследования, обеспечивающая экономическую безопасность Российской Федерации	159
<i>Пасечная З. В.</i> Проблемы терминологической определенности в теории экономической безопасности	164
<i>Простякова Д. П.</i> Общая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности: критическая оценка	170

<i>Середюк В. В.</i> Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как создатель и распространитель криминальной субкультуры	174
<i>Синькова А. Д.</i> Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации	180
<i>Тихонова Е. Н., Аверин И. Ю.</i> Проблемы квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности	186
<i>Турченко (Сальникова) Е. Ю.</i> Концепции истины и заблуждения и их значение для теории права	196
<i>Файзализода Ф. С.</i> Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства или склонения к его совершению в зарубежных государствах	212
<i>Халезова Я. М.</i> Актуальность исследования оценочных понятий в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства	219
<i>Хахлина Д. И.</i> Виртуальное игровое имущество как предмет преступлений против собственности	224

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВС РФ — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

НПА — нормативный правовой акт

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

ОВД РФ — органы внутренних дел Российской Федерации

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия

Подразделения ЭБиПК — подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

РГ — Российская газета

РФ — Российская Федерация

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации

ФЗ «О полиции» — Федеральный закон «О полиции»

ФЗ «Об ОРД» — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»

А. Д. Абаринов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук *А. Ю. Афанасьев*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРСИОННОГО АНАЛИЗА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ранее нами уже было проведено исследование, в рамках которого выдвинуто положение о том, что осуществление версионного анализа при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, позволит выявить уязвимые места в их деятельности, разработать эффективные средства и методы противодействия преступлениям, а также раскрыть преимущества и особенности осуществления версионного анализа, продемонстрировать проблемные аспекты, существующие при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп [1, с. 133].

Преступления экстремистской направленности, особенно с учетом их значительной резонансности, были и остаются крайне отрицательным аспектом, оказывающим стабильно негативное воздействие на экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизнедеятельности российского общества.

На заседании расширенной коллегии МВД России Президент РФ В. В. Путин отметил, что необходимо «...уделить особое внимание таким приоритетам, как обеспечение общественного порядка, борьба с экстремизмом и пресечение неза-

конной миграции, работа участковых служб, а также действиям МВД по нейтрализации организованной преступности» [2].

Несомненно, следует признать истину, что полное искоренение экстремизма и терроризма в РФ в ближайшем будущем невозможно, даже с учетом повышенного внимания со стороны не только общества и социальных институтов, но и различных звеньев государственного аппарата к проблематике данного вида преступности, активного освещения в СМИ задержаний сотрудниками правоохранительных органов фигурантов преступной деятельности. В связи с этим отметим, что и впредь необходимо совершенствовать проведение единой государственной политики в области противодействия экстремизму и терроризму, работать на упреждение проявлений деструктивных идеологий в российском обществе.

Отечественный государственный аппарат в течение последних лет целенаправленно разрабатывает всеобъемлющий механизм профилактики и противодействия экстремистским преступным проявлениям. Учитывая сложность и комплексность данного механизма, он вступает в действие не одномоментно, а поэтапно. В настоящее время фактически определены и созданы политические, экономические, социальные и юридические условия, посредством которых осуществляется практическая реализация полноценной защиты граждан, социума, социальных институтов и государства от преступлений экстремистской направленности. Раскрытие и последующее качественное, законное и полномасштабное расследование преступлений экстремистской направленности представляют собой системообразующий элемент действительной реализации стратегических целей и государственной уголовно-правовой политики в области противодействия данным разновидностям преступности.

Представленная нами фактология прямо указывает сотрудникам территориальных подразделений МВД России, осуществляющим выявление, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, на активизацию всесторонней борьбы с данным видом преступности, а научному

криминалистическому сообществу — на необходимость полноценного использования версионного анализа в целях выявления проблем и поиска их решений в сфере расследования исследуемых уголовных деликтов.

В криминалистической науке используется анализ как метод научного познания. Он представляет собой процесс исследования механизма преступной деятельности с целью получения релевантно значимой информации. Известный немецкий криминалист Э. Анушта труд «Искусство раскрытия преступлений и законы логики» посвятил «мыслительной работе криминалиста» как искусству умозаключений. В данной работе впервые упоминается об анализе. В одном из разделов данного труда ученый рассматривает анализ и синтез как необходимые способы «умственного наблюдения» при расследовании преступлений [3].

Версионный анализ представляет собой интеллектуальную составляющую правоохранительной деятельности должностного лица, проводящего проверочные мероприятия по факту получения информации о преступлении, а равно осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу. Такая деятельность интеллектуального характера находит свое выражение в изучении и осознании оперуполномоченным и следователем наиболее важных аспектов (событий, реальных фактов и явлений) существующей действительности, создании на этой основе версионной модели возможного результата правоохранительной деятельности с учетом избрания на определенный временной момент наиболее подходящих организационных и тактических оперативных и процессуальных действий.

Для объективного и точного отображения сущности версионного анализа требуется выделение и закрепление его системообразующих элементов, составных частей:

- 1) выявление и фиксация проблемной ситуации;
- 2) детальная диагностика выявленной ситуации;
- 3) формулирование и последующая корректировка главной задачи правоохранительного воздействия;

4) поиск и объективирование криминалистических версий;

5) практическая проверка выдвинутых криминалистических версий;

6) проведение сравнительного анализа первоначальной цели правоохранительной деятельности с фактически полученными результатами.

Основанная на версионном стиле мышления правоохранительная деятельность по выявлению, раскрытию и последующему расследованию уголовно наказуемых деяний экстремистской направленности, базируется на следующих руководящих началах:

— структурное, ведомственное и межведомственное взаимодействие субъектов правоохранительной деятельности;

— нормативно обусловленный, регламентированный и активно осуществляемый обмен информационными ресурсами;

— задействование в процессе выявления, раскрытия и последующего расследования указанных разновидностей преступлений новейших достижений науки и специальной криминалистической и оперативно-поисковой техники. Наиболее активное использование осуществляется в рамках, реализуемых в практической плоскости ОРМ и следственных действий.

Таким образом, решение ситуационных проблем, возникающих в ходе раскрытия, выявления и расследования преступной деятельности и не поддающихся алгоритмизированию такой правоохранительной деятельности, может крыться в обучении сотрудников правоохранительных органов версионному анализу. Умея осуществлять версионный анализ при раскрытии, выявлении и расследовании преступлений экстремистской направленности, и сотрудник оперативного подразделения МВД России, и следователь, ведущий расследование по уголовному делу, сводят к минимуму риск совершения ошибочных действий в ходе как непосредственного расследования, так и его оперативного сопровождения.

Примечания

1. *Абаринов А. Д.* Версионный анализ при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 133–138.

2. Расширенное заседание коллегии МВД // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 02.04.2024).

3. *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики. Киев, 1997. 78 с.

А. А. Ализода,
иностранный адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *А. П. Кузнецов*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АНГЛИИ

Эволюция института уголовной ответственности в законодательстве Англии характеризуется противоречивостью и непоследовательностью.

Впервые попытки закрепить уголовную ответственность юридических лиц предпринимались в середине XIX века. В частности, подготовленный проект уголовного закона, в котором предлагалась доктрина уголовной ответственности юридических лиц, не стал объектом рассмотрения в парламенте, поскольку не получил поддержки ни в научном сообществе, ни среди практических работников.

Уголовная ответственность юридических лиц в Англии на сегодняшний день основывается на правовых положениях (принципах), сформулированных в прецедентах и статутах. В указанных актах регламентируются правила, позволяющие при совершении того или иного преступного деяния привлекать, наряду со служащими предприятия, и юридическое лицо.

Специфика английской уголовно-правовой системы отразилась и на развитии уголовного законодательства. Известно, что в Англии отсутствует кодифицированное уголовное законодательство, однако, несмотря на это, уголовно-правовые положения находят свое отражение в судебных прецедентах.

Общеизвестными в этой связи стали решения по делам *Bolton (Engineering) Colta vs Graham Sons Ltd.* (1957) и *Tesco supermarkets Ltd. Vs Natrass* (1972) [1, с. 123]. Их основными недостатками стало отсутствие законодательного определения системы, юридико-технические ошибки, противоречия в различных юридических конструкциях [2, с. 12].

Корпорация как субъект правоотношений рассматривается через две господствующие доктрины: 1) опосредственной ответственности (*vicarious liability*) и 2) идентификации (отождествления) (*doctrine of identification*).

В соответствии с доктриной опосредственной ответственности компания несет ответственность за действия всех сотрудников, если они действуют как служащие, представители или агенты компании [3, с. 43].

Доктрина идентификации (отождествления) исходит из психического состояния должностных лиц корпораций, которая определяется как деяние и психическое состояние корпорации [4; 5; 6].

Исследуя проблему уголовной ответственности юридических лиц, Е. Ю. Антонова выделяет некоторые особенности уголовной ответственности корпораций и отмечает, что она наступает за деяния физического лица, осуществляющего свои служебные обязанности от имени или в интересах корпорации; за деяния лиц, не выполняющих управленческие функции, однако их действие явилось обыкновенной деловой практикой корпорации. Не связана количеством физических лиц, допускающих преступные деяния от имени или в интересах корпорации. Зависит от отданных приказов, распоряжений лиц, занимающихся управленческой деятельностью, приводящих к совершению преступления. Не исключает уголовную ответственность физических лиц, совершивших противоправные деяния от имени или в интересах корпорации [7, с. 135–140].

В уголовном законодательстве Англии субъектом преступления, наряду с ответственностью физических лиц, признаются и юридические лица: корпорации, инкорпоративные компании, органы местного самоуправления.

Привлечение к ответственности юридических лиц, как правило, происходит в пределах действия прецедентного права.

Юридическим лицом, совершившим преступление, признается компания с правом юридического лица, корпорация, если оно совершено непосредственно лицом или лицами, контролирующими деятельность корпорации, ее прав и осуществление этих прав [8].

Характерной особенностью ответственности юридических лиц является то, что в 2007 году в Англии был принят Закон об уголовной ответственности корпораций за простые убийства, в которых субъектом преступления признавались и государственные органы, не обеспечившие безопасность лиц, в результате чего наступили тяжкие последствия.

Английский законодатель, продолжая совершенствовать уголовно-правовые запреты, пришел к выводу, что принятые многочисленные нормы права не отличаются совершенством, имеют существенные юридико-технические изъяны, содержат противоречивые положения, затрудняют правоприменение, в связи с чем нуждаются в коренной трансформации.

Особым изменениям были подвергнуты нормы об ответственности за преступления, посягающие на собственность, совершаемые мошенническим способом. В частности, законодатель существенно скорректировал юридико-техническую конструкцию мошенничества: диспозиции, санкции, виды и размеры наказания за совершаемые преступления. Примером может служить Закон о краже 1968 года [9], в котором предусмотрена ответственность до десяти лет лишения свободы. В указанном акте дается перечень совершенных деяний:

— получение имущества путем введения в заблуждение другого лица с намерением лишить принадлежащего ему имущества;

— получение денежных выгод путем уменьшения суммы страховых взносов; избавления от платы долга; получение повышенной зарплаты и т. д.

Указанный перечень преступных деяний не является исчерпывающим [10, с. 42–43].

Согласно статье Закона 1968 года при совершении деяния, направленного на присвоение чужой собственности, совершаемого путем обмана, злоупотребления доверием (мошенничество), с явного или молчаливого согласия руководителей компаний, директоров корпораций, менеджеров, агентов, секретарей и других должностных лиц организаций или объединений, предполагается (презюмируется), что они, как и сама компания, несут уголовную ответственность в зависимости от тяжести содеянного.

В законодательстве Англии используется система наказаний юридических лиц, включая штраф и конфискацию имущества.

Введение института уголовной ответственности для юридических лиц в английском законодательстве не остановило дискуссии по данному вопросу. Этот инструмент играет важную роль в распределении ответственности за разные виды преступлений и направлен на противодействие профессиональной (беловоротничковой) преступности.

Примечания

1. *Green S. P.* Cheating and Stealing: a moral theory of white-collar crime. Oxford University Press, 2006.

2. *Glazebrook P. K.* Beakstones Statutes on criminal Law. 1999/2000. 9th ed. L., 2000.

3. *Чупрова Е. В.* Ответственность за преступные поведения юридических лиц в современной Европе // Системность в уголовном праве: материалы второго российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2002 года). Москва, 2007.

4. Уголовное право зарубежных государств / под ред. и пред. И. Д. Козочкина. Москва, 2001. 576 с.

5. *Ситковский И. В.* Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 204 с.

6. *Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В.* Уголовное право зарубежных стран. Москва, 2008. 336 с.

7. Антонова Е. Ю. Современные концепции корпоративной (коллективной) ответственности // Современное право. 2011. № 6. С. 135–140.

8. *Stephen J. F., Sturge L. F.* A digest of the criminal law: (indictable offences). 9th ed. London, 1950.

9. Theft Act. 1968. URL: <https://uollb.com/blogs/uol/theft-act-1968> (дата обращения: 10.10.2024).

10. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть : учебное пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. Москва, 2004. 527 с.

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НОРМ
ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Непрерывное совершенствование уголовного законодательства вынуждает научное сообщество осуществлять перманентный поиск коллизий и пробелов в действующих НПА. Однако выявить и предотвратить грядущие проблемы правового регулирования представляется возможным еще на отдельных стадиях законотворческого процесса. Одним из таких методологических способов является юридическое прогнозирование, под которым в доктрине принято понимать «...исследование тенденций и перспектив желательного развития правовых явлений, проводимое специальными научными учреждениями и коллективами» [1, с. 31].

На сегодняшний день существующая система уголовно-правовых средств обеспечения миграционной политики не в полной мере обеспечивает охрану общественных отношений, на которые посягают миграционные преступления. Об этом свидетельствуют обращения Президента РФ [2], руководителей правоохранительных органов [3] и представителей общественности [4] к проблемам в области противодействия незаконной миграции.

В этой связи крайне важным видится исследование имеющихся предпосылок и направлений изменения законодательства.

Рассматривая сегодняшнее состояние уголовно-правовой среды, необходимо прогнозировать курс дальнейшей политики государства в области противодействия конкретному виду преступлений и в целом преступности.

Отследить объективные показатели динамики воплощения в жизнь рассматриваемых мер представляется возможным путем анализа реализации уголовного законодательства (как внешнего выражения уголовной политики). Основываясь на данных судебной статистики за 2023 год, мы видим, что число осужденных по миграционным преступлениям составляет:

- 1) ст. 322 УК РФ [5]: ч. 1 – 213 лиц, ч. 2 – 624 лица, ч. 3 – 257 лиц;
- 2) ст. 322¹ УК РФ: ч. 1 – 354 лица, ч. 2 – 624 лица;
- 3) ст. 322² УК РФ: 724 лица;
- 4) ст. 322³ УК РФ: 7 583 лица [6].

По результатам проведения оперативного совещания, посвященного итогам работы территориальных следственных органов в первом полугодии 2024 года, глава Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин озвучил динамику преступности мигрантов. За шесть месяцев количество преступлений экстремистского характера увеличилось на 55 %; число развратных действий приезжих в отношении детей выросло на 25 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [7]. Подобный рост вызывает волну общественного возмущения и социальную напряженность в стране, что видится недопустимым в условиях современных геополитических событий.

Прямой и вполне очевидной причиной названной динамики зачастую способствует организация незаконной миграции, уголовная ответственность за которую предусмотрена ст. 322¹ УК РФ. О высокой общественной опасности названной нормы свидетельствует абсолютный характер санкции, а также предположительно массовый характер, что следует из п. 7 постановления Пленума ВС [8].

Помимо этого, высокая общественная опасность рассматриваемого состава обусловлена его латентностью, что подтверждается в аналитической справке о результатах деятель-

ности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июль 2024 года. Согласно опубликованной статистике, в обозначенном временном промежутке органами внутренних дел усилена работа по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ), в результате которой в 2,8 раза (с 514 до 1 414) возросло число выявленных таких преступлений, а также в 2,4 раза (с 396 до 940) больше предварительно расследовано указанных деяний [9]. Однако одного повышения эффективности деятельности правоохранительных органов недостаточно для оптимизации всего механизма противодействия незаконной миграции.

На сегодняшний день исследуемая группа составов активно подвергается критике и поступают многочисленные предложения по совершенствованию уголовно-правовых средств борьбы с миграционной преступностью.

Вышеизложенное следует в первую очередь из деятельности основного органа законодательной власти — Государственной Думы Федерального Собрания РФ, которым 1 октября 2024 года были зарегистрированы три законопроекта, два из них направлены на совершенствование уголовно-правового механизма противодействия незаконной миграции. Таковыми выступают законопроект № 729111–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10] (далее — Законопроект № 729111–8) и законопроект № 729112–8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» [11].

Видится целесообразным осуществление обзора и аналитики названных проектов, потенциально определяющих направление развития миграционной политики РФ, а также содержащих возможные решения присутствующих проблем и устранение изъянов. В рамках настоящей статьи особое внимание уделим предложениям, затрагивающим изменение положений Особенной части УК РФ.

Изменение ст. 322¹, 322², 322³, 327 УК РФ находят отражение в первом из указанных проектов. Несмотря на то, что последняя

норма не относится к миграционным преступлениям (понимая категорию в узком смысле), осуществление преступления зачастую сопряжено с нарушением миграционного законодательства РФ.

Значительное количество предложенных изменений свидетельствует о недовольстве действующей ст. 322¹ УК РФ, которая представляет наиболее общественно опасное деяние из рассматриваемых. Так, представляется возможным охарактеризовать положения законопроекта, предусматривающие корректировку рассматриваемой статьи, следующим образом.

Во-первых, согласно законопроекту № 729111–8 имеет место ужесточение мер государственного принуждения, применяемого к нарушителям нормы. Проанализировав положения проекта, в контексте выделенной группы можно проследить следующие изменения санкций:

а) установление нижнего предела наказания ч. 1 (*«от двух лет»*) и ч. 2 (*«от пяти лет»*);

б) существенное изменение дополнительного наказания основного и квалифицированного составов преступления;

в) увеличение верхнего предела назначения дополнительного наказания ч. 1 с *«до двух лет»* на *«до пяти лет»* и ч. 2 с *«до трех лет»* на *«от трех до пяти лет»*.

Следует провозгласить курс уголовной политики, направленный на повышение уголовно-правовой оценки уровня общественной опасности организации незаконной миграции, обеспечение соразмерности и неотвратимости наказания в этой сфере [12].

Во-вторых, внедрение в ч. 2 ст. 322¹ УК РФ новых квалифицирующих признаков свидетельствует о недостаточном уровне регулирования действующим предписанием общественных отношений в механизме противодействия незаконной миграции, а также о необходимости увеличения внимания к ряду обстоятельств, характеризующих организацию незаконной миграции как тяжкое общественно опасное деяние.

Так, согласно предложениям, содержащимся в законопроекте, целесообразно изложить диспозицию ч. 2 ст. 322¹ УК РФ «Организация незаконной миграции» следующим образом:

- «а) группой лиц по предварительному сговору;*
- б) лицом с использованием своего служебного положения;*
- в) в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;*
- г) с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность;*
- д) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».*

Сопоставляя предложенный вариант части с действующей, можно заключить, что инициаторы проекта выступают за добавление в норму обстоятельств, указанных в п. «г», «д», а также изменение п. «а» и «в». Рассматриваемые изменения ужесточают ответственность за деяния, ранее входившие в объективную сторону основного состава нормы.

В контексте рассматриваемых пунктов справедливо заключить следующее:

— на сегодняшний день теряет актуальность как элемент квалифицированного состава организация незаконной миграции, совершенная организованной группой, в связи с его выделением в качестве особо квалифицированного;

— формулировка обстоятельства совершения деяния *«с целью сокрытия преступления на территории Российской Федерации»* в полной мере не обеспечивает необходимую охрану общественных отношений, что обуславливает добавление альтернативных форм рассматриваемого условия;

— в современной обстановке имеет место ужесточение наказания за организацию незаконной миграции *«с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность»*, что ухудшает положение лиц, непосредственно нарушивших правила миграционного режима;

— в условиях перманентной цифровизации особо актуальным становится уточнение способа осуществления деяния *«с использованием информационно-телекоммуникационных сетей,*

в том числе сети “Интернет”», примеры внедрения которого уже находят отражение в квалифицированных составах ст. 133, 205², 222, 242¹, 260¹, 280, 280⁴, 282 УК РФ.

В-третьих, инициаторами законопроекта выдвинуто предложение: дополнить ст. 322¹ «Организация незаконной миграции» новой частью 3, отнеся к числу особо тяжких преступлений организацию незаконной миграции, совершенную организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений на территории РФ. Обстоятельство, которое на сегодняшний день характеризует рассматриваемую норму как квалифицированное деяние (п. «а» ч. 2 ст. 322¹ «Организация незаконной миграции, совершенная организованной группой»), видится в числе отдельного особо квалифицированного состава, предусматривающего более строгое наказание.

Вышесказанное во многом определяет особо негативное отношение к крупномасштабным явлениям рассматриваемого нами предписания, что подтверждается исключительностью перехода именно упомянутого выше обстоятельства в системе норм уголовного закона. Несмотря на предложенные ранее (в этом же законопроекте) установление и ужесточение пределов наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 322¹ УК РФ, инициаторы поправок наряду с ними предлагают дополнить нормы новой частью.

Подобное отношение в очередной раз подчеркивает акцентирование внимания инициаторов на повышенной опасности преступления. При этом следует отметить: еще одно условие схожего характера («группой лиц по предварительному сговору») было оставлено на прежнем месте (п. «а» ч. 2 ст. 322¹ УК РФ). Это обусловлено в первую очередь принципиальными различиями между двумя сопоставляемыми категориями.

Буквально толкуя положения ч. 2 и 3 ст. 35 УК РФ, *преступление, совершенное организованной группой*, отличается от *преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору*: а) устойчивостью группы; б) формой взаимодей-

ствия лиц (объединение); в) возможной численностью преступлений (одно или несколько преступлений).

На основании изложенного выше можно заключить: из двух рассматриваемых случаев деяние, совершенное организованной группой, представляет собой более общественно опасное деяние нежели другое, что обусловлено его организованностью и масштабностью.

Согласно рассматриваемому законопроекту за нарушение ч. 3 ст. 322¹ УК РФ соразмерным наказанием является *лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового.*

Исходя из проведенного анализа санкции (а именно: ее нижнего и верхнего пределов) указанной нормы с учетом систематизации закона, представляется возможным идентифицировать ее как наиболее общественно опасное преступление практически из всех предписаний, расположенных в гл. 32 (более строгое наказание в данной главе предусмотрено только ст. 317 УК РФ). Выносимые на обсуждения идеи имеют одну общую общественно полезную цель: сбалансировать уголовную ответственность за отдельные виды организации незаконной миграции, повысив уголовно-правовую оценку уровня их общественной опасности.

Резюмируя изложенные размышления о предлагаемых изменениях ст. 322¹ УК РФ, задекларируем: преступления, связанные с организацией незаконной миграции, безусловно, представляют высокую угрозу обществу и требуют неотложного принятия адекватных мер уголовно-правового воздействия как за тяжкие преступные деяния.

Объединение групп предлагаемых изменений указанных статей обусловлено тождественностью вида, размера и направленности предложений.

Согласно положениям законопроекта № 729111–8 целесообразным видится в ст. 322², 322³ УК РФ заменить размер наказания в виде лишения свободы с *«до трех лет»* на *«до пяти лет»*. Ужесточение мер ответственности свидетельствует о необходимости пересмотра значения и уголовно-правовой защиты общественных отношений в области законного порядка регистрации и постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства.

Кроме того, инициаторы проекта считают необходимым ввести ряд отягчающих обстоятельств в п. 4 ст. 327 УК РФ «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков». В таком случае квалифицированный состав рассматриваемой статьи будет выглядеть следующим образом:

«4. Деяния, предусмотренные частями первой – третьей настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в целях совершения преступления на территории Российской Федерации либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение —

наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового».

Сопоставляя действующую и предлагаемую нормы, необходимо отметить ряд закономерностей, имеющих место в ранее осмысленных идеях.

Инициаторами видится целесообразным выделение в качестве обстоятельства, образующего особо квалифицированный состав преступления: совершение преступления *«группой лиц по предварительному сговору»* и *«организованной группой»*, описание степени общественной опасности которого находит отражение в ранее изложенных предложениях. Наряду с п. «а» ч. 4 ст. 327 УК РФ, в качестве одного из обстоятельств, отягчающих

уголовную ответственность, предлагается внедрить п. «б», подразумевающий потенциальную угрозу обществу и который более детально конкретизируется по цели совершения деяния.

Кроме рассмотренных ранее положений, иницируется изменение санкции особо квалифицированного состава. Так, за совершение преступления, содержащегося в ч. 4 ст. 327 УК РФ, лицо, совершившие его, наказывается *«принудительными работами на срок до четырех лет либо лишением свободы на тот же срок»*. В предлагаемой формулировке нормы рассматриваемого законопроекта:

- 1) добавлен нижний предел наказания (*«от двух лет»*);
- 2) увеличен верхний предел санкции (*«до шести лет»*);
- 3) добавлен дополнительный вид наказания (*«штраф в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иной доход осужденного за период до трех лет»*).

Ужесточение законодателем мер квалифицированной и повышенной ответственности свидетельствует о наличии необходимости правового переосмысления вопроса о соразмерности действующей санкции, установленной в ст. 327 УК РФ, соответствующему деянию. С учетом вышеизложенного инициаторами рассматриваемых изменений предлагается воспользоваться мерами уголовно-правового противодействия незаконной миграции.

Таким образом, обобщая изученный массив информации по изменениям, предлагаемым в тексте законопроекта № 729111–8, можно говорить об использовании следующих уголовно-правовых средств противодействия незаконной миграции:

- *криминализация* (ч. 3 ст. 322¹, ч. 4 ст. 327 УК РФ);
- *пенализация* (ч. 1 и 2 ст. 322¹ УК РФ, ст. 322², 322³ УК РФ и ч. 4 ст. 327 УК РФ);
- *дифференциация уголовной ответственности* (ч. 1 и 2 ст. 322¹ УК РФ, ч. 4 ст. 327 УК РФ).

Резюмируя мысли о современных тенденциях развития уголовного законодательства в контексте противодействия незаконной миграции, хочется выделить следующее.

Первое. Современная судебная статистика и криминологическая обстановка располагают к внесению изменений в описанные составы, что обусловлено в первую очередь необходимостью правовой переоценки характера и степени общественной опасности отдельных миграционных преступлений в современной геополитической ситуации.

Второе. Потенциальные тенденции развития законодательства содержатся в законопроектах, инициаторы которых считают необходимым провести переоценку общественной опасности ряда норм, устанавливающих ответственность за миграционные преступления.

Третье. Рассматриваемые изменения предполагают использование следующих уголовно-правовых средств противодействия незаконной миграции: криминализация (ч. 3 ст. 322¹, ч. 4 ст. 327 УК РФ), пенализация (ч. 1 и 2 ст. 322¹ УК РФ, ст. 322², 322³ УК РФ и ч. 4 ст. 327 УК РФ) и дифференциация уголовной ответственности (ч. 1 и 2 ст. 322¹ УК РФ, ч. 4 ст. 327 УК РФ).

Примечания

1. *Тлембаева Ж. У.* О роли прогнозирования в законодательстве и критериях определения правовых последствий действия законов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 5 (54). С. 27–34.

2. Расширенное заседание коллегии МВД // Президент Российской Федерации : офиц. сайт. 2 апреля 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 02.04.2024).

3. «Мы реально не знаем, кто к нам едет». Первый заместитель Министра внутренних дел Александр Горовой о связанных с миграцией рисках // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7166241?tg> (дата обращения: 19.09.2024); Председатель СК России провел оперативное совещание по итогам работы территориальных следственных

органов в первом полугодии 2024 года // Следственный комитет РФ : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1900153/> (дата обращения: 16.07.2024).

4. Неконтролируемая миграция: риски для национальной безопасности // Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет : сайт. URL: <https://ncpti.su/nekontroliruemaya-migracziya-riski-dlya-naczionalnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 06.10.2024).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) // Судебный департамент при ВС РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 06.10.2024).

7. Председатель СК России провел оперативное совещание по итогам работы территориальных следственных органов в первом полугодии 2024 года // Следственный комитет РФ : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1900153/> (дата обращения: 16.07.2024).

8. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума ВС РФ от 9 июля 2020 г. № 18 // Российская газета. 2020. № 156.

9. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – июль 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/54762494/> (дата обращения: 25.08.2024).

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : законопроект № 729111–8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт.

URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729111-8> (дата обращения: 06.10.2024).

11. О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : законопроект № 729112–8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729112-8> (дата обращения: 06.10.2024).

12. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : законопроект № 268752-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/729111-8#bh_note (дата обращения: 06.10.2024).

О. А. Белоусова, Д. М. Акперова,
**студенты Приволжского филиала
Российского государственного университета правосудия**

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *О. В. Моисеева*

МЕДИАЦИЯ И АРБИТРАЖ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

С учетом современных тенденций корпоративные отношения становятся все более сложными, а конфликты в этой сфере — разветвленными и изоциренными. В статье 225¹ Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК РФ) четко определена категория корпоративных споров. Опираясь на суть данной нормы, а также на точки зрения таких ученых, как И. А. Калинина, Е. Ю. Цуканова, Е. К. Снегирев, можно вывести комплексное понятие корпоративного конфликта: любые разногласия как внутри корпорации, так и за ее пределами [1, с. 157].

Основным способом разрешения споров в РФ остается судебный процесс, однако корпорации стремятся к более быстрому урегулированию конфликтов, что побуждает их обращаться особое внимание на альтернативные методы разрешения споров. Как следует из ст. 138² АПК РФ, закон не ограничивает разнообразие таких методов.

Опираясь на нормы действующего законодательства и анализ сложившейся практики, отметим, что процесс медиации представляет собой эффективный метод разрешения конфликтов, в котором медиатор, являющийся нейтральным посредником, помогает сторонам достичь взаимовыгодного решения на основе их добровольного согласия. Арбитраж представляет собой более структурированный и формализованный процесс,

в котором задействовано независимое третье лицо — арбитр. Этот специалист принимает решения, основываясь на представленных доказательствах и аргументах сторон. Важно отметить, что решение арбитра имеет обязательный характер и может быть оспорено в ограниченных случаях.

Обе процедуры обеспечивают конфиденциальность и позволяют сохранить спор в тайне, в остальном они существенно различаются.

Если третейское разбирательство — это юрисдикционная форма регулирования корпоративного конфликта, подразумевающая принудительное исполнение соглашения, то медиация — примирительная процедура, где стороны совместно ищут взаимовыгодное решение с помощью независимого медиатора. Такие процессы регулируются Федеральным законом от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», а также Федеральным законом от 29 декабря 2015 года № 3812-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Медиации и арбитраж обладают следующими преимуществами:

1) добровольностью: никто не может заставить сторону конфликта стать частью медиационного процесса или третейского разбирательства [2];

2) конфиденциальностью: в соответствии с действующим законодательством разрешение конфликта может осуществляться негласно, что способствует доверительной атмосфере [3];

3) оперативностью: процедуры альтернативного характера занимают, как правило, меньше времени, чем затяжные судебные тяжбы;

4) сохранение отношений, в отличие от судебных процессов, как медиация, так и арбитраж помогают сохранить и даже улучшить отношения между конфликтующими сторонами;

5) экономичностью: с учетом современных реалий арбитраж и медиация обходятся дешевле, чем судебные разбирательства со всеми сопутствующими издержками.

Выбор рассматриваемых нами альтернативных методов разрешения корпоративных споров не только способствует нахождению компромисса и сохранению деловых отношений, но и значительно сокращает как время, необходимое для разрешения конфликта, так и затраты на юридические услуги.

Говоря о популярности и перспективах медиации и арбитража, нельзя оставить без внимания рост государственных пошлин, который в обязательном порядке скажется на моделях поведения конфликтующих сторон. Здесь стоит выделить уже упомянутую ранее экономичность рассматриваемых нами методов. В силу того, что правосудие стало дороже и нынешний рост госпошлин приводит к увеличению судебных затрат, снижение количества обращений в суд является достаточно логичным и предсказуемым исходом. При таких прогнозируемых реалиях стороны спора будут все реже прибегать к судебному процессу, предпочитая альтернативные методы разрешения корпоративных конфликтов, такие как медиация и третейское соглашение.

Следует обратить особое внимание и на проблемы, возникающие в связи с медиацией и арбитражем, поскольку эти институты еще не достигли совершенства.

Во-первых, в настоящее время все еще существуют проблемы недоверия к медиации и третейскому разбирательству. В первую очередь это связано с отсутствием в российском бизнесе соответствующей правовой культуры. Сейчас Закон о медиации позволяет реализовывать медиатору не узкую роль примирителя, а исполнять функцию бизнес-советника и консультанта в отношениях с третьими лицами. В законе установлены минимальные требования к медиаторам, в том числе отсутствуют требования к профессионализму медиаторов.

Чтобы повысить степень уверенности в профессионализме медиаторов, необходимо отказаться от возможности непрофессиональной медиации, а для профессиональных медиаторов установить обязательное членство в саморегулируемых организациях, которые будут осуществлять контроль за соблюдением стандартов и правил проведения медиации.

Во-вторых, в современных условиях существуют некоторые сложности в процессе использования международного арбитража. Это касается сборов. В условиях санкций иностранные банки отказываются от проведения операций для юридических лиц, включенных в санкционный список. Например, в документах Международной торговой палаты и Немецкого арбитражного центра отмечено, что для расчетов используются французские банки, которым в отсутствие специального разрешения от компетентных государственных органов может быть запрещено получать платежи от сторон и иных вовлеченных в разбирательство лиц [4].

Решением такой проблемы может служить выбор арбитражного института, находящегося на нейтральной юрисдикции, которая не приняла санкции либо приняла санкции, не влияющие на процесс арбитражного разбирательства. Сейчас популярностью пользуются НКІАС, Стамбульский (ISTAC) и Дубайский (DIAC) арбитражные центры, предлагающие сторонам современные регламенты, отражающие все основные тенденции развития арбитража и соответствующие потребностям участников трансграничного коммерческого оборота.

Таким образом, медиация и арбитраж являются эффективными инструментами для разрешения корпоративных споров. Каждый из них имеет свои особенности и преимущества. Медиация предлагает менее формальный процесс и может привести к соглашению, которое учитывает интересы всех сторон. Арбитраж предоставляет более структурированный и предсказуемый подход, что делает его полезным при необходимости быстрого решения спора. Однако оба метода могут успешно использоваться в зависимости от конкретных обстоятельств и предпочтений сторон.

Примечания

1. *Цуканова Е. Ю., Селивра М. Н.* Корпоративный конфликт: проблемы современного понимания // Право и практика. 2020. № 2. С. 156–159.

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (последняя редакция от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

3. О третейских судах в Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3019.

4. DIS Arbitration. Compliance and International Sanction Regimes. URL: <https://www.disarb.org/en/arbitrationand-alternative-dispute-resolution/arbitration/compliance-and-international-sanction-regimes> (дата обращения: 19.09.2024).

АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СОПРЯЖЕННЫМ С РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Реклама оказывает влияние абсолютно на все сферы жизни людей. Судебная практика в этой сфере не стала исключением. С ростом рекламной индустрии, который нельзя ни отрицать, ни игнорировать, увеличивается и количество уголовных дел, с ней связанных.

Многие ученые и исследователи приходят к мнению, что восстановление статьи о заведомо ложной рекламе (ст. 182 УК РФ) необходимо, пусть и со значительными доработками и изменениями [1].

Смежность состава ст. 182 УК РФ со многими другими (ст. 159, 171, 136, 146, 242 УК РФ и т. д.) была замечена еще до ее отмены. Особенно по поводу разграничения ст. 182 «Заведомо ложная реклама» УК РФ и 159 УК РФ «Мошенничество». В доктрине уголовного права имеется достаточно много споров на эту тему. Одни исследователи говорили, что в данном случае имеет место конкуренция части и целого, где целым является ст. 159 УК РФ, а частью — ст. 182 УК РФ [2]. Другие ученые утверждали, что они представляют идеальную совокупность, то есть ложная реклама выступает способом хищения при совершении мошенничества. В качестве аргумента приводили то, что у данных преступлений разный объект, на который направлено совершение преступления [3].

По нашему мнению, сейчас в уголовном законе отсутствует необходимость в отдельном составе преступления по заведомо ложной рекламе. Статья о мошенничестве выступает разумной альтернативой, что подтверждается ниже примерами из судебной практики, тем не менее мошенничество с использованием заведомо ложной рекламы имеет собственную специфику и повышенную общественную опасность.

В статье нами проанализированы различные уголовные дела, сопряженные с рекламной деятельностью, для определения того, действительно ли именно реклама делает данное преступление более общественно опасным.

Заведомо ложная реклама вводит потребителей в заблуждение относительно свойств, качества, характеристик и цен на товары или услуги в корыстных целях. Это приводит к финансовым потерям потребителей, нарушению их прав и свобод, в худшем случае влечет негативные последствия для жизни и здоровья (здесь идет речь не только о рекламе в медицины и фармацевтики, но и в пищевой промышленности).

Ввиду того, что ст. 182 УК РФ просуществовала непродолжительный период времени, а также сложности поиска настолько давних приговоров, проанализировать судебную практику по данной статье достаточно сложно, но вполне возможно.

Продолжительное уголовное преследование и уголовное дело в отношении гражданки Щ. длилось с 2002 по 2016 год. Она обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ст. 182 («Заведомо ложная реклама»), а также ст. 159 («Мошенничество») и ст. 171 («Незаконное предпринимательство») УК РФ. Разрешение дела осложнялось не только тем, что преступление было очень сложным и многоэпизодным, но еще и тем, что гражданка Щ. скрывалась от суда. В связи с декриминализацией ст. 182 УК РФ, достижением ею пятидесятилетнего возраста, а также актом амнистии от 24 апреля 2015 года уголовное дело в отношении гражданки Щ. было прекращено постановлением судьи Центрального районного суда города

Омска. На данном примере мы можем отметить применение идеальной совокупности, о которой говорилось ранее.

Несмотря на отсутствие в уголовном законе статьи «Заведомо ложная реклама», данное словосочетание довольно часто используется при разрешении дел в суде, что подтверждает специфичность дел, связанных с рекламной деятельностью.

Так, гражданин М. и гражданин Б. совершили преступление, которое заключалось в том, что они разместили в сети «Интернет» заведомо ложную рекламу о поставке ими товаров в сфере сельского хозяйства. В надежде на приобретение рекламируемой продукции к ним обратился гражданин, который оплатил указанный товар, но не получил его. В результате данных действий путем обмана и злоупотребления доверием они незаконно приобрели 299 тыс. рублей. Действуя из корыстных побуждений, они совершили преступление, которое Кстовским городским судом было квалифицировано как преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 159 УК РФ. Лица были признаны виновными, им было назначено наказание в виде штрафа [4].

В свете рассматриваемой нами темы особо важно то, что в приговоре неоднократно используется указанное ранее словосочетание «заведомо ложная реклама», то есть использована реклама, которая содержала заведомо ложную информацию, распространяемую в данном случае с помощью сети «Интернет». Именно благодаря использованию рекламы и распространению заведомо ложной информации субъекты преступления смогли реализовать свой преступный умысел, совершить преступные действия из корыстной заинтересованности, которые повлекли за собой причинение значительного ущерба.

В современном мире влияние интернета неоспоримо. Это доказывает и статистика. Из более 8 миллиардов человек (согласно данным на январь 2024 года [5]) 5,35 миллиарда используют сеть «Интернет», что составляет 66 % от населения Земли. В среднем современный человек тратит около 7 часов в день на интернет, из которых значительная часть приходится на социальные сети. Это заставляет не подвергать сомнению

тот факт, что интернет и социальные сети играют одну из центральных ролей в повседневной жизни современного человека. В представленной статистике проанализированы общемировые данные, но какова ситуация в целом с сетью «Интернет» в РФ? Как она связана с состоянием преступности?

Ежегодно в РФ измеряют и анализируют состояние преступности. По актуальной на момент написания статьи информации по состоянию преступности в период с января по сентябрь 2024 года [6] количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составляет 39 %, то есть более чем каждое третье преступление совершается в данной сфере. К этой категории относится не только интересующая нас на данный момент сеть «Интернет», но при этом она составляет 84 % в данной категории, что также является довольно значительным показателем.

Рассматривая социальные сети и мессенджеры сквозь призму уголовного закона, нельзя не отметить, что они, к сожалению, тоже могут использоваться при совершении преступлений. Причем они (как и реклама, используемая в преступных целях) имеют значительную негативную черту: при совершении преступлений с их помощью охват людей значительно увеличивается.

Рассмотрим на конкретных примерах из судебной практики РФ.

1. Пример преступления, сопряженного с рекламой, совершенного в мессенджере «Авито». Гражданин Ю., действуя в организованной группе, совершал преступление, квалифицированное Ахтубинским районным судом Астраханской области по разным частям ст. 159 УК РФ. Действия организованной группы заключались в хищении денежных средств граждан путем обмана под видом продажи мобильных телефонов. Конкретно действия гражданина Ю. заключались и в размещении заведомо ложной рекламы с целью привлечения как можно большего количества людей с последующим хищением у них денежных средств.

Гражданин Ю. признан виновным. Ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 4 года и 6 месяцев [7].

Данное преступление включало 14 эпизодов, что стало возможным именно вследствие использования при совершении преступления заведомо ложной рекламы.

2. Пример преступления, сопряженного с рекламой, совершенного в мессенджере «ВКонтакте». Гражданка З. совершила преступление, квалифицированное Ильинским районным судом Пермского края по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Ее действия суд напрямую описывает как создание и размещение заведомо ложной рекламы. Конкретно: реклама о предоставлении работы размещалась в одной из групп мессенджера «ВКонтакте». Путем обмана гражданке З. удалось совершить хищение 8 600 рублей у потерпевшей.

Гражданка З. признана виновной. Ей было назначено наказание в виде 6 месяцев исправительных работ с ежемесячным удержанием в доход государства 10 % заработка.

Важно отметить, что потерпевшая обратилась к гражданке Зубовой именно по рекламному объявлению, содержащему заведомо ложную информацию [8].

Примеров преступлений, схожих по составу с указанными выше, действительно много, и они только продолжают появляться в связи с ростом популярности социальных сетей и мессенджеров. Пусть в данных примерах причиненный ущерб составлял не такую впечатляющую сумму, в будущем (да и уже сейчас) они представляют значительную угрозу для граждан. Это совсем не означает, что при использовании заведомо ложной рекламы совершаются только небольшие категории преступлений. Практике известны случаи совершения особо тяжких преступлений при помощи заведомо ложной рекламы. Примером такого дела может послужить приговор, вынесенный Савеловским районным судом г. Москвы [9]. Фамилия и иные персонализирующие данные о подсудимом не раскрываются, поэтому далее он будет обозначен как Подсудимый.

По данному делу Подсудимый был осужден за совершение по совокупности 48 преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ. Объективная сторона преступления заключается в размещении в СМИ заведомо ложной для Подсудимого рекламы, которая заключалась в призыве граждан предоставить для его ЗАО денежные средства в качестве займов под 30 % годовых. При этом никаких своих обязательств он исполнять не планировал и, соответственно, не исполнял. Он также скрыл тот факт, что у его аффилированных предприятий имеются задолженности в сумме более 320 млн рублей.

Для распространения данной заведомо ложной рекламы Подсудимым была организована рекламная компания в различных печатных изданиях. Он лично готовил текст для таких рекламных объявлений. Практически все клиенты, пострадавшие от преступных действий Подсудимого, узнали о возможности предоставления денежных средств в качестве займа Подсудимому именно через рекламу, что в данном преступлении делает рекламу непосредственным средством совершения преступления.

В ходе анализа судебной практики РФ по уголовным делам, сопряженным с рекламной деятельностью, были рассмотрены конкретные дела по данной теме. Следовательно, именно реклама делала данные преступления общественно опасными или же вообще возможными для исполнения.

Ежегодно увеличивается количество преступлений, сопряженных с рекламой, за счет роста популярности социальных сетей и мессенджеров, где она чаще размещается. Однако и более традиционные средства и способы распространения рекламы продолжают использоваться для распространения заведомо ложной рекламы. Одно остается неизменным: преступления, совершаемые с использованием заведомо ложной рекламы, представляют большую общественную опасность и имеют свои специфические особенности, которые необходимо учитывать при выявлении и расследовании подобных преступлений.

Примечания

1. *Дружинин С. В.* Заведомо ложная реклама как одно из посягательств на свободу конкуренции: оценка современных возможностей уголовно-правового реагирования // *Образование и право*. 2017. № 12. С. 159–154.

2. *Лимонов В.* Отграничение мошенничества от смежных составов преступлений // *Законность*. 1998. № 3. С. 39–43.

3. *Воронин Н. В.* Заведомо ложная реклама: разграничение со смежными составами преступлений // *Российский юридический журнал*. 2001. № 3 (31). С. 67–70.

4. Приговор от 5 июня 2018 г. № 1-132/2018 по делу № 1-132/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. 2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ORF1k2slr5F/?regular-txt=заведомо+ложная+реклама®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=16899-35853924&snippet_pos=806 (дата обращения: 05.11.2024).

5. DIGITAL 2024: GLOBAL OVERVIEW REPORT // Kepios. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 05.11.2024).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/56672721/> (дата обращения: 05.11.2024).

7. Приговор от 7 мая 2019 г. № 1-375/2018; 1-43/2019 по делу № 1-375/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fzR2IUQLcWdY/?regular-txt=приговор+заведомо+ложная+реклама®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1697564893890&snippet_pos=2524#snippet (дата обращения: 05.11.2024).

8. Приговор № 1-61/2019 от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-61/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. 2024. URL:

https://sudact.ru/regular/doc/RKwwgbFcFGoC/?regular-txt=заведомо+ложная+реклама®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1689935853924&snippet_pos=340#snippet (дата обращения: 05.11.2024).

9. Приговор от 25 апреля 2014 г. № 1-406/2013; 1-7/2014 по делу № 1-406/2013 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/eiRgV6NwfNLg/?regular-txt=заведомо+ложная+реклама®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+159.+Мошенничество%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1689936357657-&snippet_pos=608#snippet (дата обращения: 05.11.2024).

В. Д. Бессонова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *В. И. Шаров*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРАВА

ОРД как специфический вид работы, проводимой оперативными подразделениями государственных органов, представляет собой важный компонент системы государственных мер по борьбе с преступностью. В отличие от других типов правоохранительных действий, таких как административные и уголовно-процессуальные, ОРД отличается значительно менее развитой законодательной регламентацией и меньшей глубиной научного изучения правовых вопросов, возникающих в ходе ее реализации. Безусловно, это связано с аспектом секретности, в рамках которого ОРД формировалась как исключительно конфиденциальная область знаний. Это, в свою очередь, оказало значительное влияние как на методологию и направления исследований, так и на составление самой сущности науки в целом [1].

Правовое регулирование ОРД складывалось в контексте действия секретных ведомственных приказов и инструкций, что определяло весь процесс этой деятельности. В сущности, единственными публичными законодательными актами, упоминающими ОРД, были ст. 29 Основ уголовного судопроизводства СССР и 118 УПК РСФСР. Эти нормы устанавливали, что на органы дознания возлагается обязанность осуществлять

необходимые ОРМ, как и другие меры, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, с целью выявления преступлений и лиц, их совершивших [2].

Важным моментом в развитии оперативно-розыскной науки стало принятие Закона от 13 марта 1992 года № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». А. А. Чувилев связывал с этим событием становление оперативно-розыскного права как самостоятельной области права, что свидетельствовало о важности данного закона для юридической системы страны [3, с. 2]. Закон обозначил рамки и принципы, которые регулируют ОРД, и заложил основы для дальнейшего развития данной области. Таким образом, это событие стало поворотным моментом, так как привело к более четкому разграничению функций правоохранительных органов и прав граждан.

Другие ученые (например, С. С. Галахов [4]) акцентируют внимание на том, что оперативно-розыскное право должно быть сбалансировано с правами граждан и издержками, связанными с нарушением их приватности.

Е. В. Кузнецов, в свою очередь, фокусируется на правовых аспектах и внедрении новых технологий в ОРД [5]. Он акцентирует внимание на необходимости обновления существующего законодательства в свете новых вызовов, возникающих в результате развития цифровых технологий и интернета.

Оперативно-розыскное право представляет собой внутренне согласованную и систематизированную область правового регулирования, которая охватывает специфику управления и реализации мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и расследование преступлений. В условиях нарастающих современных угроз безопасности и необходимости приспособления правового регулирования к новым вызовам возникает потребность в дальнейшей разработке и уточнении концепции оперативно-розыскного права. Ожидается, что в будущем эта сфера законодательства будет подвергаться эволюции, адаптируясь к технологическим новшествам, таким

как масштабное применение цифровых технологий и больших объемов данных в практике правоохранительных органов.

Значение оперативно-розыскного права невозможно переоценить, поскольку в современных условиях, когда общество сталкивается с актуальными сегодня формами преступности: киберпреступлениями, коррупцией и организованной преступностью, требуются новые подходы к обеспечению правопорядка.

В рамках оперативно-розыскного права можно четко прописать основания и пределы применения различных методов, что позволит эффективно защищать права граждан и не допускать превышения полномочий со стороны правоохранительных органов.

Вопрос о существовании и правомерности оперативно-розыскного права вызывает разные точки зрения среди ученых и практиков.

Некоторые специалисты в области юриспруденции утверждают, что оперативно-розыскное право представляет собой необходимый инструмент в условиях современного общества, где криминальные угрозы становятся сложнее и разнообразнее. В этом контексте они подчеркивают важность баланса между правами граждан и необходимостью обеспечения безопасности.

Оперативно-розыскное право рассматривается многими учеными и практиками как необходимый инструмент в борьбе с преступностью по нескольким причинам. Оно позволяет правоохранительным органам эффективно собирать и анализировать информацию о криминальной деятельности, что способствует быстрому реагированию на потенциальные угрозы. А. Ф. Крашенинников [6] и В. Е. Кузнецов [7] подчеркивают важность ОРМ в предотвращении преступлений, поскольку они дают возможность выявлять и пресекать преступные намерения до их реализации.

Критики оперативно-розыскного права (например, Б. Т. Безлепкин [8]) настоятельно отрицают существование самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права. Они считают,

что идея об отдельной категории оперативно-розыскного права и идентичного процесса не соответствует основным принципам общей теории права. В частности, Б. Т. Безлепкин указывает на то, что это не укладывается в рамки таких ключевых понятий, как «право», «отрасль права», «объект и метод правового регулирования», «правоотношение» и «состав правоотношения» [8].

Еще одним из ученых, считающих, что оперативно-розыскное право не является самостоятельной отраслью права, является А. Ф. Ковалев [9]. Он подчеркивает, что ОРМ следует рассматривать как составную часть более широкой системы уголовного процессуального законодательства и утверждает, что ОРД направлена на получение доказательств и информации, которые затем используются в уголовном процессе. Следовательно, данная сфера должна рассматриваться сквозь призму общего уголовного права. А. Ф. Ковалев также указывает на недостаток четких критериев для выделения оперативно-розыскного права в отдельную отрасль, а также на его сильную зависимость от норм и принципов, регулирующих уголовное судопроизводство.

Сторонники более жесткого регулирования также отмечают необходимость четких законодательных норм, определяющих рамки применения оперативно-розыскного права, учитывающих специфику и динамику угроз. Они выступают за обновление и совершенствование действующего законодательства и подчеркивают, что вопросы, касающиеся конфиденциальности и защиты данных, должны находиться в центре внимания.

Мы разделяем точку зрения доктора юридических наук, профессора В. И. Шарова, эксперта в области оперативно-розыскного права, который подчеркивает, что это направление законодательства играет ключевую роль в обеспечении безопасности и правопорядка в обществе. Особое внимание он акцентирует на важности баланса между обеспечением прав граждан и необходимостью борьбы с преступностью. По мнению В. И. Шарова, ОРМ должны проводиться исключительно

на основе строгих правовых норм и с соблюдением процессуальных гарантий. Это позволит избежать злоупотреблений со стороны правоохранительных органов [10].

В. И. Шаров поднимает вопрос и о необходимости постоянной адаптации законодательства к новым формам преступности, таким как киберпреступность и терроризм. По его мнению, актуализированные и четко регламентированные правила ОРД помогут не только повысить эффективность борьбы с преступностью, но и укрепить доверие граждан к государственным институтам.

Таким образом, вопрос существования и применения оперативно-розыскного законодательства многогранен и требует взвешенного подхода, учитывающего интересы общества и права отдельного гражданина. Значительное внимание следует уделить как правовым основам этой сферы, так и практическим аспектам ее реализации.

Ключевыми составляющими оперативно-розыскного законодательства являются:

1) принципы законности: все действия должны осуществляться в строгом соответствии с законом, что обеспечивает защиту прав и свобод граждан;

2) принципы разумности и целенаправленности: меры должны осуществляться на основе достаточных данных о фактах, указывающих на возможность совершения преступления;

3) принцип минимизации вмешательства: применение ОРМ должно быть вызвано реальной необходимостью и не затрагивать права граждан без достаточных на то оснований.

Международная практика показывает, что для успешной борьбы с транснациональной преступностью развитие оперативно-розыскного законодательства должно сопровождаться процессами интеграции, сотрудничества и обмена информацией между странами. Это включает взаимное признание правовых норм и использование современных технологий для эффективного обмена данными между правоохранительными органами разных государств.

Таким образом, оперативно-розыскное законодательство не только актуально для обеспечения безопасности в стране, но и должно постоянно совершенствоваться с учетом новых вызовов и технологий, оставаясь при этом в рамках законодательства и соблюдая права человека.

Полагаем, что, оперативно-розыскное законодательство — это широкое понятие, охватывающее как законодательные нормы и принципы, так и практику работы правоохранительных органов.

Современное состояние оперативно-розыскного законодательства РФ характеризуется рядом ключевых аспектов, отражающих как прогресс, так и существующие проблемы в этой области. Одной из наиболее значительных черт является развитие законодательной базы, регулирующей ОРД.

В последние годы были внесены изменения в ФЗ «Об ОРД», что, в свою очередь, способствует адаптации правовых норм к новым вызовам, связанным с технологическим развитием и изменением криминогенной обстановки.

Несмотря на достигнутые успехи, оперативно-розыскное законодательство в РФ по-прежнему сталкивается с рядом серьезных проблем. Одной из них является необходимость соблюдения баланса между обеспечением прав законопослушных граждан и эффективным противодействием преступности.

Помимо этого, существуют сложности во взаимодействии различных органов, уполномоченных на проведение ОРД. Недостаточная координация между правоохранительными органами и другими государственными структурами может негативно сказаться на эффективности ОРД. Также наблюдается отсутствие необходимого уровня подготовки специалистов, чтобы оперативно реагировать на новые угрозы и адекватно применять свои профессиональные знания на практике.

Итак, современное состояние оперативно-розыскного права в РФ можно охарактеризовать как период активных изменений и необходимости решения серьезных вызовов, связанных с правами граждан, координацией действий правоохранительных органов и подготовкой кадров.

Примечания

1. *Луговик В. Ф.* Преемственность и новации в оперативно-розыскной науке // *Полицейское право.* 2006. № 4. С. 52–54.
2. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 12 июня 1990 г. // *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1990. № 26, ст. 495.
3. *Чувилев А. А.* Оперативно-розыскное право. Москва, 1999. С. 2.
4. *Галахов С. С.* Оперативно-разыскное обеспечение предварительного следствия по преступлениям, совершенным несовершеннолетними (теоретические и прикладные вопросы) // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского.* 2015. № 1. С. 131–137.
5. *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы становления оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли права // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.* 2023. № 3 (106). С. 8–13.
6. *Крашенинников Н. И.* Получение оперативно-процессуальной информации о преступлениях и порядок назначения оперативно-розыскных мероприятий, а также использование их результатов по делам оперативного учета и в следственно-судебной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 275 с.
7. *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. Омск, 2014. 282 с.
8. *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. Москва, 2008.
9. См. об этом: *Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : учебно-методическое пособие / Т. В. Астишина, Г. П. Афонькин, А. В. Кузьмин, Е. В. Маркелова.* Домодедово, 2016.

10. *Шаров В. И.* Оперативно-розыскные мероприятия при различных формах оперативно-розыскной деятельности // *Ius publicum etprivatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 5 (20). С. 176–183. URL: <https://pravojournal.ru/wp-content/uploads/2022/12/%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%92%D0%98.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).

Е. Г. Бугрова,
канд. юрид. наук,
преподаватель кафедры административного
права и процесса
НА МВД России

**О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
РАБОТАЮЩИХ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ
ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Производство по делам об административных правонарушениях нередко позволяет использовать технические средства автоматической фиксации для подтверждения факта нарушения и привлечения к ответственности (ст. 2.6.1, ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ), однако не всегда данные специальные средства работают исправно. Рассмотрим случаи, когда автоматический режим не упрощает работу, а приводит к усложнению процесса.

В первую очередь возникает вопрос: «Когда такие средства применяются?». Это дела об административных правонарушениях в области дорожного движения и в области благоустройства территории. Удобство для правоприменителя заключается в том, что административное наказание назначается без составления протокола и без участия сотрудника на месте совершения правонарушения [1]. Подобное решение всегда может быть обжаловано собственником транспортного средства, но важно помнить, что бремя доказывания в этом случае ложится на него (ст. 1.5 КоАП РФ).

Рис. 1

Рассмотрим конкретные случаи, когда технические средства работают не совсем идеально. Штраф пришел собственнику транспортного средства, установленного на эвакуаторе (рис. 1), во-первых, за нарушение, совершенное абсолютно другим водителем, во-вторых, на другом транспортном средстве. К ответственности привлечен собственник транспортного средства на эвакуаторе.

По данному факту юристы дают следующий комментарий: нужно прикрепить иные подтверждения, что машина не находилась в пользовании собственника, несмотря на то, что она, судя по рисунку 1, находится на другом транспортном средстве [2]. К сожалению, о том, пришел ли штраф водителю эвакуатора, неизвестно, хотя крайне интересно.

Продолжим рассматривать курьезные случаи работы автоматических средств фиксации. Случай, представленный на рисунке 2, не менее редкий: водитель транспортного средства получил штраф за пересечение тенью его автомобиля сплошной линии разметки.

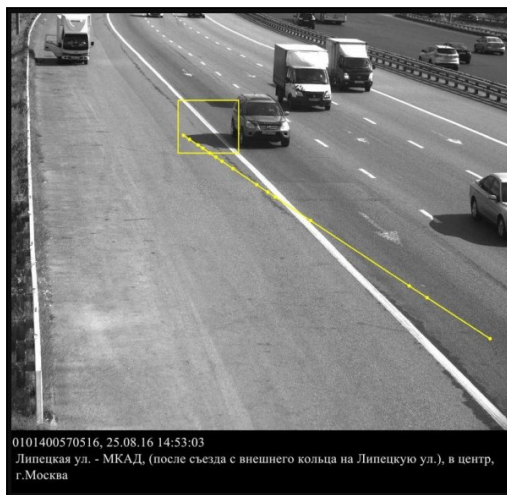

Рис. 2

Информация быстро заполнила новостные ленты, а собственник направил жалобу в адрес ГАИ. Как следствие: в кратчайшие сроки решение было пересмотрено и отменено.

Напомним, что сотрудники инспекции подписывают постановления о назначении наказаний по подобным средствам фиксации. Следовательно, сотрудник сам допустил нарушение. Здесь необходимо помнить о человеческом факторе: подобных постановлений в день сотруднику приходится обрабатывать от 60 до 70 тысяч [3].

Нередко можно слышать истории о том, как штраф за превышение скоростного режима приходит еще до того, как машина въехала в населенный пункт. Обжаловать данное постановление можно лишь при наличии видеорегистратора в самом автомобиле или если камера удачно расположена: так, что видно въезд в населенный пункт. В связи с чем всем желающим увеличить количество средств видеофиксации на дорогах рекомендуем вспомнить о том, что также произойдет всплеск судебных разбирательств.

Рис. 3

В некоторых случаях водитель делает выбор: пропустить скорую помощь и оплатить штраф за пересечение стоп-линии, а после его обжаловать или не пропускать и получить штраф уже за это нарушение. В первом случае размер штрафа составляет 500 рублей; во втором — от 3 тысяч до 5 тыс. рублей, вплоть до лишения права управления (ч. 2 ст. 12.17 КоАП РФ).

Казалось бы, водитель уступает машине скорой помощи по крайней необходимости. Но помним о презумпции виновности в действии: придется доказать, что скорая помощь ехала с проблесковым и звуковым оповещением, что не были нарушены другие правила дорожного движения. Так, в Тольятти одного из водителей наказали за пропуск машины скорой помощи (рис. 3). По имеющейся информации он пытался оспорить штраф, но его оставили в силе [4].

Таким образом, из-за колоссальной загруженности инспекторов, проверяющих работу камер, практически нереально проверить допустимость доказательств. Зачастую автоводители оплачивают штраф из-за нежелания тратить силы и время на обжалование, ведь срок подачи составляет 10 суток с момента получения постановления, и делать это рекомендуется лично.

Если сотрудники ГАИ не согласны с доводами, то эти электронные обращения суд не рассматривает.

К сожалению, мы приходим к тем же выводам о необходимости заполнения штатного расписания сотрудников ОВД, а причины кадрового голода — предмет другого исследования [5].

Примечания

1. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума ВС РФ от 25 июня 2019 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/ (дата обращения: 05.11.2024).

2. *Войницкая А.* Москвичка получила штраф за машину, которая ехала на эвакуаторе // Комсомольская правда : сайт. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27079.4/4150025/>. Дата публикации: 15.01.2020.

3. *Баршев В.* Водителю аннулировали штраф за тень его машины // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2016/08/-29/reg-cfo/voditeliu-annulirovali-shtraf-za-ten-ego-mashiny.html>. Дата публикации: 29.08.2016.

4. Водителя наказали за пропуск «скорой» // Право.ру : сайт. URL: <https://pravo.ru/news/204921/>. Дата публикации: 29.08.2018.

5. *Крючков С.* МВД голодает кадрово. Из-за чего граждане не идут работать в правоохранительные органы // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6893722>. Дата публикации: 15.08.2024.

УДК 338.14+338.2.001.25

Е. С. Воробьева,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. эконом. наук, доцент *Е. С. Игонина;*

Н. П. Ржевский,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *М. В. Степанов*

ВЛИЯНИЕ ФАКТОВ НЕПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗАКАЗЧИКОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Контрактная система в сфере закупок является важной составляющей системы экономики государства, удовлетворяющей потребности страны и обеспечивающей реализацию национальных целей и планов.

В общем понимании действие Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) направлено на снабжение государства в условиях открытости и отсутствия злоупотреблений со стороны участников контрактной деятельности.

Закон № 44-ФЗ не ограничивает участников по территориальному признаку или организационно-правовой форме и

предполагает поддержание здоровой конкуренции. При надлежащем исполнении требований законодательства о контрактной системе данная сфера экономики обречена на успешное функционирование и стимулирование экономического развития страны в целом.

Деятельность, сопряженная с финансовым обеспечением, часто несет в себе угрозу привлечения внимания со стороны недобросовестных лиц. Не является исключением и сфера закупок, подверженная высоким коррупционным рискам.

При осуществлении государственного заказа нарушения законодательства допускаются как поставщиками (подрядчиками, исполнителями), так и представителями заказчика. На наш взгляд, последние представляют бóльшую угрозу экономической безопасности, поскольку действуют от имени государства либо его субъекта, зачастую представляя интересы органов государственной власти. Так, неправомерное поведение должностных лиц заказчиков отбрасывает тень на деловую репутацию государственного органа и объективное восприятие его деятельности гражданами, что может послужить причиной снижения доверия населения к власти.

Таким образом, непреднамеренные или умышленные незаконные действия работников заказчика наносят ущерб не только организации-работодателю, но и затрагивают широкие экономические и социальные процессы.

КоАП РФ предусмотрена ответственность за несоблюдение требований законодательства РФ о контрактной системе (см. таблицу).

За нарушения в сфере закупок ст. 200⁴, 200⁵, 304 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок. В отдельных случаях противоправные действия могут квалифицироваться как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

**Примеры нарушения законодательства
о контрактной системе заказчиками**
(составлено авторами на основе материалов ФАС России
и ее территориальных органов)

Статья КоАП РФ	Пример из практики ФАС России и ее террито- риальных органов	Сумма штрафа
Ст. 7.29. Несоблю- дение требований законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения госу- дарственных и му- ниципальных нужд при принятии реше- ния о способе и об условиях опре- деления поставщика (подрядчика, ис- полнителя)	Заключение контракта с единственным поставщиком в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона 44-ФЗ (осу- ществление закупок това- ров, работ, услуг при необ- ходимости оказания меди- цинской помощи в неот- ложной или экстренной форме либо вследствие ава- рии, обстоятельств непре- одолимой силы) на выпол- нение работ по текущему ремонту части помещений (палаты, общий коридор). <i>Обстоятельства, послу- жившие основанием для заключения контракта с единственным поставщи- ком, не относятся к обсто- ятельствам непреодолимой силы и не обладают свой- ствами внезапности, чрез- вычайности и непредот- вратимости</i>	Административ- ный штраф на должностных лиц в размере 30 тыс. рублей
Ч. 1.4 ст. 7.30. Нарушение порядка осуществления за- купок товаров, ра- бот, услуг для обес-	Заказчик неправомерно установил дополнительные требования к участникам закупки одновременно по нескольким позициям	Административ- ный штраф: — на должност- ных лиц — в размере

Статья КоАП РФ	Пример из практики ФАС России и ее территориальных органов	Сумма штрафа
печения государственных и муниципальных нужд	приложения к постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2021 года № 2571. <i>Установление дополнительных требований по двум позициям приложения к постановлению Правительства РФ № 2571 неправомерно и приводит к необоснованному ограничению количества участников закупки</i>	15 тыс. рублей; — юридических лиц — 50 тыс. рублей
Ч. 2 ст. 7.31. Нарушение порядка ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну, реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)	Заказчиком нарушены сроки направления платежных поручений при исполнении контракта в уполномоченный орган на ведение реестра контракта	Административный штраф на должностных лиц в размере 20 тыс. рублей
Ч. 4 ст. 7.32. Нарушение порядка заключения, изменения контракта	В нарушение ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ дополнительным соглашением в контракт внесены изменения в части установления выплаты аванса, выплата которого ранее не была установлена в заключенном контракте	Административный штраф: — на должностных лиц — в размере 20 тыс. рублей; — юридических лиц — 200 тыс. рублей

Преступления, связанные с закупочной деятельностью, являются общественно опасными проявлениями коррупции. Это подтверждает и тот факт, что обеспечение добросовестности, открытости, добросовестной конкуренции и объективности при осуществлении закупок товаров, работ, услуг является одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить основные виды злоупотреблений при заключении и исполнении государственных и муниципальных контрактов.

В первую очередь необходимо отметить нарушения, связанные с наличием аффилированности работников заказчика с субъектами предпринимательской деятельности. Иными словами, злоупотребление должностными полномочиями для получения собственной выгоды либо создания благоприятных условий для коммерческой деятельности третьих лиц.

Отдельно стоит обозначить случаи участия в работе комиссий по осуществлению закупок, определяющих победителя при проведении конкурентных способов определения поставщика, лиц, лично заинтересованных в результатах. В связи с этим зачастую оценка и сопоставление заявок на участие в закупке могут осуществляться с применением критериев и параметров, не предусмотренных извещением о закупке.

Следующим распространенным злоупотреблением является умышленное ограничение конкуренции с целью определения победителем «нужного» контрагента. Как правило, указанное действие реализуется в процессе подготовки описания объекта закупки, когда в него включаются технические требования к товарам, работам или услугам, которые может предоставить только конкретный исполнитель. Подобные условия заранее согласовываются и формулируются сторонами до размещения извещения о закупке.

К неправомерному поведению должностных лиц заказчиков также относится необоснованное завышение цен на заку-

паемые товары, работы и услуги. В сочетании с вышеизложенными нарушениями законодательства о контрактной системе данное явление представляет явную угрозу экономической безопасности страны.

Значительное количество нарушений связано с несоблюдением со стороны представителей заказчика порядка приемки товаров, работ и услуг, в результате чего имеют место многочисленные факты несоответствия поставленной продукции и представленных результатов работ и услуг требованиям, установленным контрактом [1, с. 29].

Действенным орудием профилактики и борьбы с противозаконными действиями заказчиков и поставщиков является контроль. Главным вектором системы контроля в сфере государственных закупок должно выступать повышение эффективности деятельности контролирующих органов [2, с. 22].

Несмотря на впечатляющие количественные показатели работы ФАС России (в 2023 году подразделениями ФАС России рассмотрены по существу 45 908 жалоб и 30 096 обращений о включении информации об участниках закупок в реестр недобросовестных поставщиков) [3, с. 2], невозможно не обратить внимание на разницу в подходах рассмотрения материалов территориальными органами ФАС России. При схожих, а иногда аналогичных ситуациях разными органами ФАС России порой принимаются диаметрально противоположные решения. Полагаем, что формирование единообразной практики назначения административных наказаний положительно отразится на их эффективности.

Нельзя не согласиться с мнением Н. Э. Спиридоновой о значимости осуществления государственными (муниципальными) учреждениями внутреннего финансового контроля с применением риск-ориентированного подхода [4, с. 148].

Особо отметим, что нарушения в сфере закупок со стороны заказчиков не всегда несут в себе коррупционную составляющую. Порой они связаны с недостаточным уровнем подготовленности работников. Положениями Закона № 44-ФЗ к работникам контрактных служб и контрактным управляющим

установлено лишь требование о наличии высшего образования или дополнительного профессионального образования в сфере закупок без предъявления требований к периодичности повторных прохождений повышения квалификации. Закон о контрактной системе не отличается постоянностью: только за последние два года в него внесено более десяти изменений. По нашему мнению, обучение в сфере закупок должно осуществляться на регулярной основе, что целесообразно закрепить на законодательном уровне.

В сложившейся политической, военной, географической обстановке в РФ важно, чтобы все выделенные бюджетные средства эффективно использовались по назначению, поэтому правомерные действия участников договорных отношений при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд играют в этом основную роль.

Примечания

1. Типичные ошибки и нарушения в сфере приемки товаров (работ, услуг) в системе государственных закупок, выявляемые в результате аудиторских и контрольно-ревизионных проверок / Н. Г. Гаджиев, С. А. Коноваленко, О. В. Киселева, О. В. Скрипкина // Аудитор. 2023. Т. 9. № 1. С. 27–33.

2. *Шишкина М. А.* Система финансового контроля в сфере закупок и анализ основных нарушений в сфере государственных и муниципальных закупок // Вестник науки и образования. 2020. № 15–2 (93). С. 20–25.

3. *Игонина Е. С., Воробьева Е. С.* Пути повышения эффективности механизмов контроля в сфере государственных закупок // Исследование проблем экономики и финансов. 2024. № 3.

4. *Спиридонова Н. Э.* Анализ типовых нарушений законодательства в сфере закупок, выявляемых при осуществлении финансового контроля государственных (муниципальных) учреждений // Современная экономика: проблемы и решения. 2023. № 4 (160). С. 140–151.

Т. Л. Государев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *А. М. Хужин*

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЗИНФОРМИРОВАНИЮ,
ОСНОВАННЫЕ НА ПРИНЦИПАХ
САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ:
СУЩЕСТВУЮЩИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Дезинформация представляет собой одну из наиболее серьезных угроз современному информационному обществу. Быстрый рост цифровых технологий и социальных медиа способствует распространению ложной информации, что делает уязвимыми основы демократических процессов при участии граждан в информационных процессах. В этом контексте особое внимание уделяется правовым механизмам противодействия дезинформации, включая саморегулирование как эффективный инструмент.

1. Понятие дезинформации и ее последствия. Дезинформация определяется как преднамеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации [1, с. 246]. Она может иметь серьезные последствия как для отдельных граждан, так и для общества в целом, включая подрыв доверия к институтам, разжигание конфликтов и манипуляции выборами.

Применение дезинформации зачастую используется в военных целях.

Исследуя роль дезинформации в подготовке войн и военных конфликтов, С. Л. Печоров описывает фактическое использование дезинформационных технологий для введения в заблуждение о причинах начала боевых действий на примере военных конфликтов на Ближнем Востоке. Примечательно, что в военном деле дезинформация используется не только для создания недостоверных представлений о военно-политических планах отдельных стран, но и для формирования ложного общественного мнения [2].

Г. А. Гаврилов приводит пример выступления в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций девушки из Кувейта, которая утверждала, что иракские солдаты выносили младенцев из кувейтского роддома и укладывали на бетонные мостовые. Как позже выяснилось, девушка оказалась дочерью посла Кувейта в Соединенных Штатах Америки и принадлежала к королевской семье, а выступление было использовано для укрепления резко негативного образа С. Хусейна в обществе [3, с. 175].

В электоральных процессах дезинформирование может привести к массовым беспорядкам. Так, попытка Д. Трампа убедить общественность в нелегитимности избрания в качестве президента Дж. Байдена, как об этом пишет соосновательница американского учреждения по проверке фактов и медиаграмотности на испанском языке Л. Зоммер, способствовала штурму Капитолия 6 января 2021 года. О том, что эти заявления являются дезинформацией, может свидетельствовать тот факт, что 63 из 64 поданных им исков были проиграны, а в единственном выигранном деле факт мошенничества не был доказан [4]. В ходе штурма Капитолия пострадали более 130 полицейских, 5 человек погибли, арестовано более тысячи и 467 человек подвергнуты уголовному наказанию в виде лишения свободы [5].

Как видно из представленных примеров, дезинформация может иметь серьезные последствия для общественной жизни, включая глобальные потрясения и человеческие жертвы. В связи с этим важной задачей является противодействие

дезинформированию на различных уровнях с применением всех доступных и допустимых методов.

2. Правовые механизмы противодействия дезинформации. Правовые механизмы, направленные на борьбу с дезинформацией, можно разделить на две категории: государственные и саморегулируемые.

Государственные механизмы часто предполагают жесткое регулирование, включая законы о клевете, ответственность за распространение ложной информации (в том числе путем уголовного наказания), а также различные организационные меры, направленные на ограничение распространения дезинформации. Такие подходы могут привести к ограничению свободы слова и самовыражения.

Примеры государственной регуляции включают законопроекты, принимаемые в различных странах. Например, в Германии был принят Закон о сетевой безопасности (*NetzDG*), который в кратчайшие сроки обязывает платформы удалять явную дезинформацию [6, с. 27]. Французское законодательство (*Avia Law*) предусматривает обязанность сайтов в течение суток после оповещения удалять любые материалы, содержащие призывы к ненависти; за невыполнение этих требований может быть наложен крупный денежный штраф [6, с. 28].

В отечественном законодательстве присутствует множество правовых норм, регламентирующих вопросы противодействия дезинформированию: право граждан на свободное получение и распространение информации, а также выражение мнения любыми законными методами гарантировано Конституцией РФ. Однако, как это справедливо отмечает В. Н. Андриянов, конституционные нормы также основаны на том принципе, что права и свободы человека и гражданина не должны нарушать прав и свобод других лиц. В связи с чем Конституцией РФ предусмотрено ограничение на деятельность, направленную на нарушение конституционного строя, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [7, с. 33].

Помимо антиэкстремистского законодательства, предусматривающего противодействие распространению ложных убеждений, основанных на принципах превосходства одних групп над другими, в отечественной правовой системе присутствуют меры противодействия и другим формам дезинформирования. Отечественные правовые нормы в области противодействия дезинформированию представляют собой целый комплекс различных правовых актов органов местного самоуправления и учреждений и организаций.

Большую роль в борьбе с дезинформацией играют нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

Установлением ответственности за экстремистские проявления и распространение ложной информации нормы уголовного права в области борьбы с дезинформацией не заканчиваются. К этой категории можно отнести предусмотренную законодательством уголовную ответственность за дискредитацию Вооруженных сил РФ, отрицание фактов, установленных Международным трибуналом в городе Нюрнберге, клевету и доведение до самоубийства.

Кроме уголовного права, на борьбу с дезинформацией также направлены нормы КоАП РФ, устанавливающие ответственность за злоупотребление свободой массовой информации, дискредитацию Вооруженных сил РФ и направленные на борьбу с распространением экстремистской идеологии.

Кроме юридических норм, устанавливающих ответственность, отечественное право предусматривает порядок действий государственных органов и учреждений, а также негосударственных, в том числе коммерческих, организаций. В частности, порядок действий в случае выявления недостоверной информации и реагирования на такие факты.

Рассмотренные меры могут подвергаться критике за чрезмерное регулирование и возможность злоупотребления властью со стороны государственных органов. В связи с этим

большое значение приобретают правовые нормы, основанные на принципах саморегулирования.

3. Принципы саморегулирования. Саморегулирование — это подход, при котором отрасль или профессиональное сообщество устанавливает собственные правила и механизмы для контроля и предотвращения дезинформации. По мнению Ю. Г. Лесковой, являясь одной из форм индивидуального правового регулирования, саморегулирование представляет собой самостоятельную и инициативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках действующего законодательства и направлена на упорядочивание конкретных общественных отношений путем создания индивидуального правового предписания [8, с. 52]. Этот подход может быть более гибким и менее ограничительным, чем жесткое государственное регулирование.

В качестве правовых принципов саморегулирования Д. А. Петров выделяет:

- принцип свободы саморегулирования, заключающийся в том, что субъекты саморегулирования свободно, самостоятельно, инициативно и добровольно принимают решения об осуществлении тех или иных видов деятельности с ограничением этой свободы в виде обязанностей соблюдать те или иные правила, устанавливаемые на определенные виды деятельности;

- принцип сочетания частных и публичных интересов, который заключается в необходимости соблюдения баланса между частными и публичными интересами в процессе осуществления некоторых видов деятельности;

- принцип единства и функциональной субсидиарности системы саморегулирования, заключающийся в сочетании прямого регулирования отдельных видов деятельности со вспомогательным применением принципов саморегулирования;

- принцип корпоративности, характерный как для организаций и деятельности саморегулируемых организаций, так и для каждого ее члена на основе общности профессиональных интересов. В соответствии с этим принципом в саморегулируемой

организации действуют определенные корпоративные нормы, занимающие промежуточное положение между социальными и юридическими нормами. Данные нормы распространяются на строго определенный круг лиц – членов саморегулируемой организации, а саморегулируемая организация приобретает право осуществления контроля деятельности своих членов и рассмотрение вопросов их дисциплинарной ответственности;

— принцип дополнительной ответственности членов саморегулируемой организации, который следует из принципа корпоративности и заключается в законодательном закреплении необходимости обеспечения саморегулируемой организацией дополнительной материальной ответственности каждого ее члена перед потребителями товаров и услуг, а также иными лицами [9].

3.1. Существующий опыт применения саморегулирования в борьбе с дезинформацией. В некоторых странах саморегулирование уже продемонстрировало свою эффективность. Например, в Европейском Союзе разработан и подписан представителями крупных цифровых платформ Кодекс практики по противодействию дезинформированию.

Как отмечает в докладе старший советник Бюро Представителя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по вопросам свободы средств массовой информации А. М. Рихтер, данный Кодекс оказался первым документом для диалога между заинтересованными сторонами в целях противодействия дезинформированию [10, с. 40].

По мнению Б. Ю. Базаркиной, данный Кодекс возложил обязанности по саморегулированию в области противодействия дезинформированию на цифровые платформы [11, с. 402–421]. Подписавшие Кодекс компании приняли на себя дополнительные обязательства по принятию мер и демонетизации сетевых ресурсов, осуществляющих распространение дезинформации [12, с. 131–132].

Дальнейшее развитие система противодействия в Европейском Союзе получила в Плане действий в области европейской демократии и законе о цифровых услугах, принятых

в 2020 году. В соответствии с этими документами особое внимание уделяется иностранному вмешательству, закреплена ответственность онлайн-платформ, определена необходимость поддержки инициатив в области борьбы с дезинформацией. Кроме того, закон о цифровых услугах предусматривает предоставление комиссии Европейского Союза и координаторам полномочий по контролю соблюдения законодательства и Кодекса практики в борьбе с дезинформацией, в том числе путем наложения штрафных санкций. Таким образом, наблюдается значительное увеличение роли негосударственных участников борьбы с дезинформацией (цифровые площадки, общественность) и ужесточение мер противодействия распространению недостоверного контента [12, с. 131–132].

Заслуживает внимания система регулирования СМИ в Федеративной Республике Германии, где, как отмечает А. А. Коновалова, отсутствует единый государственный орган, контролирующий деятельность СМИ. Основные функции по контролю выполняет общественная организация — Германский совет прессы на основании Кодекса прессы [13, с. 245].

3.2. Механизмы саморегулирования. Как показывает анализ законодательства и существующей практики, механизмы саморегулирования могут включать следующие элементы:

- кодексы поведения: компании и платформы разрабатывают собственные кодексы, которые регулируют действия пользователей и содержимое;

- образование и просвещение: программы по повышению медийной грамотности среди пользователей могут снизить восприимчивость к дезинформации;

- обратная связь от пользователей: платформы могут внедрять механизмы обратной связи для пользователей, позволяя им сообщать о потенциальной дезинформации.

4. Перспективы развития саморегулирования. Будущее саморегулирования в области противодействия дезинформации зависит от ряда факторов, включая технологические изменения, развитие законодательных инициатив и активность гражданского общества.

4.1. Технологические изменения. С развитием технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, платформы могут более эффективно выявлять и устранять дезинформацию. Эти технологии должны использоваться этично, чтобы избежать дискриминации и ограничения свободы слова.

Д. А. Ильвовский указывает на возможности выявления алгоритмами нейронных сетей информации, которая требует проверки, но о полной автоматизации данного процесса пока говорить рано ввиду низкого уровня доверия к искусственному интеллекту [14].

4.2. Гражданское общество. Активное участие гражданского общества в формировании саморегулируемых стандартов является ключевым фактором успеха. Образовательные инициативы и проекты по медийной грамотности должны стать неотъемлемой частью этих усилий. В качестве одной из рекомендаций государствам Организация Объединенных Наций определяет необходимость привлечения институтов гражданского общества в борьбе с дезинформацией [15].

4.3. Государственное регулирование. Участие государства в правовом регулировании вопросов использования технологических решений и прав общественных организаций и цифровых площадок занимает важное место в достижении баланса между соблюдением прав человека на свободу слова и законных интересов в формировании безопасного информационного пространства.

Таким образом, правовые механизмы противодействия дезинформации, основанные на принципах саморегулирования, представляют собой перспективный подход, позволяющий балансировать между защитой информации и свободой слова. Опыт применения таких механизмов в различных странах показывает их эффективность, однако необходимо продолжать работу над совершенствованием этих процессов. Важно обеспечить активное участие всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, платформы и гражданское общество, для создания устойчивой системы, способной противостоять дезинформации.

Примечания

1. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2000. 1536 с.

2. *Печоров С. Л.* О роли дезинформации в подготовке войн и военных конфликтов // Военная мысль. 1991. № 2. Сетевой информационный источник. URL: <https://militaryarticle.vibrokatok.by/voennaya-mysl/1991-vm/8373-po-opytu-vojn-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 29.10.2024).

3. *Гаврилов Г. А.* Использование СМИ для распространения дезинформации в ходе локальных конфликтов // Молодой ученый. 2012. № 9 (44). С. 175–177.

4. *Зоммер Л.* 10 видов миз- и дезинформации, распространяемой перед выборами // Международная журналистская сеть : офиц. сайт. URL: <https://ijnet.org/ru/story/10-видов-миз-и-дезинформации-распространяемой-перед-выборами> (дата обращения: 29.10.2024).

5. Захват Капитолия США (2021) // Википедия : свободная электронная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Захват_Капитолия_США_\(2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Захват_Капитолия_США_(2021)) (дата обращения: 29.10.2024).

6. *Федоров А. В.* Дезинформация как инструмент и составная часть информационного противоборства Запада // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 18–36.

7. *Андрянов В. Н.* Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 32–42.

8. *Лескова Ю. Г.* Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 48–56.

9. *Петров Д. А.* Принципы саморегулирования: критерии систематизации и виды // Академический юридический журнал. 2012. № 2 (48). С. 44–48.

10. *Рихтер А. М.* Международное право и политика в отношении дезинформации в контексте свободы СМИ : краткий

справочный документ для экспертного совещания, организованного Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ 14 мая 2021 г. / пер. с англ. В. Гаспаровой. Вена, 2021. С. 1–2, 27–52.

11. *Колотаев Ю. Ю.* Цифровизация и угроза дезинформации: современные управленческие практики Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 402–421.

12. *Базаркина Д. Ю.* Эволюция подхода европейского союза к борьбе с дезинформацией // Власть. 2021. № 6.

13. *Коновалова А. А.* Правовые основы функционирования средств массовой информации Германии // Молодой ученый. 2022. № 27 (422). С. 244–248.

14. *Скворцов А.* От смеха до арестов: ИИ в мире шуток, манипуляций и незэтичного выбора // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : офиц. сайт URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/978842831.html> (дата обращения: 01.11.2024).

15. Борьба с дезинформацией // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation> (дата обращения: 01.11.2024).

Д. О. Гунченко,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *С. В. Петров*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Согласно ст. 2 Основного закона РФ государство обязуется признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Обеспечение безопасности лиц, привлеченных к участию в уголовном судопроизводстве, производится в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1].

Государственная защита представляет собой реализацию мер, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества лиц, являющихся участниками уголовного процесса. В числе таких мер законодатель указывает личную охрану, охрану жилища, выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства, замену документов, изменение внешности, изменение места работы или учебы, временное помещение в безопасное место. Важно отметить, что осуществление государственной защиты должно быть основано на соблюдении конфиденциальности сведений о защищаемом лице.

Понятие «обеспечение безопасности участников уголовного процесса» включает следующее содержание: реализация мер правового, организационного и технического характера, нацеленных на исключение любой опасности для жизни, здоровья, жилища, имущества, чести и достоинства участников уголовного судопроизводства для преодоления препятствий осуществлению нормального порядка производства по уголовному делу и достижению истины [2, с. 34].

Современная нормативно-правовая база РФ располагает большим количеством НПА, регламентирующих ту или иную сферу обеспечения безопасности. Однако в некоторых из них, как это ни странно, не содержится дефиниции понятия «безопасность», хотя содержание документа предполагает ее наличие.

Казалось бы, в Федеральном законе от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» [3] должна содержаться дефиниция, о которой мы ведем речь, однако это не так.

Исследование сущности предложенных понятий, на наш взгляд, показывает, что термины «безопасность» и «защита» находятся в самой тесной связи и немыслимы друг без друга. Кратко говоря, безопасность является самоцелью и результатом защиты, а с помощью последней как средства безопасность и достигается. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что безопасность — это чувство, при котором отсутствует угроза, а значит, чувство защищенности интересов личности от влияния негативных факторов и пагубного воздействия.

Любая информация, связанная с применением мер безопасности в отношении конкретного лица, секретна и не подлежит разглашению. Основанием для защиты данных сведений является постановление органа, ведущего расследование, или решение суда, на рассмотрении которого находится уголовное дело.

Информация о мерах, необходимых для применения в отношении конкретного лица, а также запрещающих доступ к информации любого характера об этом, содержится в поста-

новлении органа, обеспечивающего государственную защиту (суд, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь). Данное постановление принимается на основании НПА, вынесенного органом, в компетенции которого находится принятие решения о необходимости применения мер безопасности [4, с. 26–27].

Институт обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства базируется на таких фундаментальных началах, как уважение прав и свобод личности, законности, взаимной ответственности всех органов и лиц, задействованных в механизме реализации мер безопасности, включая в первую очередь повышенную ответственность и сознательность лиц, в отношении которых защита применяется.

Закон указывает, что органы, применяющие меры государственной защиты, имеют в своем арсенале как гласные, так и негласные методы воздействия для достижения главного результата — обеспечения безопасности лица.

Эффективность применяемых методов и законность действий задействованных служб призваны оценивать надзорные и контрольные органы.

Немаловажно заметить, что запуск механизма государственной защиты участников уголовного судопроизводства возможен не всегда, потому как его применение является реальным только по уголовным делам, возбужденным по преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких.

Иногда отмена мер безопасности происходит не в случае устранения угрозы для лица, а в ситуации самоличного решения лица, в отношении которого применяются меры безопасности: подачи письменного волеизъявления в орган, уполномоченный на принятие решения о предоставлении защиты. Обеспечение защиты участника уголовного судопроизводства может быть прекращено и по причине несоблюдения условий взаимного соглашения между защищаемым лицом и органом, его защищающим.

Как было отмечено выше, регламентация института осуществления государственной защиты участников уголовного

судопроизводства получила широкое распространение в правовом поле РФ. Кроме наличия специально предусмотренного Федерального закона, основные положения которого были рассмотрены выше, стоит заметить, что отдельные черты нормативного регулирования рассматриваемого нами института нашли отражение в уголовно-процессуальном инструментарии РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ потерпевший, свидетель и иные указанные в законе лица могут предоставить в органы следствия письменное волеизъявление на осуществление в отношении них контроля и записи телефонных переговоров при наличии угроз совершения насилия и других преступных действий. При отсутствии заявления данных лиц следственное действие может быть проведено по решению суда.

Следующим примером обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства является наличие в законе (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) возможности производства предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальный контакт опознаваемого и опознающего, что исключает узнавание преступными элементами лиц, их изобличающих.

Яркой иллюстрацией защиты лиц, участвующих в судебном разбирательстве, является возможность его производства в закрытом режиме при наличии необходимости обеспечения безопасности данных лиц и их родственников, предусмотренная п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Пункт 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ гласит, что мера пресечения может быть избрана подозреваемому или обвиняемому при наличии у лица, ведущего расследование, достаточного основания полагать, что кому-либо из лиц, участвующих в уголовном деле, может угрожать опасность, источником которой может быть подозреваемый или обвиняемый. Показательно, что формулировка закона указывает не на достоверно установленное наличие угрозы лицу, а только лишь на подозрение на таковой факт. Это, безусловно, играет в пользу лиц, которые могут быть подвергнуты опасности, но отнюдь не в пользу лица подозреваемого или обвиняемого.

Чтобы не быть голословными, в подтверждение последних слов приведем апелляционное постановление, являющееся примером обжалования постановления суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по причине недостаточной аргументации следователем позиции относительно возможности лица совершить угрозы в адрес иного участника по уголовному делу [5].

Защитник обвиняемого в порядке апелляции обжаловал избранную судом в отношении его подзащитного меру пресечения, аргументировав свою позицию тем, что «...следователь как в своем ходатайстве, так и в судебном заседании не привел каких-либо данных, подтверждающих обоснованность своего ходатайства, не представив суду надлежащих и достоверных доказательств, подтверждающих намерение подозреваемого в случае нахождения на свободе помещать установлению истины по делу, оказав давление на свидетелей.

Оказание давления адвокатом на свидетелей не является основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемому по уголовному делу, поскольку ст. 97 УПК РФ таких оснований не предусматривает. Представленные материалы следователем, в частности, допросы свидетелей не свидетельствуют, что на них оказывалось давление подзащитным» [5].

На наш взгляд, в данной ситуации судебный орган не смог оценить объективным образом все собранные доводы в пользу избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку сам факт, служащий основанием для избрания меры пресечения, остался бездоказанным.

В качестве примера приведем еще одно решение суда апелляционной инстанции [6]. В этой ситуации аргументация в пользу заключения под стражу Т.А.В. была сформулирована следующим образом: лицо, обладая информацией о личности некоторых участников уголовного судопроизводства (свидетеля и потерпевшего), имеет возможность повлиять неким образом на них в целях предоставления последними следствию показаний, являющихся благоприятными с точки зрения след-

ственной ситуации для Т.А.В. Кроме того, никаких заявлений со стороны от лиц, участвующих в уголовном деле, об оказании на них давления со стороны обвинения зафиксировано не было, вследствие чего можно прийти к умозаключению о том, что при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения суд основывался на бездоказательных фактах и считал, что фактор знакомства вышеуказанных участников уголовного процесса может создать препятствия для осуществления расследования по делу.

Приведенные выше примеры позволяют прийти к умозаключению о том, что в ряде случаев суд при принятии определенных решений позволяет себе опираться на фактуру, не имеющую места в действительности, с предположением возможности совершения лицом пресекаемого поведения в будущем. Данный подход имеет право на существование, поскольку важность некоего прогнозирования развития следственной ситуации неоспорима, однако оно должно осуществляться в соответствии с реальными положениями дел, с опорой на основополагающие начала уголовного судопроизводства и критерии здравого смысла. Более того, наличие подобных ситуаций вполне объясняется существованием феномена «судебное усмотрение».

В рамках рассмотрения мер, позволяющих обеспечить защиту определенных лиц в уголовном судопроизводстве, мы уже обращали внимание на наличие у лица, ведущего расследование, возможности оставлять в тайне информацию о личности лица, защита интересов которого требуется.

Реализация подобного правомочия следователя осуществляется посредством определенных манипуляций по засекречиванию от иных участников уголовного судопроизводства данных о личности определенного лица путем вынесения субъектом расследования мотивированного постановления, в котором содержится указание на псевдоним и образец подписи засекречиваемого лица.

Указанное постановление соответствующим образом упаковывается, опечатывается и хранится при материалах уголовного

дела в полной недоступности для других лиц, в особенности от обвиняемого и его защитника, которые при прочих равных условиях обладают правом на ознакомление со всеми материалами уголовного дела по завершении расследования [7, с. 104].

Особого подхода требуют ситуации, когда волеизъявление об оставлении данных лица в тайне по причине боязни оказания давления со стороны обвинения совершается лицом, проходящим по делу в качестве потерпевшего или свидетеля. Речь идет о том, что на момент заявления соответствующего требования этими лицами в материалах уголовного дела уже могут присутствовать документы, позволяющие совершить персонификацию проходящих по нему лиц. Указанными документами могут быть постановление о признании потерпевшим, протоколы допроса свидетелей, заявление о преступлении и др. На момент поступления угроз могут быть проведены и иные следственные и процессуальные действия, имеющие документальное закрепление, позволяющее установить личность искомых лиц. В связи с этим субъектам расследования при поступлении требований о сохранении данных личности в тайне следует смотреть на ситуацию более широко, не ограничиваясь коротким временным промежутком, и способствовать засекречиванию всех материалов уголовного дела, могущих изобличить защищаемых лиц.

Подводя итог, отметим, что необходимо учитывать и тот факт, что вредоносное воздействие в рамках производства по уголовному делу с целью совершения препятствий установлению истины по делу может быть совершено и с целью осуществления давления, которое будет как способно помешать осуществлению уголовного судопроизводства, так и может оказываться и в отношении участников со стороны защиты – подозреваемого и обвиняемого, согласившегося содействовать расследованию в рамках действия института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Примечания

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 7 февраля 2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534.

2. Антошина А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: становление правового института // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 34–35.

3. О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 2.

4. Тихонов А. К. О процессуальной безопасности свидетеля и потерпевшего // Советская юстиция. 1993. № 20.

5. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 5 мая 2017 г. дело 22к-№-2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sudrespubliki-dagestan-respublika-dagestan-s/act-556224719/> (дата обращения: 01.10.2024).

6. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия от 27 апреля 2017 г. дело № 22к-155/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sudrespubliki-kalmykiya-respublika-kalmykiya-s/act-555903597/> (дата обращения: 01.10.2024).

7. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. Москва, 1997. С. 103–104.

Ф. М. Джалилов,
иностранный адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *В. В. Терехин*

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Доказательства и доказывание в уголовном процессе — это вечная тема для дискуссий. Несмотря на обширные научные исследования, проведенные в различные эпохи, проблемы доказательственного права остаются актуальными и по сей день. Такой интерес обусловлен ключевой ролью института доказывания в системе уголовно-процессуального права.

От точности законодательной формулировки, четкости и однозначности института доказывания зависят важнейшие процессуальные решения, принимаемые правоохранительными органами в уголовном судопроизводстве. В конечном счете от них зависит судьба человека.

Вопрос доказывания и его этапов в различных исторических периодах привлекал внимание многих русских и таджикских ученых-процессуалистов. Среди них можно отметить Р. С. Белкина, С. А. Шейфера, В. П. Божьева, В. Т. Томина, М. П. Полякова, Н. Н. Ковтуна, В. В. Терехина, П. А. Лупинскую, З. Х. Искандарова, Р. Р. Рахмаджонзода, А. Л. Арипова, П. С. Абдуллоева, Н. М. Самиева, А. Э. Рахматуллоева и др.

Несмотря на обширные исследования института доказывания, ряд проблем остается актуальным и требует решения.

Особенно остро стоит вопрос о собирании доказательств, являющихся основополагающим этапом процесса. Он продолжает порождать дискуссии как в теории, так и на практике.

В уголовном судопроизводстве, регламентируемом Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан (далее — УПК РТ), ключевую роль играет доказывание, которое включает собирание, проверку и оценку доказательств. На начальном этапе — собирании доказательств — лежит огромная ответственность, поскольку от его правильной организации зависит дальнейший ход расследования и судьба уголовного дела в суде.

Статья 86 УПК РТ прямо указывает на собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства, осуществляемого дознавателем, следователем, прокурором и судом [1]. Хотя на первый взгляд формулировка кажется ясной, но детальный анализ ряда норм (п. 1 ч. 2 ст. 42; п. 2 ч. 4 ст. 44; п. 8 ч. 4 ст. 46; п. 4 ч. 4 ст. 47; п. 3 ч. 2 ст. 53; п. 6 ч. 2 ст. 431; п. 3 ч. 2 ст. 443 УПК РТ и др.) [1] вызывает вопросы относительно точного значения термина «собирание доказательств».

Собирание доказательств, как отмечают различные авторы, представляет собой многогранный процесс, включающий несколько этапов.

В. П. Божьев указывает на собирание доказательств как на часть процесса доказывания, состоящую из производства властными субъектами судопроизводства предусмотренных законом следственных и судебных действий, в рамках которых происходят обнаружение относимых к уголовному делу данных (сведений), их рассмотрение и сохранение [2, с. 130].

А. И. Винберг и Р. С. Белкин полагают, что собирание доказательств состоит из действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств [3, с. 181].

А. Р. Ратинов и Н. Я. Якубович включают в понятие «собирание доказательств» их поиск (розыск) и обнаружение органами расследования, а также представление организациями и гражданами и получение (извлечение) содержащейся в них информации и далее закрепление доказательств [4; 5].

С. А. Шейфер раскрывает сущность собирания доказательств как отыскание, восприятие и закрепление доказательственной информации [6, с. 18].

Все представленные подходы к собиранию доказательств заслуживают внимания. Хотя авторы могут несколько отличаться в выделении этапов процесса, они единодушно признают, что собирание доказательств представляет собой последовательную деятельность, осуществляемую соответствующими органами или должностными лицами. Этот процесс обычно начинается с обнаружения доказательств, за которым следует их собирание и фиксация в соответствии с правовыми нормами.

Согласно судебной практике процесс собирания доказательств включает не только поиск и извлечение источников, но и их представление и фиксацию. Закон использует различные термины для описания этих действий: «собирание и закрепление», «собирание и представление».

Законодательство четко выделяет право на собирание доказательств только за уполномоченными органами и лицами. Кроме того, помимо термина «собирание», используется и термин «закрепление доказательств».

Возникают вопросы: «В чем отличие между термином “фиксация” и “закрепление”? Чем они отличаются? Почему для следов преступления необходима фиксация, а для других доказательств — закрепление и изъятие?» [7, с. 191].

Исследование положений УПК РТ показывает, что понятия «фиксация» и «закрепление» неразрывно связаны и фактически отражают единый процесс. Их суть состоит в придании предметам, документам и другим сведениям юридической значимости, соответствующей установленным законом требованиям.

Собирание доказательств — это комплексный процесс, который включает действия следователя, дознавателя, прокурора и суда по обнаружению, фиксации и изъятию предметов и документов. Он реализуется посредством проведения следственных и других процессуальных действий.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РТ в уголовном процессе право собирать доказательства предоставляется не только традиционным фигурам (дознавателю, следователю, прокурору и суду), но и защитнику [1], однако способы собирания доказательств у этих субъектов различаются.

Дознатель, следователь, прокурор и суд собирают доказательства путем проведения следственных и иных процессуальных действий, а защитник — путем собирания сведений, необходимых для оказания юридической помощи. Он имеет право запрашивать справки, характеристики и иные документы из различных учреждений, организаций, предприятий, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии; запрашивать с согласия подзащитного мнение специалистов для разъяснения возникших в связи с оказанием юридической помощи вопросов, требующих специальных познаний. Такое разграничение прав на собирание доказательств является спорным. Одни ученые считают, что защитник является активным участником процесса доказывания и имеет право собирать доказательства самостоятельно [8, с. 89]; другие полагают, что защитник может лишь представлять предметы и документы для их приобщения к делу в качестве доказательств [9, с. 55].

Истребование документов является важным процессуальным действием, которое могут осуществлять как следователь, дознаватель, прокурор, суд, так и защитник.

Важно отметить, что представленные документы не автоматически становятся доказательствами. Они должны быть подвергнуты проверке и оценке на предмет достоверности, относимости и допустимости перед тем, как их можно будет использовать в качестве доказательств. Это правило касается и документов, представленных защитником. Даже если они характеризуют личность обвиняемого, его здоровье или семейную ситуацию, то все равно должны быть изучены для определения их достоверности и соответствия делу.

Таким образом, документы, представленные защитником, приобщаются к материалам уголовного дела только после

принятия процессуального решения об удовлетворении ходатайства и прохождения необходимой проверки.

В соответствии с ч. 1 ст. 72 УПК РТ доказательствами по уголовному делу считаются фактические сведения, на основе которых в порядке, определенном УПК РТ, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дел [1].

Согласно этой же норме иные участники процесса, в том числе защитник, не обладают полномочиями собирать доказательства. Их право ограничивается собиранием и представлением сведений, имеющих отношение к делу. Эти сведения становятся доказательствами только после того, как их признают таковыми соответствующие должностные лица.

Таким образом, более точным является определение роли защитника не как субъекта собирания доказательств, а как лица, предоставляющего материалы для их потенциального включения в дело. Защитник может предоставлять предметы, документы, справки, а государственные органы и общественные организации должны содействовать этому, признавая за защитником право на получение сведений по делу.

В уголовном процессе применительно к собиранию доказательств уместнее говорить о том, что лицо, осуществляющее производство по делу, после проверки и оценки анализирует представленные сторонами предметы и документы и решает, будут ли они признаны доказательствами в рамках уголовного дела.

Мы считаем, что для повышения эффективности уголовно-процессуального законодательства необходимо исключить использование термина «доказательство» в отношении участников процесса, не обладающих властными полномочиями. Другими словами, данный термин должен применяться только к дознавателю, следователю, прокурору и суду, несмотря на то, что другие участники уголовного процесса могут обнаруживать и представлять сведения, имеющие значение для дела. Говоря

об их участии в собирании доказательств, неоправданно ограничивать их роль. Подобная формулировка не позволяет им активно участвовать в собирании и представлении доказательств.

Предложенные решения могут стать эффективным инструментом для преодоления существующих проблем в сфере собирания доказательств по уголовным делам как в науке, так и в практической деятельности, способствуя оптимизации процесса расследования уголовных дел.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (в ред. законов Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 982, 983) // АМОТ. 2009. № 12, ст. 816.

2. *Божьев В. П.* Уголовный процесс. Москва, 2006. С. 130.

3. *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. Москва, 1969. С. 182–183.

4. *Ратинов А. Р.* Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая, Москва 1969. С. 300–302.

5. *Якубович Н. А.* Понятие доказывания в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 114–120.

6. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва 2004.

7. *Клементьева Е. С., Семенова Е. В.* Актуальные вопросы собирания доказательств по уголовным делам // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 190–193.

8. *Белохортов И. И.* Полномочия защитника по собиранию Доказательств по уголовному делу // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 189–191.

9. *Тишутина И. В., Дяблов А. В.* Защитник по уголовному делу: субъект формирования доказательственной информации или противодействия расследованию // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2015. № 4–2. С. 49–57.

Л. Ю. Железова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель –
д-р юрид. наук, профессор *В. А. Толстик*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕРЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На первый взгляд, когда поднимается тема, связанная с юридической ответственностью и ее мерой, может показаться, что такого рода исследование вряд ли обладает существенной научной новизной и, как следствие, значимостью, однако позвольте с этим не согласиться.

Абсолютное большинство научных исследований, посвященных заявленной тематике, рассматривает сущность юридической ответственности в целом либо сущность отдельных видов юридической ответственности, отвечая на вопросы о том, что они из себя представляют, каковы их признаки и особенности. Другая часть работ посвящена исследованию отдельных групп мер юридической ответственности, рассматриваемых, как правило, в рамках отраслевых наук.

Несмотря на довольно значительное количество трудов, посвященных юридической ответственности и ее мерам, исследований, в рамках которых были проанализированы особенности законодательного процесса по установлению меры юридической ответственности с отсылкой к существующим проблемам и путям их решения, на сегодняшний день не проводилось. Таким образом, избрав в качестве предмета исследования закономерности по установлению меры юридической ответственности, подробно остановимся на наиболее проблемных аспектах.

Проблема 1. Определение сущности понятия «мера юридической ответственности». На протяжении всех периодов становления и развития человечества понятие «мера» и мысль о том, что все имеет меру, становились центральными в трудах многих мудрецов и философов, стремящихся раскрыть новые грани этой глобальной философской категории.

Несмотря на то, что данная категория давно тревожит умы ученых, говорить о существовании в науке какого-то единого подхода к ее определению не приходится. Это подтверждает тот факт, что некоторые ученые определяют меру юридической ответственности как санкцию [1]; другие рассматривают это понятие сквозь призму государственного принуждения; третьи заключают, что мера юридической ответственности по сути является мерой наказания [2, с. 656; 3, с. 30; 4, с. 9–12]. Это далеко не полный перечень всевозможных точек зрения относительно рассматриваемой категории.

Чтобы разрешить указанную проблему, ранее нами был проведен сравнительный анализ меры юридической ответственности с санкцией, мерой наказания и мерой государственного принуждения. Исходя из этого, нами сделаны выводы:

- санкция правовой нормы является лишь возможной формой выражения мер юридической ответственности;

- определять меру негативной юридической ответственности следует не через меру государственного принуждения, а путем использования такой категории, как «мера правового принуждения»;

- фактически, именно меры наказания и выступают мерами ретроспективной ответственности, но при этом иные меры уголовно-правового характера (за исключением принудительных мер медицинского характера), а также меры принудительного воспитательного воздействия отличаются от мер наказания лишь формально юридически, но не содержательно, ввиду чего также могут признаваться в качестве мер юридической ответственности. Кроме того, использование термина «наказание» характерно далеко не для всех отраслей права и, как следствие, не для всех видов юридической ответственности.

Ввиду этого определять меру юридической ответственности через меру наказания формально юридически недопустимо (хотя при этом цели их совпадают) [5, с. 122–127].

Разграничив меру юридической ответственности от смежных категорий, дабы уяснить, в чем заключается сущность меры юридической ответственности, нами также было проанализировано содержание понятий «мера» и «юридическая ответственность».

В первом случае за основу была взята философская теория меры, предложенная Г. В. Ф. Гегелем, в соответствии с которой мера понимается как единство количественного и качественного [6, с. 385]. На наш взгляд, это весьма полно характеризует меру юридической ответственности, которая выражается в конкретных видах правовых последствий (качественные характеристики) и их размере либо продолжительности (количественные характеристики).

Что касается определения юридической ответственности, то в рамках нашей статьи мы придерживаемся негативного (иначе говоря, ретроспективного) подхода, исходя из которого юридическая ответственность определяется как обязанность виновного лица претерпеть негативные последствия.

Таким образом, под мерой ретроспективной (негативной) юридической ответственности мы предлагаем понимать меру правового принуждения, включающую качественные (конкретные виды правовых последствий) и количественные (размер и продолжительность правовых последствий) характеристики неблагоприятных последствий (наказания), которые необходимо претерпеть виновному в совершении противоправного деяния лицу, устанавливаемую и применяемую с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых правонарушений как виновным в совершении правонарушения, так и иными лицами.

Проблема 2. Определение содержания понятия «мера юридической ответственности». Указанная проблема тесно взаимосвязана с первой, поскольку, если мы говорим о подходе, в соответствии с которым мера юридической ответственно-

сти рассматривается как мера наказания, то фактически в содержание указанного понятия мы можем включать только меры, предусмотренные ст. 44 УК РФ и ст. 3.2 КоАП РФ, что, по нашему мнению, не соответствует действительности.

Если рассматривать содержание и цели меры конституционной, дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой ответственности и сопоставлять их с содержанием и целями уголовной и административной ответственности, то можно выявить достаточно много сходств. Так, цель гражданско-правовой ответственности законодательно не урегулирована, но, исходя из анализа ряда научных трудов, в частности работ Н. В. Витрука [7, с. 432] и А. В. Фомина [8, с. 96–97], можно сделать вывод, что она заключается в восстановлении прав и возмещении причиненного ущерба. По нашему мнению, это равнозначно с такой целью наказания, как восстановление социальной справедливости, которая подразумевает восстановление нарушенных прав и свобод человека.

Применение мер конституционной ответственности нацелено на восстановление правомерного состояния конституционных правоотношений и предупреждение посягательств на конституционный правовой порядок, что также соотносится с такой целью наказания, как предупреждение совершения новых правонарушений.

Аналогичные сходства можно проследить и при анализе целей материальной и дисциплинарной юридической ответственности.

Таким образом, неиспользование термина «наказание» в контексте конституционной, гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной ответственности связано не с принципиальными отличиями и несопоставимостью этих понятий, а лишь со сложившейся в науке практикой их применения и с отсутствием в законодательстве, регламентирующем ранее указанные меры юридической ответственности, категории наказания.

На основании изложенного выше следует, что меры юридической ответственности представляют собой меры наказа-

ния, которые не ограничиваются лишь мерами, предусмотренными ст. 44 УК РФ и ст. 3.2 КоАП РФ, но и включают в себя меры конституционной, материальной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. Более того, в содержание меры юридической ответственности нами предложено включать принудительные меры воспитательного воздействия, а также такие иные меры уголовно-правового характера, как конфискация имущества и судебный штраф, поскольку мы убеждены в том, что дифференциация мер юридической ответственности на меры наказания, меры уголовно-правового характера и меры воспитательного воздействия весьма условна. Убедиться в этом можно путем анализа содержательной стороны рассматриваемых мер (например, путем исследования содержательной стороны штрафа как наказания и судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера). Здесь не возникает сомнений в том, что отличия носят чисто формальный характер.

Таким образом, отвечая на второй проблемный вопрос, мы можем заключить, что в содержание меры юридической ответственности входят меры наказания, иные меры уголовно-правового характера (конфискация имущества и судебный штраф), меры воспитательного воздействия, а также меры конституционной, материальной, дисциплинарной, гражданско-правовой ответственности.

Проблема 3. Выявление критериев, которым должна соответствовать мера юридической ответственности. Исследуя процесс установления меры юридической ответственности, у нас не возникает никаких сомнений в необходимости определения тех критериев, которым она должна соответствовать, поскольку именно ими и должен руководствоваться законодатель в своей деятельности. Решая указанную проблему в рамках статьи, мы предлагаем выделить три важнейших критерия:

— первый — справедливость, который включает соразмерность и согласованность меры юридической ответственности;

— второй, пожалуй, самый спорный, это объективность избранной законодателем меры;

— третий — эффективность избираемой законодателем меры.

Проблема 4. Определение факторов, детерминирующих выбор законодателем конкретной меры юридической ответственности при конструировании правовой нормы. Одна из значимых проблем при исследовании меры юридической ответственности заключается в определении исчерпывающего перечня факторов, способных оказать влияние на избираемые законодателем качественные и количественные характеристики меры юридической ответственности:

1) приоритетность общественных отношений, зависящая от складывающейся политической ситуации; распространенности тех или иных противоправных деяний; эффективности ранее установленной меры юридической ответственности; социальной непереносимости правонарушения;

2) характер и размер вреда;

3) характеристика субъекта противоправного посяательства: гражданство, пол, возраст, наличие детей до определенного возраста, беременность, состояние здоровья, юридическая природа, дополнительные полномочия или обязанности, количество виновных лиц и их взаимосвязь между собой;

4) характеристика потерпевшей стороны: физические признаки потерпевшего (пол, состояние здоровья, возраст; социальные признаки потерпевшего, количество потерпевших, юридическая природа потерпевшей стороны;

5) способ совершения правонарушения;

6) тяжесть противоправного посяательства;

7) мотив;

8) цель;

9) форма вины.

Можно ли назвать приведенный перечень исчерпывающим? Какова иерархия этих факторов? — вопросы, на которые нам еще предстоит ответить. На данный момент мы можем заключить, что каждый из ранее приведенных факторов может оказать непосредственное влияние на избираемую законодате-

лем качественную или количественную характеристику меры юридической ответственности.

Проблема 5. Выявление примеров дисбаланса мер юридической ответственности в действующем законодательстве. Выявление примеров, свидетельствующих о наличии в установленных мерах юридической ответственности дисбаланса, во-первых, станет одним из аргументов, подтверждающим необходимость исследования процесса законодательной деятельности по установлению меры, а во-вторых, на основе анализа найденных примеров появится возможность исследовать причины возникновения дисбаланса, что в дальнейшем позволит выдвинуть предложения по оптимизации деятельности законодателя по установлению меры юридической ответственности.

В заключение отметим, что указанный перечень проблем не является исчерпывающим. Изучая вопросы установления меры юридической ответственности, необходимо разрешить ряд иных проблемных вопросов, однако проблемы, названные и рассмотренные в рамках данной статьи, являются приоритетными для исследования указанной тематики.

Примечания

1. *Заболотских Е. М.* Муниципально-правовые санкции как форма выражения ответственности в системе местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 200 с.

2. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Рига, 1924.

3. *Малеин Н. С.* Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы : Труды по правоведению. Москва, 1989.

4. *Каплин М. Н.* Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права // Пенитенциарная наука, 2009. № 8. С. 9–12.

5. *Железова Л. Ю.* К вопросу о соотношении понятия «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» со смежными категориями // Юридическая наука

и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 122–127.

6. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. V. Москва, 1939.

7. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. Москва, 2009.

8. Фомин А. В. Понятие и особенности гражданско-правовой ответственности // Вестник магистратуры. 2015. № 7 (46). С. 96–97.

Е. С. Зиновьева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *М. В. Лапатников*

ИНСТИТУТ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В РАЗРЕЗЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Институт личного поручительства нельзя признать чем-то достаточно неординарным, придающим уникальность отечественному праву, уголовно-процессуальному в частности. Подробное изучение зарубежного законодательства в части, касающейся поручительства, свидетельствует о том, что данная мера в том или ином виде присутствует в правотворческом или правоприменительном опыте других государств, обращение к которому выявляет как положительные примеры для заимствований, так и определенные закономерности, за которыми следуют проблемы применения рассматриваемой меры. Их учет способен составить весьма полезный опыт как в практическом нормотворческом ключе, так и в разрезе формирования и развития научного знания в этой сфере.

Для более-менее адекватного сопоставления существенно разнящихся подходов к регламентации названного правового института исследование необходимо осуществлять, учитывая соответствующие юридические тонкости, игнорирование которых зачастую может привести к ошибочному суждению об отсутствии в том или ином государстве личного поручительства или подобной ему меры процессуального принуждения. К такого рода тонкостям следует отнести как различия в категориальном аппарате, так возможность более дифференциро-

ванного или более консолидированного подхода к мерам пресечения в целом, из-за чего поручительство может быть размыто в нормативном содержании других мер либо рассредоточено на более частные институты. Построение исследования по такому пути позволит не оставить без внимания информацию, способную оказать продуктивное влияние на все виды юридической техники и российскую процессуальную науку.

В большей мере на отечественную регламентацию института личного поручительства похожа ст. 121 УПК Республики Беларусь (далее — УПК РБ), имеющая структуру и содержание, практически тождественные ст. 103 УПК РФ. Исключением, трактуемым нами в пользу процессуального законодательства союзного нам государства, также является подход к исчислению размера денежного взыскания путем установления так называемых базовых величин.

Если текущая редакция ч. 4 ст. 103 УПК РФ предусматривает штраф размером до 10 тыс. рублей, то ч. 4 ст. 121 УПК РБ устанавливает денежное взыскание в размере от 100 до 500 базовых величин. С 1 января 2024 года сумма базовой величины была установлена в размере 40 белорусских рублей [1], (что эквивалентно 1 183,89 российским рублям по курсу Центрального банка РФ (на 17 октября 2024 год) [2]. В перерасчете на российские рубли размер взыскания по ч. 4 ст. 121 УПК РБ составляет в среднем от 89 до 425 тыс. рублей, что, согласитесь, образует достаточно ощутимый объем денежных средств, создавая дополнительный стимул для потенциального поручителя с полной ответственностью отнестись к своим обязанностям.

В соответствии с информацией, размещенной на официальном сайте Министерства финансов Республики Беларусь, базовая величина является показателем, необходимым для расчета размера некоторых государственных пошлин или выплат, не привязанным к материальным или нематериальным благам номинальным стандартом. Его размер определяется не как оценка благ, примером чего служит бюджет прожиточного минимума, но «...формируется в результате нескольких

факторов — инфляция, общая экономическая ситуация в Республике Беларусь и другое» [1].

Рассмотренный подход к установлению имущественной ответственности поручителя схож с позициями украинского законодателя или утратившего силу УПК РФСФР, поскольку основан на кратности штрафа, но в то же время существенно отличается от них, так как не привязан к МРОТ или прожиточному минимуму. Это позволяет гибко менять уголовно-процессуальную политику в части, касающейся денежного взыскания, открывает возможность адаптировать санкционную составляющую нормы о личном поручительстве к непрестанно меняющимся экономическим реалиям, не требуя при этом вмешательства в содержание самого УПК РБ. Это потребовало бы некоторого времени, особо ценного в условиях необходимости своевременного осуществления юридико-технических преобразований.

Не менее репрезентативна в разрезе изучения зарубежного опыта применения института личного поручительства ст. 258 Уголовно-процессуального закона Латвийской Республики (далее — УПЗ ЛР) от 21 апреля 2005 года, регламентирующая меру пресечения, именованную (в переводе на русский) «личной гарантией». Если по смыслу ст. 180 УПК Украины следовал вывод о том, что привлечение лишь одного поручителя является чем-то исключительным, применяемым только в особых условиях, то ч. 2 ст. 258 УПЗ ЛР напрямую устанавливает, что должны быть как минимум два личных поручителя [3].

Отдельного указания заслуживает и то, что в данной части статьи фактически содержится критерий, предъявляемый к потенциальному поручителю, в соответствии с которым таковым может быть лишь физическое лицо.

Относительно исчисления размера штрафа, то латвийское законодательство [4] предлагает исчислять сумму взыскания кратно. В УПЗ ЛР кратность устанавливается из минимальных месячных заработных плат, определенных Латвийской Республикой. В таком случае заключаем, что обращение к законодательному опыту Латвийской Республики придает логичную детерминированность предложенной нами идее установления

размера денежного взыскания в ч. 4 ст. 103 УПК РФ, исходя из среднемесячного заработка.

Предлагаем уделить некоторое внимание рассмотрению ст. 238–239 УПК Швейцарии (StPO) [5]. В уголовном процессе этого государства не предусмотрено поручительства как такового, поскольку существует мера пресечения, совмещающая в себе признаки как поручительства, так и залога. Уголовный процесс Швейцарии также закрепляет необходимость предварительной передачи денежных средств в качестве гарантийного депозита. По смыслу ч. 3 ст. 238 УПК Швейцарии этот залог может быть внесен наличными денежными средствами, банковским гарантийным обязательством и гарантией страховой компании. Соответствующие средства возвращаются лицу, их внесшему, если перестала существовать причина ограничения свободы, производство по уголовному делу было прекращено, в частности, если подсудимый оправдан, а также если лицо подвергнуто лишению свободы.

Безусловно, отличительным моментом является то, что в основе лежит именно средний, а не минимальный заработок. Это объясняем тем, что предполагается более основательная индивидуализация ответственности поручителя (чем в актуальном российском или даже зарубежном уголовно-процессуальном праве), и размер взыскания будет определяться, исходя из месячного заработка конкретного гражданина, допустившего со своей стороны неисполнение обязательств по личному поручительству. Следование по данному пути позволит, на наш взгляд, оказывать наиболее эффективное стимулирующее воздействие на личность поручителя ввиду учета его финансового положения. *В этом смысле мы не только заимствуем идеи из положительной зарубежной законодательской практики, но доводим их до более совершенного состояния.* Установление кратности взыскания, исходя из каких-то фиксированных показателей (МРОТ, прожиточный минимум), мы видим крайне неэффективным, поскольку эти суммы элементарно могут быть для того или иного условного поручителя ничтожными в своей незначительности.

Примечания

1. Словарь банковских терминов // Министерство финансов Республики Беларусь : офиц. сайт. URL: <http://kodeksy.by/-ugolovno-processualnyy-kodeks/statya-121> (дата обращения: 22.09.2024).

2. Курсы валют // Министерство финансов Республики Беларусь : офиц. сайт. URL: <https://ru.myfin.by/converter/byn-rub/27> (дата обращения: 29.09.2024).

3. Kriminalprocesalikums // Latvijas Vestnesis, 74. 2005. 11 мая. URL: <https://likumi.lv/ta/id/107820> (дата обращения: 27.10.2024).

4. *Давиденко С. В.* Особиста порука як запобіжний ахіг: порівняльно правовий аспект // Вчен записки Тавршського національного ушверситетуімені. Серія: Юридикш науки. 2029. № 4. Т. 30 (69). С. 204–208.

5. Schweizerische Strafprozessordnung (StPO) (5 Oktober 2007): AS 2010 1881 // The Federal Concil : The portal of the Swiss government. URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html> (дата обращения: 17.05.2020).

Ю. В. Коломенская,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доцент *А. А. Бардаков*

СИСТЕМА ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Обострение внешнеполитической обстановки в РФ обуславливает необходимость реагирования на вызовы и угрозы, влияющие на экономическую деятельность государства. Считается, что политика импортозамещения в том виде, в котором мы можем наблюдать ее в настоящее время, начала реализовываться в 2014 году после активного введения санкций в отношении РФ западными странами.

Современные геополитические реалии, проявляющиеся в условиях санкционных мер воздействия со стороны более 60 стран в отношении РФ, связанных с отказом от внешней торговли, требуют решения приоритетного вопроса импортозамещения. Государство вынуждено пересматривать сложившуюся экономическую политику и разрабатывать стратегии протекционизма, позволяющие снизить зависимость от ввоза в страну импортных товаров, совершенствуя возможности производства и увеличивая конкурентоспособность продукции, что отражено в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Провозглашает целями обеспечения экономической безопасности «укрепление экономического суверенитета страны, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутрен-

них угроз, создание условий для экономического роста Российской Федерации» [1]. Для достижения указанных целей поставлена задача преодолеть критическую зависимость российской экономики от импорта технологий, оборудования и комплектующих.

Система государственных закупок широко известна в наши дни. Она получила масштабное распространение в экономической политике РФ. Закупки для государственных и муниципальных нужд предназначены для обеспечения потребностей государственных учреждений путем исполнения закупок лицами, которые соответствуют требованиям к участникам закупки.

Институт закупок для государственных и муниципальных нужд выполняет ряд важнейших функций, таких как: функция экономии, стимулирующая функция, контролирующая функция, воспроизводственная функция, социальная функция.

Стимулирующая функция проявляется в различных аспектах, а именно: система государственных закупок стимулирует развитие экономики страны в целом, развитие инноваций, а также активность, продуктивность отечественных производителей и их взаимодействие с государством. В рассматриваемом аспекте ключевую роль выполняет стимулирующая функция.

В первую очередь необходимо отметить, что законодательством в сфере системы закупок для государственных и муниципальных нужд определен национальный режим при осуществлении закупок. По мнению М. В. Мякиньковой, «...национальный режим в контрактной системе выражается в предоставлении преимуществ товарам отечественного производства» [2] и представляет собой правила, предусматривающие определенные преференции товарам российского происхождения перед иностранными товарами. Иностранцами в данном случае признаются товары, произведенные вне территории РФ и других стран Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

Введение национального режима обусловлено необходимостью защиты внутреннего рынка РФ, развития национальной экономики и поддержки отечественного производителя.

Национальный режим предусматривает наличие определенных ограничений, запретов и условий допуска для участников с иностранными товарами. Изменение политических и экономических условий требует усиления мер импортозамещения, в частности посредством осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд.

Свое начало национальный режим в системе закупок берет в 1860 году, когда Александром II был издан указ, согласно которому государственные заказы могли быть отданы иностранным производителям только в случае, если произвести товар отечественным компаниям не представлялось возможным.

В настоящее время положения о национальном режиме в системе закупок отражены в ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44-ФЗ) [3], в ст. 3.1–4 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — ФЗ № 223-ФЗ) [4], в положениях различных постановлений Правительства РФ.

С 1 января 2025 года будут унифицированы правила применения национального режима как для государственных учреждений, так и для юридических лиц с государственным участием. Унификация предполагает создание такой системы, которая упростит осуществление закупок в рамках ФЗ № 44-ФЗ и № 223-ФЗ.

В 2024 году до вступления в силу Федерального закона от 8 августа 2024 года № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [5] для регулирования национального режима по отдельным видам продукции действовало множество подзаконных актов, а именно постановления Правительства № 616, 617 и т. д. Кроме того, для государственных (муниципальных) учреждений и отдельных видов юридических лиц действуют отдельно разработанные акты.

Изменения, вступающие в силу в 2025 году, направлены на оптимизацию процедуры закупки товаров, работ, услуг, так как все запреты, ограничения, преференции и другие меры будут собраны в едином документе — постановлении Правительства РФ. Проводимую унификацию можно объяснить тем, что импортозамещающие меры вводились постепенно как реакция на изменения экономической обстановки. Соответственно, количество актов начинало увеличиваться в геометрической прогрессии. В связи с этим принято решение о систематизации множества постановлений в единый документ для упрощения процедуры закупок. Необходимо заметить, что в данной статье мы ссылаемся на действующие постановления Правительства РФ в силу того, что, несмотря на утрату ими силы с 1 января 2025 года, кардинальных изменений в перечнях не произойдет — они будут объединены в единый акт.

Реализация национального режима осуществляется с помощью следующих инструментов: 1) запрет на закупку иностранных товаров; 2) ограничение закупок указанных товаров; 3) установление преференций отечественным товарам. В качестве самостоятельного четвертого инструмента считаем целесообразным также выделить установление минимальной обязательной доли закупки российских товаров.

1. Запрет на закупку иностранных товаров с 2025 года будет распространяться не только на конкурентные способы закупки, но и на закупки у единственного поставщика. Правительством РФ разработан проект постановления, в прилагаемом перечне к которому перечислены следующие товары иностранного происхождения: различные текстильные изделия (ткани, одежда), обувь, программное обеспечение, электронные компоненты (интегральные схемы, устройства числового программного управления) и т. д.

Запрет распространяется не только на указанные товары, но и на услуги, оказываемые иностранными лицами (например, иностранными аудиторскими фирмами).

Запрет не будет распространяться на товары, которые, например, не включены в перечни или не производятся

на территории РФ. К случаям, на которые запрет не распространяется, относится, например, отсутствие производства конкретного товара на территории РФ, при этом должно быть получено разрешение Министерства промышленности и торговли РФ на закупку указанного товара иностранного происхождения.

2. Ограничение закупок товаров иностранного происхождения. Примечательно, что не все товары и услуги иностранного происхождения подлежат запрету к закупке. В некоторых случаях они допускаются к торгам, но приоритет будет отдан товарам и услугам российского происхождения (при их наличии). Так, закупки проводятся по правилу «второй лишней», что подразумевает следующее: при проведении закупки, среди которых есть поставщики товаров иностранного происхождения и товаров из стран ЕАЭС, то заказчик не сможет заключить контракт с первыми из них, то есть если среди поставщиков есть хоть один отечественный поставщик, то контракт будет заключен именно с ним. В качестве примера можно привести ныне действующее постановление Правительства РФ от 10 июля 2017 года № 878 «О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации...», согласно которому ограничению к закупке подлежит такая продукция иностранного происхождения, как вычислительные машины, антенны, охранно-пожарные устройства и так далее [6]. Так, заказчику, проводившему закупку работ по установке дорожных камер, ФАС России предписала устранить нарушение за отсутствие установленных ограничений допуска импортной электроники, так как монтируемые камеры находились в перечне товаров с ограничениями допуска [7].

3. Установление преимуществ товаров отечественного производства. Ценовая преференция отечественному производителю предоставляется в размере 15 или 20 % (если закупка осуществляется в рамках реализации национальных проектов), то есть цена контракта по заявке с продукцией из стран ЕАЭС снижается на указанный процент в целях определения испол-

нителя государственной закупки при проведении конкурса или запроса котировок для повышения рейтинга данной продукции. Таким образом, стоимостная преференция позволяет российскому производителю с наибольшей вероятностью стать исполнителем заказа, но фактически контракт заключается на первоначальную сумму без учета ценовой преференции.

4. Установление минимальной доли закупки российских товаров, выделенное нами в качестве отдельного инструмента, предполагает выполнение отдельными видами юридических лиц в рамках ФЗ № 223-ФЗ требований о соблюдении минимального процента закупки товаров российского происхождения в общем числе закупок. Данная мера регулируется постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2020 года № 2013 «О минимальной доле закупок товаров российского происхождения», например, с 2023 года установлена минимальная доля закупки аппаратов искусственной вентиляции легких в размере 70 % [8]. Указанная мера применяется в отношении государственных и муниципальных учреждений в рамках ФЗ № 44-ФЗ: например, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2020 года № 2014 «О минимальной обязательной доле закупок российских товаров и ее достижении заказчиком» минимальная доля закупки российской бытовой электронной техники с 2023 года составляет 90 % (по сравнению с 2021 и 2022 годами данное значение в 2023 году увеличено на 25 и 15 %, соответственно) [9].

Рассмотрев действующие механизмы, можем сделать вывод, что законодатель унифицирует регулирование контрактной системы путем разработки единых правил для заказчиков по ФЗ № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. В системе закупок для государственных и муниципальных нужд находят отражение положения, способствующие стимулированию отечественного производства и поддерживающие российских поставщиков. Это положительно влияет на реализацию политики импортозамещения, что является критически важным элементом для повышения экономической безопасности России в современных условиях.

Примечания

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 23.10.2024).

2. *Мякинтькова М. В.* Национальный режим при осуществлении закупок: проблематика и перспективы новаций // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2024. № 3. С. 53–57.

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 23.10.2024).

4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 23.10.2024).

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 318-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482576/ (дата обращения: 23.10.2024).

6. О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 10 июля 2017 г. № 878 //

СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329382/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 23.10.2024).

7. Решение ФАС России от 1 июля 2024 г. по делу № 28/06/105-1614/2024 // Гражданский контроль государственных закупок : сайт. URL: <https://gkgz.ru/praktika-fas-po-zakonu-n-44-fz-kakie-oshibki-otmetila-sluzhba-v-obzoraх-za-iyul-2024-goda/> (дата обращения: 23.10.2024).

8. О минимальной доле закупок товаров российского происхождения : постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 2013 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369870/891cd78904ddd045d4f6a72d2168299228a9afd9/ (дата обращения: 23.10.2024).

9. О минимальной обязательной доле закупок российских товаров и ее достижении заказчиком : постановление Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 2014 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370114/d0701ea87462458b55c3e84311514e2eabc3ec0e/ (дата обращения: 23.10.2024).

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1917–1918 ГОДОВ

«Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов», — провозгласил В. И. Ленин [1]. Данные НПА представляли собой источник права.

В правовой доктрине М. Н. Марченко утверждает, что термин «источник права» имеет «...философский смысл, который указывает на то, какие по своему характеру (либеральные, консервативные и пр.) философские идеи легли в основу той или иной правовой системы» [2, с. 505, 507].

В современной теории права под правовым источником понимается правовая форма выражения государством норм (правил поведения), закрепленная в НПА, зависящая от действующих реалий на том или ином историческом срезе и идеологических установок, принятых на данном этапе в основе общественных процессов [3].

Исторический опыт правового регулирования определяет механизм действия процессов современного законодательства, а также позволяет моделировать его дальнейшее развитие, объективно оценивая предшествующий опыт, выявляя положительные и негативные тенденции.

Методологически детерминировано изучение первых советских декретов, выражавших идеологические основы новой власти и партийных установок.

В. И. Ленин следующим образом указывал на политическую сущность любого закона, принимаемого государством: «Закон есть мера политическая, есть политика» [1, с. 7]. Партия обращала внимание на необходимость соблюдения декретов, принимаемых Советом Народных Комиссаров (далее — СНК), так как они «...проводят в жизнь программные вопросы нашей партии» [4, с. 5].

В процессе создания государства с иными политическими ориентирами правотворчество набирало силу, так как новые правила, порядок общественных отношений в обществе в различных сферах жизнедеятельности в зависимости от состояния в обществе в короткие сроки необходимо было закреплять в НПА: декретах, постановлениях, разъяснениях, решениях, инструкциях и т. п., позволявших оперативно реагировать на меняющиеся обстоятельства.

Несмотря на хаотичность правового регулирования, в зарождавшейся правовой системе декреты имели силу законов, тем самым закладывая фундамент для формирования и эволюции советского права.

В период становления новой государственности в число основных задач входила охрана общественного порядка. Однако в зарождавшейся теории советского государства и права эта категория употреблялась в расширенном толковании, в значении общественного устройства, создающего такие условия общественности, которые добровольно соблюдаются членами общества [5, с. 83].

В 1917–1918 годы, несмотря на необходимость правового регулирования, в нормотворческой деятельности и правоприменителями на практике вместо понятия «общественный порядок» зачастую используется следующая терминология: «государственный порядок», «революционный порядок», «публичный порядок», «порядок», как наиболее точно отражающая классовую природу системы общественных отношений, устанавливаемых в процессе социалистической революции.

Подобная замена определена историческими процессами, происходившими в государстве в тот период времени, когда

общество не сформировано, общественные отношения не определены и не урегулированы, идеологические и политические установки новой власти только начинают претворяться в жизнь. В виду отсутствия нормативного дефинирования и употребления в правовых актах понимание сущности категории общественного порядка следует из общего смысла того или иного декрета.

В декрете «Об армейских революционных комитетах» от 26 октября 1917 года применяется словосочетание «революционный порядок»: «Всем армиям предлагается создать временные революционные комитеты, на которые возлагается ответственность за сохранение революционного порядка и твердости фронта» [6, с. 6].

Декрет «О печати» от 9 ноября 1917 года гласит: «Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены...» [4, с. 24]. В данном НПА законодатель говорит «о новом порядке», который должен устояться, утвердиться, апробироваться в новом государстве. В данном случае под словосочетанием «новый порядок» понимаются новое государственное устройство, его режим, порядок функционирования.

Согласно декрету «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской Республики. В этих случаях принятие мер для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности отводится местной власти [4, с. 371]. В данном НПА под общественным порядком понимается спокойное, невраждебное, мирное состояние общества, что было чрезвычайно важно в переломное для страны время, в период становления нового государственного устройства и политического режима.

В декрете «Социалистическое отечество в опасности!», принятом СНК 21 февраля 1918 года, речь идет о германском «порядке», направленном на порабощение русских рабочих

и крестьян путем возврата земли помещикам, фабрик и заводов — банкирам, а власти — монархии, что представляло для страны величайшую опасность. В связи с этим необходимо противостоять данному порядку всевозможными способами и средствами, использовать радикальные меры для борьбы с ним [4, с. 490].

В ходе изучения декретного законодательства 1917–1918 годов (например, декреты «О земле», «О мире», «О высшем совете народного хозяйства», «О флаге Российской Республики», «О национализации внешней торговли», «О национализации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего императорского дома», «О приобретении права российского гражданства», «О роспуске Учредительного Собрания», «О взяточничестве», «О революционных трибуналах», «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «О национализации торгового флота», «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» и др.) установлено, что понятие «общественный порядок» не используется.

В данный период в правотворческой деятельности происходит становление категории общественного порядка в его расширенном толковании: под ним понимались алгоритм действий, правила поведения в новой системе общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности, закрепленные на законодательном уровне в НПА в форме декретов.

В основу большинства подобного рода декретов положены проекты, написанные В. И. Лениным, поэтому понимание сути категории порядка, используемой в документах, возможно через его воззрения, высказывания относительно данного явления в первые годы советской власти.

Говоря о государственном управлении, под общественным порядком В. И. Ленин понимал устройство общества, а социалистический порядок как фазу коммунистической общественно-экономической формации.

Несмотря на отсутствие в рассматриваемый нами исторический период законодательного определения общественного

порядка, его поддержание в обществе в эпоху перемен было приоритетной задачей, требовалась организация органов по его обеспечению. В целях реализации поставленных задач постановлением от 28 октября 1917 года при советских органах учреждена рабочая милиция [7, с. 595].

Инструкцией по организации советской Рабоче-Крестьянской милиции от 12 октября 1918 года закрепляются обязанности по поддержанию общественного порядка, а именно: фиксирование правонарушений и происшествий, принятие мер по их пресечению; обеспечение порядка в общественных местах; обеспечение порядка и безопасности во время стихийных бедствий; оказание помощи при несчастных случаях; надзор за санитарным состоянием и благоустройством; выдача удостоверений личности и некоторых других документов в случаях, предусмотренных распоряжениями правительства и органов власти на местах [8, с. 179].

Таким образом, в период становления нового государства происходит формирование новых общественных отношений в разных отраслях и сферах жизнедеятельности, устанавливаются новые правила поведения в соответствии с партийной идеологией, регламентация которых осуществляется в форме декретов, позволяющих оперативно реагировать на меняющиеся реалии в зависимости от тех или иных обстоятельств, внешних и внутренних государственных угроз.

Примечания

1. *Ленин В. И.* О трудовом законодательстве. Москва, 1959. 519 с.

2. *Марченко М. Н.* Теория государства и права : учебник. 2-е изд. Москва, 2006. 636 с.

3. *Роцин Б. Е.* Декреты советской власти как источники трудового права: особенности генезиса // Альманах современной науки и образования. 2011. № 8 (51). С. 51–53.

4. Декреты Советской власти: в 18 т. Т. 1. Москва, 1957. 625 с.

5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. Москва, 1962. 433 с.

6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. Москва, 1942.

7. *Исаев И. А.* История государства и права России. Москва, 2009.

8. *Хамхоев Б. Т.* Генезис формирования понимания сущности общественной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 176–180.

М. С. Кузнецов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *М. П. Поляков*

НОРМАТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ ФОРМАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Анализируя генезис того или иного процессуального института в УПК РФ, исследователи обычно без труда могут найти его применение в дореформенном уголовном процессе. На фоне преемственности уголовно-процессуальных норм актуальным представляется вопрос нормативного воплощения в действующем УПК РФ теории формальной оценки доказательств, которая номинально считается отмененной. Несмотря на современное законодательное подтверждение данного ostrакизма, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве легко различим ее концепт.

Дискуссии по данному поводу ведутся с момента введения УПК РФ, и ряды их участников постоянно пополняются. Даже утвердительная резолюция императора Александра II «Быть по сему» на тексте Указа о введении Устава уголовного судопроизводства 1864 года не смогла повлиять на судьбу данной доказательственной теории в отношении ее дальнейшего законодательного применения.

Отечественные процессуалисты даже после принятия судебной реформы не переставали задаваться вопросом существования рассматриваемой доказательственной концепции в отечественном уголовном процессе [1, с. 189]. Юридическая

теория на протяжении десятилетий внимательно относится к данному феномену. Рассмотрим теорию формальной оценки доказательств.

Нам представляется, что система формальных доказательств в дореволюционном уголовном процессе никогда *в полной мере* не устраняла свободное усмотрение суда. Внутреннее убеждение в комплексе с нормативно установленными правилами всегда соотносились друг с другом. Законодательные пробелы, связанные с недостатком юридической техники, не могли привести к 100-процентной оценке доказательств, исходя из сформированной позиции законодателя. Применение отдельных положений, посвященных достоверности доказательств, невозможно без роли судьи в рамках «механической» оценки доказательств. Теория формальной оценки доказательств лишь устанавливала жесткие рамки в оценке доказательств, не исключая полностью судебное усмотрение.

По нашему мнению, современный УПК РФ, базирующийся на подходах, воплощенных в 1864 году и теоретически дополненных в советский период, все-таки имеет в своем составе нормы, посвященные формальной оценке доказательств, которые не придаются в настоящее время отчетливой огласке и научному осмыслению. Несмотря на данный феномен, посыл отдельных ученых, указывающих на объективизацию одной и той же теории, даже в советское время весьма различен.

С. А. Вахрушев [2, с. 64–65] и С. Е. Селина [3, с. 1198], комментируя новеллы Судебной реформы 1864 года, а также ее влияние на дальнейшее развитие уголовно-процессуального строя России, констатируют, что фактически теория формальных доказательств применялась и в советское время (например, во время политических репрессий).

Указанные выше доводы условны, но не условна идея, которую пытаются передать через него ученые-процессуалисты. Принципы оценки доказательств в советском уголовном процессе были выражены в ст. 20 и 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г., где подчеркивалось: «Суд не ограничен никакими формальными доказа-

тельствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства» [4].

С. А. Вахрушев в своем выводе также опирается на тезис, что принцип свободной оценки доказательств в советское время соотносился с «параметром» допустимости доказательств и закреплял ограничения в использовании средств доказывания для установления обстоятельств по делу. Применяя его, действительно размыто различим подход негативной теории формальной оценки доказательств.

Как было отмечено нами выше, особый научный интерес предопределяет сама концепция подобных законодательных штампов или примечаний. Согласно данной концепции процессуальная технология теории формальной оценки доказательств не является забытой, а по-прежнему находится в арсенале правоприменителя.

По нашему мнению, представленная аналогия приобретает относительную популярность и по отношению к действующему уголовному процессу. Нередко данную точку зрения возможно различить даже на уровне монографических исследований. Например, А. В. Смирнов, высказываясь по существу природы такого свойства, как допустимость доказательств, делает значимое для нас отступление: «Институт допустимости есть не что иное, как модернизированное наследие негативной системы формальных доказательств, существовавшей в следственном розыском процессе» [5, с. 98]. Существо данного концепта, представленном *в общем факте объективизации*, не отрицают В. В. Конин [6] и И. В. Маслов [7].

Данная точка зрения общая и лишена критики. Так, А. С. Закотянский, связывая зарождение правил о допустимости доказательств с рецепцией из канонического права, заявляет: «Беспрекословное соблюдение процессуальной формы, исключаящее субъективное усмотрение, в формальной теории доказательств было обусловлено внерациональными основаниями <...> И в этом смысле теория формальных доказательств не имеет общих черт с современной концепцией допустимости доказательств, где требование соблюдения процессу-

альной формы преследует вполне рациональную цель» [8, с. 25]. Бесспорно, в теории формальной оценки доказательств центральное место занимала строгая формальность, исключая субъективное усмотрение. Однако А. С. Закотянский считает, что такое положение было обусловлено не логическими аргументами, а, возможно, религиозными или социальными догмами, имеющими сложное влияние на рубеже зарождения данной доказательственной парадигмы.

Применение данного подхода лишь подтверждает существование неумолимой критики в отношении отдельных достижений человечества на пути разработки методологических основ доказательств и доказывания. Сегодня в юридической литературе лишь перманентно различима идея принятия достижений данной концепции. Но иногда интерес исследователей перерождается в весьма необычное утверждение, что теория формальной оценки доказательств возвращается в действующее законодательство [9].

Общая риторика ученых приводит нас к единственному верному утверждению, что процессуальная технология теории формальной оценки доказательств и на рубеже отмены не уходила из поля уголовно-процессуального применения и даже сегодня окружает УПК РФ в разрезе отдельных его институтов.

В подтверждение наших рассуждений сошлемся на мнение В. Н. Григорьева, А. В. Победкина и В. Н. Яшина, которые прямо свидетельствуют, что «...некоторые элементы формальной теории оценки доказательств имеют место и в уголовном судопроизводстве России» [10, с. 88]. Представленную аналогию авторы переносят на предписания закона об обязательном назначении судебной экспертизы для установления причин смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, указанных в ст. 196 УПК РФ. В подтверждение своей позиции исследователи замечают, что данное положение стоит рассматривать как «...незначительное исключение из общего правила свободы оценки доказательств, свойственное отечественному уголовному процессу».

Согласимся, что проявление данного формализма существует лишь *de facto*, однако это в достаточной степени показывает привилегированный статус судебной экспертизы и экспертного исследования в разрезе норм УПК РФ. Так, Р. Л. Ахмедшин представляет довольно развернутое признание статуса данной идеи: «Недостаточная, мотивация отказа от признания экспертного заключения является потенциально достаточной причиной для последующего обжалования судебного решения <...> Человеческий фактор выступает как один из базовых, часто предопределяя поведение профессионалов, несмотря на декларируемые принципы, а порой, как видно из сказанного, и правовые нормы. Сказанное позволяет утверждать, что даже в современном российском уголовном процессе нельзя категорически отрицать действие системы, описанной в теории формальных доказательств» [11, с. 215]. Все перечисленные теоретические нюансы как раз и свидетельствуют в пользу особой ценности признания достижений данной ортодоксальной парадигмы.

Возможно отказаться от научной теории, однако формализм в оценке доказательств никуда не исчезнет. Представляется, что в действующем уголовном судопроизводстве нормы, относимые к теории формальной оценки доказательств, существуют в нарративе с основополагающим инструментом достижения истины в уголовном судопроизводстве в виде свободного внутреннего убеждения правоприменителя. Положения, закрепленные в ст. 88 УПК РФ, напрямую подтверждают данное утверждение, смешивая процессы оценки и проверки доказательств в соответствии с заданным вектором формальных ограничений.

К принятию данной точки зрения нас подвели глубокие размышления М. П. Полякова: «На самом деле форма не исчезла, она растворилась в этой свободе. Ведь кто оценивает доказательства? Оценивает их лишь тот, кто квалифицированно (по роду профессии) подтвердил свое право применять уголовно-процессуальную форму. Свобода оценки доказательств — это не свобода свободного человека (да простят нам

тавтологию), а свобода профессионала-формалиста» [12, с. 143]. В рамках доводов о нормативном воплощении теории формальной оценки доказательств представленный подход выступает крайне объективным и востребованным.

Пример схожего взгляда на нормативное воплощение данной концепции в УПК РФ мы можем обнаружить в монографии Т. А. Сулейманова: «Однако, зафиксировав указанные общие положения теории свободной оценки доказательств, законы вместе с тем устанавливают определенные формальные требования и ограничения доказательств. Фактически теория свободной оценки доказательств дополняется теорией формальных доказательств, которая сводится к проблеме допустимости доказательств» [13, с. 21].

Исходя из признания законодателем объективных оснований в оценке доказательств, которые различимы даже в содержании ч. 1 ст. 17 УПК РФ, представленное заявление выступает подтверждением наличия причинно-следственной связи данных теорий. Современный УПК РФ часто на официальном уровне подтверждает признание статуса данной идеи.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ косвенно подтверждает существование теории формальной оценки доказательств, постепенно расширяя возможности объективных формальных требований в процессе оценки доказательств. Такое сочетание создает устойчивую правовую основу, где обеспечивается баланс между свободой действий и необходимостью строгого соблюдения юридических норм.

Примечания

1. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3-е. Санкт-Петербург, 1910. С. 189.

2. *Вахрушев С. А.* Теории формальных доказательств и недопустимых доказательств как две основные теории доказательственной деятельности адвоката: историко-философский и

правовой аспект // Молодежь Сибири – науке России : материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 29 апреля 2013 года). Красноярск, 2013. С. 63–67.

3. *Селина Е. В.* Свобода оценки доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43). С. 1197–1201.

4. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16292#qXgCBUU6cDseEe4B> (дата обращения: 19.04.2024).

5. *Смирнов А. В.* Состязательный процесс. Санкт-Петербург, 2001. 320 с.

6. *Конин В. В.* Принципы уголовного судопроизводства и стадии исполнения приговора: несовпадение форматов // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 05–06 апреля 2016 года). Москва, 2016. С. 393–403.

7. *Маслов И. В.* Эволюция оценки уголовно-процессуальных доказательств в свете фундаментальных научных открытий XX века // Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского (1811–1873)) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16 ноября 2023 года). Москва, 2024. С. 98–104.

8. *Закотянский А. С.* Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам. Москва, 2015. 189 с.

9. *Зотов Д. В.* О теории формальных доказательств: и все же она возвращается // Адвокат. 2015. № 4. С. 5–9.

10. *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н.* Уголовный процесс : учебник. Москва, 2005. 832 с.

11. *Ахмедшин Р. Л.* Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н. Т. Ведерников. Томск, 2014. 293 с.

12. *Поляков М. П., Смолин А. Ю.* Уголовный процесс как технология: новые мысли о старых и вечных проблемах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 139–145.

13. *Сулейманов Т. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д.* Механизм и формы реализации норм уголовного права : монография. Москва, 2017. 288 с.

Д. О. Куричков,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *М. В. Степанов*

КОРРЕЛЯЦИЯ МОТИВА И ЦЕЛИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В Социологическом энциклопедическом словаре «*корреляция*» означает взаимозависимость, взаимное соответствие, соотношение понятий, предметов, явлений. В статье предложено видение соотношения двух различных понятий мотива и цели преступлений, относящихся к имущественным деяниям.

Преступные посягательства, преимущественно входящие в гл. 21 УК РФ, направленные на чужое имущество либо имущественные права и блага, влекущие нарушение права собственности вне зависимости от ее формы, повлекшие причинение ущерба или создавшие угрозу его причинения, представляют собой *имущественные преступления*.

В учебной литературе встречаются мнения об отождествлении преступлений против собственности и имущественных преступлений как преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы с сексуальными преступлениями. Видится более правильным придерживаться общепринятой точки зрения, в том числе в разрезе действующего гражданского законодательства, что движимое и недвижимое имущество, к примеру, является далеко не исчерпывающими объектами такой экономической категории, как собственность. К таковым могут относиться и ценные бумаги, интеллектуальная собственность, долги и прочие блага, однако не все из них будут объектами преступлений против собственности.

И. Я. Фойницкий предлагал такую схему, иллюстрирующую преступления против собственности и выдержанную действующим на тот период времени уголовным законодательством, согласно которой выделялись две группы:

1) преступления, нарушающие собственность во всем ее объеме;

2) преступления, нарушающие отдельные составные части права собственности.

Первую группу он разделял на имеющие предметом конкретные вещи (корыстные и некорыстные посягательства) и на имеющие предметом имущественную сферу вообще (злоупотребление доверием, имущественные обманы, вымогательство) [1, с. 157–158].

Настоящая статья в большей степени посвящена вопросам толкования и квалификации признаков состава, характеризующих субъективную сторону и относящихся к отдельным корыстным и некорыстным общественно опасным деяниям. Безусловно, это представляется важным в связи с наибольшими затруднениями на практике при квалификации их по признакам субъективной стороны.

Анализ субъективных признаков отдельных составов, закрепленных в гл. 21 УК РФ, проводился в разрезе доктринальных положений и правоприменительной практики.

Ранее нами уже была изучена сущность корысти как криминообразующего признака хищений. Установлено, что она так или иначе представляет собой имущественную выгоду, которую виновный стремится извлечь путем изъятия и (или) обращения чужого имущества, если говорить об имущественных преступлениях, либо распорядиться им как своим собственным. Законодательное определение корыстной цели отсутствует. Правоприменитель и высшая судебная инстанция зачастую отождествляют ее с корыстным мотивом, который также не имеет четких границ и раскрывается через признаки, характеризующие объективную сторону. Поддержана мысль В. В. Хилюты о значимости установления именно мотива, определяющего само деяние виновного [2].

В разъяснениях ВС РФ при раскрытии корыстной заинтересованности и корыстной цели (в разных постановлениях, например, по должностным преступлениям и делам о мошенничестве) использует абсолютно одинаковые категории, несколько разводя их только по объективным признакам. В одном случае определяет как стремление получить имущественную выгоду, не связанную с безвозмездным изъятием имущества, а в другом — через общественно опасное деяние, составляющее ту или иную форму и вид хищения. Если к этому добавить и смысл, закладываемый высшей судебной инстанцией в корыстные побуждения, то материальная выгода или желание виновного избавиться от затрат будет по сути означать то же самое.

Думается, что точное соотношение двух разных с точки зрения психологии категорий мотива и цели принципиально важно и для уголовного права. Если мы говорим о них как об обязательных признаках юридического состава имущественного преступления (в частности, хищения), то этот признак принципиален как одно из условий общественной опасности.

Мотив — это отправная точка в возникновении умысла, а цель — воображаемый и желаемый результат его реализации. Субъекты правоприменения данного разграничения между ними не только не проводят, но и зачастую отождествляют их. В качестве аргумента целесообразно привести приказ Генеральной прокуратуры РФ от 9 декабря 2022 года № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре», в котором утверждаются положения, инструкции, формы и справочники, один из них назван «Мотив (цель) преступления» (справочник № 19-ГП). В нем перечислены возможные мотивы и цели, движимые преступником.

Само наименование справочника вызывает определенные недопонимания, но наверняка трактуется как виды мотивов и целей по уголовным делам. Наименование первого мотива в названном документе — «корыстные побуждения», также

отдельно выделяются корыстные побуждения, направленные на получение имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц; приобретение (получение) наркотических средств, спиртных напитков, денежных средств, кредита; завладение жилой площадью, транспортным средством; сбыт; промысел; сокрытие других преступлений; хулиганские, сексуальные побуждения; ревность; ссора на бытовой почве; вражда, ненависть, месть расовая, национальная, религиозная, идеологическая или политическая и замыкает перечень неосторожная вина, которая явно может быть осмыслена весьма вариативно и совершенно не может означать мотив или цель деяния [3].

Изученные примеры из судебной практики [4] позволяют выявить следующие противоречия, в частности обвинительный приговор районного суда г. Архангельска по делу о краже, совершенной группой лиц по предварительному сговору. Описательно-мотивировочная часть судебного акта содержит указание на установление корыстных побуждений и внезапно возникшего преступного умысла у виновных на тайное хищение чужого имущества, коим выступила алкогольная продукция магазина [5]. Специфический предмет хищения в данной ситуации не только не указывает на корыстную мотивацию, но и, исходя из вышесказанного, дает право назвать иной мотив — приобретение спиртных напитков, который в результате противоправных действий был обусловлен общей корыстной целью двух подсудимых. Где здесь корреляция мотива и цели? Ответ наверняка многим покажется очевидным: она отсутствует, но на сегодняшний день такое положение вещей допустимо, даже не противоречит действующему уголовному законодательству и пониманию корыстной цели, равно как и корыстного мотива.

К. Ю. Логинова, к слову, о множественности мотивов назвала побуждения имущественных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, выделив такие группы, как 1) действительно связанные с материальной необеспеченностью; 2) не имеющие корыстного характера (например, «мотив

роста», автор в своей работе ссылается на А. И. Долгову) и иные, такие как стремление вызвать зависть, восхищение, завоевать авторитет, развлечься «за компанию» [6, с. 59–60]. Это также подтверждает убежденность в важности правильного установления мотива субъекта преступления, совершающего посягательство на чужое имущество или имущественные права.

Какова была мысль законодателя включения именно корыстной цели, а не мотива при конструировании признаков хищения и отдельных преступлений против собственности?

В некоторых странах, в частности в Кыргызской Республике, определение хищения не обладает таким признаком, как корыстный мотив или цель (п. 16 приложения к Уголовному кодексу Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127) [7]. Несомненно, подобная позиция законодателя никоим образом не затрудняет деятельность правоприменителям по противодействию хищениям чужого имущества, так как прямо не названные в диспозиции нормы цель деяния или его побуждения расширяют ее границы. Однако пока не беремся заявлять о необходимости заимствования данного опыта как положительного и, соответственно, изменения уголовного законодательства в этой части.

На наш взгляд, обусловленность внедрения корыстной цели в законодательное определение хищения следует из самого объекта уголовно-правовой охраны.

По справедливому замечанию М. В. Степанова, архиважной целью эволюционирующего отечественного уголовного законодательства является «...защита собственности правящего класса» [8]. Данное умозаключение согласуется и с задачами действующего уголовного закона, где охрана отношений собственности столь же важна и значима, как права и свободы личности.

В учебной, научной криминологической литературе наиболее распространенной и общепринятой классификацией преступлений против собственности является деление последних на корыстные, корыстно-насильственные и некорыстные деяния; или на хищения, корыстные преступления, не связанные

с хищением и иные преступления против чужого имущества. Обратимся к статистическим данным (рисунок).

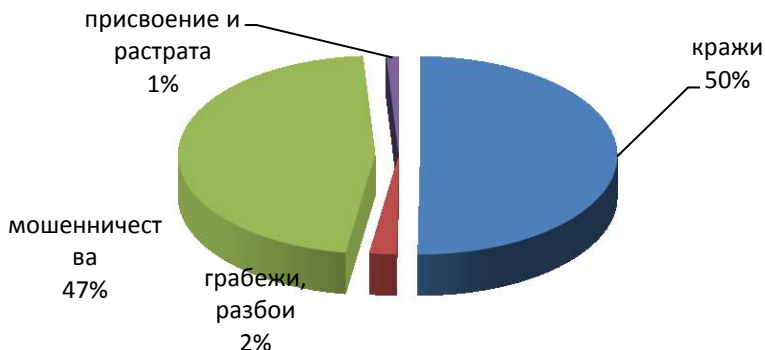

Рис. Структура корыстных имущественных преступлений против собственности, январь – август 2024 год

В структуре официальной преступности за период с января по август 2024 года отдельные имущественные преступления, приведенные на диаграмме, в РФ составляют 50 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Из них подавляющее большинство представлено кражами (322 040); на втором месте — мошенничество (299 026); на третьем месте — грабежи и разбои (14 246).

Присвоения и растраты в первом полугодии 2024 текущего года составили 6 743.

В целом наблюдается общее снижение преступлений против собственности, в том числе и по всем направлениям, названным по отношению к аналогичному периоду 2013 года, за исключением растущих фактов мошенничества, предусмотренного ст. 159–159⁶ УК РФ (+6 %) [9]. Такие высокие количественные показатели имущественной преступности позволяют говорить о весомости правильного толкования и применения закона.

По нашему мнению, если представить в виде прямой прогрессии определенную цепь субъективных характеристик имущественного преступления, возникающих и формирующихся в сознании лица: *мотив – возникновение умысла – цель – реализация умысла*, то логично, чтобы именно побуждения стали представлять общественную опасность. В первую очередь они должны быть корыстными.

В качестве аргументов приведем оправдательный приговор, в котором за отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, было прекращено уголовное дело (преследование) в связи с отсутствием (далее цитата) «...корыстного мотива, что является необходимым признаком такого вида хищения, как растрата».

Судом апелляционной инстанции не установлено признаков состава, предусмотренного ст. 160 УК РФ, так как ФИО7 передавала денежные средства ФИО1 по договору о возмездном оказании последним услуг, заключенному с администрацией сельпо, что не свидетельствовало о корыстном мотиве, и в конце подчеркнуто особенное значение доказывания мотива по таким делам, что не было сделано судом первой инстанции [10].

Неслучайно в большинстве приговоров, определений или постановлений судов разных инстанций при описании события и признаков состава расписывают корыстные побуждения. Изучая судебные акты по ряду уголовных дел о хищениях чужого имущества, отметим наиболее распространенные:

во-первых, мотивы: корыстные побуждения (мотивы), легкой доступности имущества, приобретение наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной либо спирто-содержащей продукции;

во-вторых, цели совершения преступлений: приобретение или сбыт товаров, избежание финансовых трудностей, получение денежной выгоды (увеличение объема имущества за счет присвоения чужого) и некоторые другие [4].

Представим такую ситуацию и определим, какими будут мотив и цель при хищении мужчиной нижнего белья женщины.

Если акцентировать внимание на общественно опасном деянии, способе хищения и причиненном ущербе и отбросить сомнения о малозначительности деяния, то цель, очевидно, будет корыстной. Этого нельзя сказать о мотиве. В сети «Интернет» в одном из новостных сообществ было загружено видео с открытым хищением носка, надетого на прогуливающуюся с ребенком женщину, с которым злоумышленник скрылся с места — мотив этого противоправного деяния явно не коррелирует с корыстной целью.

При характеристике субъективной стороны преступлений против собственности С. А. Елисеев, называя обязательным признаком корыстную цель, во-первых, говорит об отсутствии ее законодательного определения, а вместе с тем утверждает, что «...угон представляет собой преступление, в состав которого не входят *корыстные побуждения*; субъективная сторона угона предполагает цель противоправного временного пользования чужим автомобилем» [11, с. 21–23]. Стало быть, ученым подчеркивается значимость последних.

Мы согласны с мнением Д. О. Тепловой и Р. А. Забавко, которые подвергают сомнению доводы о том, что корыстный мотив допускает хищение лишь в собственных интересах (одним из сторонников критикуемого взгляда является Г. А. Кригер), а корыстная цель предполагает хищение в пользу себя и других лиц (в данном случае без получения личной выгоды), и находят их неубедительными [12, с. 139]. Ранее в УК РСФСР в описании хищения не указывались мотивы и цели, при этом сформировались четыре научные коалиции, считавшие:

- 1) корыстный мотив и корыстную цель необходимым признаком хищений (Б. С. Волков, М. М. Исаев, Г. А. Кригер [13], А. А. Пинаев [14]);

- 2) корыстный мотив — их обязательным признаком (С. И. Сирота);

- 3) только корыстную цель необходимым признаком (П. С. Дагель, С. А. Тарарухин, А. И. Санталов и др.);

- 4) мотив и цель в хищениях некорыстными (Б. С. Никифоров [15]).

Вплоть до начала XX века внутренняя сторона имущественного преступления выражалась в доктрине и законодательстве корыстными намерениями присвоить чужое имущество. Как отмечают М. Г. Князькова и Н. Г. Макаренко и далее описывают их применительно к краже: «Лицо, совершившее кражу, руководствовалось преимущественно низкими намерениями, например, корыстью, но, с другой стороны, могло преследовать и иную цель, например, оказание помощи кому-либо, но все эти факторы являлись безразличными при анализе состава преступления» [16, с. 234].

В. А. Владимиров в рассуждениях о цели и мотиве корыстных посягательств высказал интересную мысль, что «...корыстному мотиву при совершении посягательств на личную собственность соответствует и корыстная цель — намерение обогатиться за счет присвоения чужого имущества и извлечения из него материальных выгод» [17, с. 39]. Причем последний является сторонником корыстной цели в качестве обязательного признака хищения чужой собственности. Но, как уже было отмечено, это не всегда применимо к сегодняшним реалиям. В VI веке Н. Макиавелли, автор фразы «Цель оправдывает средства», был настолько проницателен, сказав, по сути, о множественности причин, которые мы будем называть побуждениями и возможными неуниверсальными либо неэффективными средствами достижения желаемого (цели) путем собственно совершения общественно опасного деяния, и повлиял на дополнение ныне действующего уголовного закона именно корыстной целью. В уголовном судопроизводстве считается приоритетным усматривать взаимную обусловленность корыстного мотива и цели совершения имущественного преступления.

Полагаем, что действующее уголовное законодательство и правоприменитель должны быть сообща ориентированы на установление корыстного мотива, который, в свою очередь, не исключает корыстной цели и, коррелируя, будет его прямо обуславливать. Для этого требуется изменение уголовно-правовой политики противодействия имущественным преступле-

ниям, в том числе совершенствование уголовного законодательства.

Кроме этого, на формировании правоприменительной практики не лучшим образом сказывается употребление в уголовном законе и в процессуальных документах органов расследования, судов разных терминов с близким или однородным по смыслу содержанием: «корыстный мотив», «корыстная цель», «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность». Из наиболее эксклюзивных и редких формулировок, встретившихся в ходе обобщения судебной практики, найдена следующая: «корыстный преступный умысел», что по делам о хищениях избыточно в силу его признаков, в частности корыстной цели. Вместе с тем это могло бы быть объяснимым и логичным в тех уголовных делах, где отсутствует такой конструктивный или квалифицированный признак в инкриминируемом виновному лицу деянии (вымогательство, незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ, получение взятки).

Примечания

1. *Фойницкий, И. Я.* Курсь уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество. Санкт-Петербург, 1890. 406 с.

2. *Куричков, Д. О.* К вопросу о толковании корысти в уголовном законе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. (Красноярск, 4–5 апреля 2024 года). Красноярск, 2024. С. 92–94.

3. О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 9 декабря 2022 г. № 746 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://consultant.ru/> (дата обращения: 18.10.2024).

4. Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.10.2024).

5. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 3 июля 2020 года № 1-163/2020 по делу № 1-163/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XO8dEEt7KEVv/> (дата обращения: 18.10.2024).

6. *Логинова, К. Ю.* Мотивы имущественных преступлений несовершеннолетних // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1 (11). С. 56–62.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (в дейст. ред.) // Кыргызская Республика. Министерство юстиции : сайт. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/2087/ru> (дата обращения: 18.10.2024).

8. *Степанов М. В.* Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности. Теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.

9. Статистика и аналитика. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 18.10.2024).

10. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Камчатского краевого суда от 27 июня 2017 г. № 22-467/2017 по делу № 22-467/2017// Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N5OJ82DclS5U/> (дата обращения: 18.10.2024).

11. *Елисеев С. А.* Преступления против собственности : курс лекций. Томск, 2018. – 194 с.

12. *Забавко Р. А.* Корыстный мотив как системообразующий признак преступлений, посягающих на природные ресурсы // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2 (7). С. 137–142.

13. *Кригер Г. А.* Квалификация хищений социалистического имущества. Москва, 1974. С. 76–83.

14. *Пинаев А. А.* Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 143–154.

15. *Тенчов Э.* Уголовно-правовая охрана социалистической собственности : учебное пособие. Иваново, 1980. 86 с.

16. *Князькова М. Г., Макаренко Н. Г.* Эволюция признаков внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 231–235.

17. *Владимиров В. А.* Квалификация преступлений против личной собственности. Москва, 1968. 170 с.

Ю. С. Макарова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доцент *Д. В. Назарычев*

ОБ ОЦЕНКЕ ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАЛОГОВЫХ РАСХОДОВ БЮДЖЕТА

Эффективным инструментом фискальной политики, позволяющим корректировать программные расходы на предмет целесообразности, являются систематический учет и управление налоговыми расходами.

Налоговые расходы — упущенные доходы бюджета бюджетной системы, которые выступают одним из способов обеспечения экономической безопасности в рамках достижения целей социально-экономической политики государства с помощью применения налоговых льгот, освобождений и преференций относительно базовой структуры налогов, которые являются эквивалентом прямых субсидий [1].

Одним из критериев оценки целесообразности налоговых расходов является востребованность плательщиками предоставленных налоговых льгот. Данный показатель рассчитывается путем соотношения численности плательщиков, которые воспользовались льготой, и численности плательщиков, обладающих потенциальным правом на применение данной льготы, или общей численности плательщиков, в том случае если определить потенциальных плательщиков невозможно. Расчет показателя производится не более чем за пять отчетных лет [2].

Стоит отметить, что минимальное значение количества плательщиков, использующих преференцию, то есть порог

востребованности устанавливает куратор налогового расхода (орган исполнительной власти, ответственный за достижение соответствующих налоговому расходу целей государственной программы и (или) целей социально-экономической политики).

Данный подход к определению порога востребованности не лишен субъективизма, так как может существовать ведомственная заинтересованность в сохранении действующих преференций. В связи с вышеизложенным следует сформировать такие условия, при которых будет принято более объективное решение при оценке востребованности преференций.

А. Ю. Сафонов предлагает определить минимальное пороговое значение востребованности в размере 20 % от численности плательщиков, имеющих право на применение льгот [3]. Определение всех лиц, которые обладают правом на льготу, — еще один сложный вопрос. В некоторых региональных методиках установлены пороговые значения критерия востребованности:

- в Новосибирской области — не менее 50 % [4];
- Приморском крае — два и более плательщика [5];
- Краснодарском крае — более 30 % [6].

В методиках ряда других регионах сказано, что показатель должен быть больше нуля, то есть даже если один налогоплательщик воспользуется льготой, то она будет считаться востребованной.

В конце 2023 года были опубликованы рекомендации субъектам РФ по повышению качества оценки эффективности налоговых расходов, обусловленных налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями, в которых указано, что показатель востребованности может быть расчетным. Порядок и источники сведений, используемых при его расчете, необходимо отразить в методике. Требуется определить и пороговое значение этого показателя, которое должно быть объективным значением, при недостижении которого необходимо рассматривать вопрос об изменении или сохранении данного налогового расхода.

Чтобы не упустить тот период, когда льгота оказалась невостребованной или у нее отсутствует бюджетная эффективность, необходимо проводить оценку эффективности предоставленных налоговых льгот. Для этого проанализируем методику оценки налоговых расходов субъектов Приволжского федерального округа и определим наличие связи сформированной методики и объема налогового потенциала региона.

Для анализа методик используются следующие основные показатели, которыми должна обладать каждая методика региона:

- 1) минимальное значение востребованности льготы;
- 2) показатели для расчета достижения целей государственных программ или социально-экономической политики субъектов;
- 3) показатель расчета бюджетной эффективности (кроме сравнительного анализа льгот и альтернативных механизмов, и показателя для расчета стимулирующих налоговых расходов);
- 4) алгоритм предварительной оценки;
- 5) дополнительные критерии.

Проведенный анализ показал, что выделенные пять показателей сравнения, которые важны при оценке и должны содержаться в региональных методиках, не утверждены. Только в нескольких регионах частично существует тот или иной показатель. Так, в Кировской области в качестве показателя расчета востребованности может быть использован утвержденный в общих правилах [7] или другой: «Среднее значение ежегодного темпа роста количества плательщиков, воспользовавшихся правом на налоговые льготы, освобождения и иные преференции по налогам, за 5-летний период» [8]. Определено минимальное значение востребованности плательщиками предоставленных налоговых льгот, которое не должно снижаться в течение пяти лет (если льгота применяется меньше данного срока, используют прогнозное значение по оценке куратора налогового расхода).

В остальных регионах Приволжского федерального округа методика оценки дублирует правила, установленные Прави-

тельством РФ. Ни одна из них не ориентирована на региональные особенности, предоставленные налоговые льготы, а также угрозы и риски экономической безопасности субъекта РФ.

В результате анализа методик оценки налоговых расходов субъектов Приволжского федерального округа была выявлена одна из центральных проблем: не определено минимальное значение востребованности налоговой льготы. Данный показатель передан для определения кураторам налоговых расходов.

Таким образом, критерий целесообразности налоговых расходов — показатель востребованности плательщиками предоставленных льгот, в большинстве методик не имеет порогового значения приемлемого уровня востребованности, тем самым невостребованность не является основанием для отмены налогового расхода (например, в Нижегородской области 14 льгот в 2023 году оказались совсем не востребованы, однако продолжили свое действие).

Рассмотрим налоговый расход Нижегородской области для организаций почтовой и курьерской деятельности (подробно см. в таблице) и произведем расчет востребованности данной налоговой льготы [9].

Так как в Нижегородской области не установлено минимальное пороговое значение показателя востребованности, то кураторы налоговых расходов могут устанавливать собственное значение, исходя из результатов оценки. Если отталкиваться от ранее рассмотренных мнений, которые предлагают минимальное значение в размере от 20 до 50 %, то представленная льгота Нижегородской области с результатом 3,14 % является неэффективной, при этом ежегодно уменьшается и количество налогоплательщиков, пользующихся данной льготой. Это означает, что необходима ее корректировка или отмена.

Для определения порога следует основываться на делитель, то есть на показатель, который используется для расчета востребованности. Часто используют общее количество налогоплательщиков, имеющих право на получение льготы. Это значение можно определить на основании положений НПА, статистических данных, выданных лицензий и иных сведений.

Для получения данного значения может быть использован расчетный показатель, порядок расчета которого необходимо отразить в методике.

Таблица

**Расчет показателя востребованности налогового расхода
Нижегородской области**

Наименование налогового расхода	Пониженная (на 4 %) ставка налога для организаций почтовой и курьерской деятельности				
Условие для налогоплательщика	Выручка от почтовой и курьерской деятельности составляет не менее 50 %				
Период	2019	2020	2021	2022	2023
Количество налогоплательщиков, применяющих налоговую льготу	4	2	2	2	0
Количество налогоплательщиков, имеющих потенциал на применение налоговой льготы (количество организаций по данным государственной регистрации по почтовой и курьерской деятельности)	67	68	61	60	62
Расчет показателя востребованности	$\frac{4 + 2 + 2 + 2 + 0}{67 + 68 + 61 + 60 + 62} = 0,0314$				
Вывод	Налоговой льготой в среднем за пять лет воспользовалось только 3,14 % от тех налогоплательщиков, которые имеют потенциал на применение данной льготы				

Информация о количестве налогоплательщиков должна быть в открытом доступе. В случае отсутствия такой информации куратор налогового расхода должен обосновать в методике выбор ее источника.

Минимальный порог востребованности налоговой льготы, по нашему мнению, зависит от вида налогового расхода:

- 1) технические налоговые расходы — не менее 90 % востребованности;
- 2) социальные налоговые расходы — не менее 70 % востребованности;
- 3) стимулирующие налоговые расходы — не менее 50 % востребованности.

В рассмотренном примере использован показатель в виде количества организаций по данным государственной регистрации по почтовой и курьерской деятельности, однако чтобы правильно определить показатель востребованности, необходимо найти количество организаций по данным государственной регистрации по почтовой и курьерской деятельности с выручкой от данной деятельности не менее 50 %, что сделать невозможно. В связи с этим в данном случае порог востребованности должен быть ниже, чем по тем показателям, в делителе которых будет стоять показатель, точно характеризующий потенциальных обладателей налоговой льготы или рассчитан другим способом. Например, Ю. Г. Тюрина предлагает рассмотреть возможность использования дополнительных методов оценки востребованности налоговых расходов, например, через использование социологического метода в виде опросов целевых групп налогоплательщиков (потенциальных получателей налоговых льгот).

Рассмотренная налоговая льгота требует внесения изменений, так как с каждым годом количество льготополучателей уменьшается, что ведет к невыполнению и других критериев оценки налогового расхода. В конечном счете это может вызвать новые угрозы и риски для экономики региона.

Таким образом, показатель востребованности является одним из обязательных критериев оценки целесообразности

налоговых расходов, основная цель которого состоит в определении значения воспользовавшихся налоговой льготой налогоплательщиков, имеющих на это потенциальное право. В процессе исследования вопросов оценки востребованности были определены проблемы и пути их решения, в том числе автором предложено определение минимального порога востребованности в зависимости от вида налогового расхода.

Примечания

1. *Макарова Ю. С.* Характеристика дефиниции «налоговые расходы» с учетом обеспечения экономической безопасности России // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2023. № 2. С. 106–117.

2. Система управления налоговыми расходами: вопросы теории и практики : монография / Ю. Г. Тюрина [и др.]; под ред. Ю. Г. Тюриной. Москва, 2024. 232 с.

3. *Сафонов А. Ю.* Критерии оценки налоговых расходов в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 271–278.

4. Об установлении Порядка формирования перечня налоговых расходов Новосибирской области и оценки налоговых расходов Новосибирской области : постановление Правительства Новосибирской области от 28 октября 2019 г. № 418-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465733383> (дата обращения: 10.10.2024).

5. Об утверждении Порядка оценки налоговых расходов Приморского края и Порядка формирования перечня налоговых расходов Приморского края : постановление Администрации Приморского края от 24 декабря 2019 г. № 866-па // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561664518> (дата обращения: 10.10.2024).

6. О порядке оценки налоговых расходов Краснодарского края : постановление Главы Администрации Краснодарского

края от 15 ноября 2019 г. № 763 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561603784> (дата обращения: 10.10.2024).

7. Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований : постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/560442583> (дата обращения: 10.10.2024).

8. Об утверждении Порядка формирования перечня налоговых расходов и оценки налоговых расходов Кировской области : постановление Правительства Кировской области от 29 ноября 2019 г. № 616-П // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/973077475> (дата обращения: 10.10.2024).

9. Аналитическая справка об эффективности налоговых льгот, предоставленных по законодательству Нижегородской области с 2019–2023 гг. // Министерство финансов Нижегородской области : офиц. сайт. URL: <https://mf.nobl.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

С. С. Наимов,
иностранный адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *М. П. Поляков*

СВОБОДНЫЙ ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Совершенствование системы поводов в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан предполагает изучение различных концептуальных положений, характеризующих различные виды поводов, имеющих в разных правовых системах. Особенно интересной нам представляется советская правовая семья, послужившая источником развития уголовного процесса союзных республик. В этом плане любопытна система поводов для возбуждения уголовного дела, имеющаяся в УПК РФ [1], поскольку она включает так называемый «свободный повод» для возбуждения уголовного дела. Этот источник дал импульс развитию теоретических основ стадии возбуждения уголовного дела.

Понятие (точнее, термин) «свободный повод» введено в научный оборот двадцать лет назад теоретическими усилиями нашего научного руководителя профессора М. П. Полякова (он первый предложил этот термин) и его ученика И. Р. Дмитриева, который подготовил диссертацию с показательным названием «“Свободный повод” для возбуждения уголовного дела» [2].

Инициаторы понятия «свободный повод» разглядели это явление в тексте нового УПК РФ, а именно в формулировке «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении,

полученное из иных источников» (п. 3. ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Слово «иные» как раз и несло в себе этот заряд свободы, поскольку подразумевало вольную интерпретацию источников, содержащих сведения о криминальной ситуации. Судя по всему, авторы понятия «свободный повод» истолковали слово «иные», как «любые». Но допустима ли была подобная подмена? Судя по всему, нет.

Отметим, что подобная иллюзия была свойственна не только М. П. Полякову и И. Р. Дмитриеву. Многие авторы тоже почувствовали на себе гипнотическое влияние этого повода.

П. Г. Марфицин (к слову, оппонент по диссертации И. Р. Дмитриева) и В. А. Тимченко пишут по этому поводу: «Формулировка повода — “сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников” — выглядит многообещающей. Она позволяет включить в этот повод информацию об уголовно-наказуемых деяниях, которая не вошла в первые два повода, изложенные в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Прежнее уголовно-процессуальное законодательство такого не допускало. В ч. 1 ст. 108 УПК РСФСР был изложен конкретный и ограниченный перечень источников информации, которые выступали в качестве начального этапа уголовно-процессуальной деятельности. Вслед за этим и на ведомственном уровне все поступающие сообщения о преступлении подразделялись на поводы для возбуждения уголовного дела и иную информацию» [3, с. 118].

В приведенной цитате мы выделим словосочетание «многообещающая формулировка». О каких обещаниях здесь шла речь?

Как нам представляется, М. П. Поляков и И. Р. Дмитриев в первую очередь исходили из того, что данный повод обещает свободное вхождение в орбиту законной уголовно-процессуальной деятельности любой информации, которая прямо или косвенно указывает на криминальную природу события.

Данное стремление к свободе информации на старте уголовного процесса заложено в самой природе уголовно-процессуальной деятельности. Это следует даже из того признан-

ного положения, что уголовное дело может быть возбуждено не только по факту реального, но и по факту предполагаемого преступления.

В стадии возбуждения уголовного дела доказательства не требуются. Нужна лишь информация, указывающая на признаки преступления. Основание для возбуждения уголовного дела изначально свободно. Оно ограничивается, точнее, направляется, лишь известным законом диалектики: законом достаточного основания.

Природная свобода основания к возбуждению уголовного дела всегда ограничивалась рамками тех источников, из которых черпалась информация, формирующая основания. Эти источники назывались поводами.

Поводы складывались исторически, и сама история придавала им определенную надежность. Таковыми поводами, к примеру, являются заявление о преступлении и явка с повинной. Они исторически и гносеологически заслужили себе право попасть в систему поводов. Основанием для возбуждения уголовного дела должна служить проверенная информация, так и для обретения статуса повода нужна определенная проверка. Основания возбуждения дела проверяются применительно к конкретному делу. Поводы — в исторической ретроспективе. «Свободный» повод к возбуждению уголовного дела посчитал, что он может быть свободен и от таких исторических обоснований.

По сути, введение «свободного» повода было неким правовым экспериментом, проверкой практикой идеи универсальности поводов. Его ввели без всякой теоретической подготовки, чтобы можно было посмотреть, что из этого выйдет. Практика показала немало интересных сюжетов. Может показаться, что этот повод появился спонтанно. Но спонтанно ли? Думаем, что здесь речь идет не о случайности, а о практической необходимости.

Жесткая система поводов (та, где нет свободного элемента) была привычна для российского уголовного процесса, но не лишена недостатков. Таким ее недостатком было отсут-

ствие гибкости. В век широкой информатизации появляется огромное количество ее новых источников. По этой причине законодатель не может реагировать на них быстро и адекватно. Слово «не может» здесь означает не отсутствие времени, а отсутствие необходимого знания. Приведем пример.

В УПК Республики Таджикистан в повод, в котором говорилось об информации, полученной из СМИ, добавилось слово «интернет». Слово появилось, а процедура до сих пор отсутствует — она пока не изобретена. И в соседних государствах нет такого кодекса, из которого можно было бы позаимствовать процедуру формирования такого повода, как информация, полученная из интернета. Это вопрос крайне сложный, например, в УПК РФ поместили хитрую и обтекаемую формулировку, позволяющую превратить в повод широкий набор информационных источников.

И. Р. Дмитриев пишет: «Исследование системы поводов показало, что указанная система развивалась по пути детализации и конкретизации входящих в нее элементов. Новый УПК РФ попытался опереться на противоположную установку — универсальность, что привело к компактности системы поводов» [2, с. 4]. Полагаем, что он не совсем точно расставил акценты.

Из приведенной цитаты следует, что пути детализации и конкретизации являются противоположными. Он так и пишет: «противоположная установка». Действительно, это разные установки. По сути, через них реализуются другие известные технологические линии: унификации и дифференциации. Несмотря на всю свою противоположность, установки, о которых говорит И. Р. Дмитриев, не являются взаимоисключающими. Как показывает УПК РФ, они вполне уживаются в рамках одной системы. Но сожителство этих двух установок должно соответствовать определенным правилам.

«Свободный повод» при всей его привлекательности для решения задач стадии возбуждения уголовного дела должен быть ограничен рядом положений. Ряд здравых соображений по этому поводу высказывает Е. С. Кузьменко, ученица

М. П. Полякова. Мы согласны с ней в том, что «свободный» повод не должен подменять источники с устоявшейся процессуальной формой, не должен быть безразмерным. Он не может заменить формально определенные поводы. Предназначение этого повода — сделать систему открытой [4, с. 9].

Следует заметить, что идея универсального повода наиболее остро проявляет себя в набирающей популярность концепции, что дело должно возбуждаться по любому «поводу». Причем, слово «повод» в рамках этой концепции означает не формальные уголовно-процессуальные моменты, а бытовое толкование. Такой подход, на наш взгляд, применен в УПК Украины и отчасти в УПК Республики Казахстан (далее — УПК РК).

Там, где появляются понятие «единый реестр преступлений» и соответствующая этому понятию технология, там и возникает обострение потребности в универсализации запуска уголовного дела. Возможно, именно там в полной мере реализуется идея «свободного повода». Но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Вернемся к сущности «свободного повода» в контексте УПК РФ. Отметим, что при всей своей проблемности этот повод имел существенный эффект. Позитивные последствия его введения были. Одно из них — компактность системы поводов. Правда, потом эта компактность была нарушена, но сам свободный элемент при этом не исчез, что тоже говорит в его пользу. Однако были выявлены и негативные свойства системы, позволяющей достигать универсальности. Нам представляется, что вопрос о «свободном» поводе представляется крайне важным для юридической науки. И важность эта диктуется определенными тенденциями в развитии не только российского законодательства, но и законодательства других государств, в том числе и Республики Таджикистан.

Преимущества и недостатки универсального подхода к формированию современной системы поводов для возбуждения уголовного дела все еще требуют соответствующей научной оценки. В развернутом анализе нуждается сам вопрос о феномене «свободного» повода. Огромной поддержки эта

концепция не нашла, но и критики особой тоже не вызвала. Впрочем, эта концепция представляла собой скорее «научную разведку». На это косвенно указывают и сами авторы концепции. «Проведенные нами исследования, — пишет И. Р. Дмитриев, — показали, что определитель “свободный” может быть применен к поводу (в контексте УПК РФ) весьма условно (именно поэтому данный термин заключен нами в кавычки), поскольку свобода повода, заложенная в его первичной формулировке (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), в значительной степени ограничивается последующей нормативной расшифровкой его процессуальной формы (ст. 143 УПК РФ)» [2, с. 4].

Вопрос о рапорте как продолжении «свободного» повода или самостоятельном поводе крайне интересен. К нему, в частности, обращается П. Г. Марфицин, который указывает, что в некоторой ситуации «...категории “сообщение” и “рапорт” можно рассматривать соответственно как “содержание” и “форма” <...> В связи с этим возникает и ряд сопутствующих вопросов: возможно, поводом является рапорт, а не сообщение о преступлении, поступившее из иных источников» [3, с. 119].

В приведенной позиции между строк звучит целая серия вопросов. И базируется эта серия на том, что имеется устойчивая теоретическая установка, согласно которой происходит понятийное отделение повода от основания. Во всяком случае такая попытка имеется. Со своей стороны, считаем, что «повод» и «основания» — это неразделимые свойства единого понятия: повод это не только внешняя форма, но одновременно и содержание, а основание есть не только содержательная, но и логическая оценка информации, констатация ее аргументационной силы.

В юридическом термине «основание» заложен, как мы уже отмечали, логический закон достаточного основания. Попросту говоря, суждение (а повод это и есть суждение о наличии признаков преступления) должно быть аргументированным.

Интересный пример в этом смысле представляет ст. 180 УПК РК «Поводы к началу досудебного расследования».

Она начинается с определения повода и резко перетекает в перечисление конкретных поводов: «Поводами к началу досудебного расследования служат достаточные данные, указывающие на признаки уголовного правонарушения, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по делу, а именно: 1) заявление физического лица либо сообщение должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица; 2) явка с повинной...» [5].

Любой процессуалист легко увидит, что казахстанское определение повода почти буквально совпадает с российским определением основания (ч. 2. ст. 140 УПК РФ): там тоже идет речь о достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Есть ли здесь ошибка или противоречие? Думаем, что нет. Как нет ошибки и в том, что ниже в УПК РК в качестве поводов указываются заявление, явка с повинной, хотя тут, казалось бы, можно придаться, заявив о том, что из текста закона следует, что «достаточные данные это именно заявление или именно явка с повинной». Это уже нюансы. Суть остается прежней: повод и основание к возбуждению уголовного дела — это единая субстанция.

П. Г. Марфицин ставит еще один вопрос: «Может быть свободный повод и обозначить как рапорт?». Вопрос интересный. Например, так: «Рапорт о проверке сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, полученного из иных источников». В этом случае свобода повода будет ограниченной. Кроме того, за пределами повода останется информация, полученная из СМИ. Последняя как-то по особому (чуть ли не между строк) вписана в текст УПК РФ.

Кстати, по поводу сущности «свободного» повода у нас родилась интересная мысль, которая ранее не высказывалась учеными. Может быть в контексте ст. 140 УПК РФ фраза «сообщение <...> полученное из иных источников» подразумевает не универсальный набор сообщений, имеющих в природе, а только те формы сообщений, намек на которые имеется

в УПК РФ или в ведомственных нормативных актах, например, результаты ОРД, результаты иной правоохранительной деятельности, итоги проверки сообщений в СМИ. Эта гипотеза требует отдельной проверки.

Анализ закона и правоприменительной практики показывает, что трансформация полученного сообщения в формально определенный вид — рапорт — стирает все грани универсальности и приводит «свободный повод» в тот вид, который знаком и привычен уголовно-процессуальному законодательству.

Внимательно посмотрим на правила, указанные в ст. 143 УПК РФ. Получив сообщение о совершенном или готовящемся преступлении из иных источников, должностное лицо обязано составить рапорт, причем не по факту поступления сообщения, а об обнаружении в этом сообщении или в ходе его проверки признаков преступления. Нам представляется, что именно в ходе этих действий должен происходить отбор сведений, значимых для уголовного судопроизводства. Итак, получаем следующее: то, что российские исследователи называют «свободным поводом», по факту оказывается тем, что в ст. 140 УПК Республики Таджикистан закрепляется как «...непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления» [6].

Таким образом, анализ «свободного» повода показывает, что имеется определенное противоречие между информационной потребностью в свободном поводе, делающем систему поводов универсальной, и уголовно-процессуальной формой реализации этой потребности. Повод может быть свободным, а вот уголовно-процессуальная форма свободной быть не может. Сама свобода определенным образом отрицает форму. Это противоречие пока не имеет решения на уровне уголовно-процессуального права и практики. Да и теория здесь не особо преуспела. Тем не менее при всей своей условности термин «свободный повод» оказался очень полезным с методологической точки зрения. Он вывел исследователей на проблемы унификации и дифференциации поводов, особого порядка воз-

буждения дела, проблему соотношения поводов и оснований и на другие интересные и значимые проблемы. «Свободный» повод является своеобразным ключом к пониманию проблемы необходимости стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи само понятие «свободный повод» далеко не безобидно.

Постановка вопроса об универсальности системы поводов для возбуждения уголовного дела, а также доводы о формальной свободе указанной стадии создает новый блок аргументов в пользу того, что отнесение возбуждения уголовного дела к числу стадий процесса до сих пор является проблемным вопросом, не получившим окончательного разрешения.

По сути, если максимально обострить идею свободы, то получится, что самым свободным поводом для возбуждения уголовного дела является, образно говоря, отсутствие повода. Подобный вывод гораздо ближе к заключению о том, что стадия возбуждения уголовного дела не нужна: истинная свобода этой стадии заключается в ее отсутствии.

Думается, что осмысление «свободы» поводов в представленном ключе может привести к весьма оригинальным результатам. К слову, это побудительный мотив оценить с этих позиций законодательные системы, которые якобы отказались от стадии возбуждения уголовного дела. Речь, в частности, идет об уголовно-процессуальном законодательстве Украины и Республики Казахстан.

Следующий момент также касается ключевой идеи свободы. Нам представляется, что инициаторы «свободного повода» местами сильно переоценивают идею свободы. Данная свобода не должна попираť ключевые принципы построения уголовно-процессуальной формы первой стадии, а авторы концепции «свободного повода» от этого отступают. В качестве примера можно привести предложение И. Р. Дмитриева относительно особого порядка возбуждения уголовного дела.

Не возражая в принципе против необходимости особенностей, мы не можем согласиться с предложением о «бесконечности» стадии возбуждения уголовного дела. Именно так можно охарактеризовать предлагаемую поправку, согласно которой

в некоторых особых случаях «...сроки предварительной проверки устанавливаются по усмотрению прокурора, исходя из конкретной ситуации» [2, с. 21]. Фактически, свободная форма «свободного повода» ограничивается лишь принципом разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Внося предложения о возможности осуществлять проверку сведений о преступлении в срок свыше 30 суток, И. Р. Дмитриев должен был учитывать две вещи: во-первых, каждое исключение из правил со временем стремится стать правилом; во-вторых, излишнее затягивание в разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела ведет лишь к утрате доказательств в силу ограниченности средств в стадии возбуждения уголовного дела и к попытке заменить собой расследование в рамках иного правового режима. При разрешении данной проблемы выход необходимо искать не в усложнении стадии возбуждения уголовного дела путем превращения ее в «допредварительное» расследование, а посредством изменения критериев оценки эффективности работы органов дознания и предварительного следствия.

Не лишена внутренних противоречий позиция И. Р. Дмитриева, заключающаяся в том, что только свободный повод для возбуждения уголовного дела может порождать особую (точнее особенную) процедуру его актуализации. Дело в том, что предлагаемый автором особый порядок (модель ст. 146¹) базируется не столько на специфике «свободного повода», сколько на иных ситуативных факторах. По сути, эти факторы могут возникнуть и тогда, когда информация содержится в других поводах, например, в заявлении о преступлении.

Полагаем, что свободный повод не дает оснований для радикальных решений в части средств стадии возбуждения уголовного дела. Мы не можем разделить позицию, согласно которой производство следственных действий, за исключением допроса подозреваемого и обвиняемого, возможно до возбуждения уголовного дела.

«Особый порядок» возбуждения уголовного дела как попытка найти оптимальную, соответствующую современному

качеству преступности процедуру стадии возбуждения уголовного дела заслуживает пристального внимания и более тщательного анализа.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан должно учесть опыт РФ по развитию «свободного» повода, в том числе его преимущества недочеты, и, исходя из этого, совершенствовать свою национальную систему поводов в русле их последовательной формальной конкретизации, с учетом потребности в универсализации.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 2 октября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.10.2024).

2. *Дмитриев И. Р.* «Свободный повод» для возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 25 с.

3. *Марфицин, П. Г., Тимченко В. А.* Рапорт об обнаружении признаков преступления: уголовно-процессуальный и оперативно-разыскной // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 118–121.

4. *Кузьменко Е. С.* Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 27 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 5 сентября 2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=3501;34#pos=3501;-34 (дата обращения: 10.10.2024).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. по состоянию на 3 января 2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 10.10.2024).

Н. Р. Павленков,
курсант НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *А. А. Демичев*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Рынок культивирует выгоду любой ценой, поэтому понятие преданности находится за пределами рыночного мышления.

Н. Н. Вотинцева, А. Н. Ильин «Культура потребления и реклама» [1, с. 28].

Претворение принципа добросовестности в жизнь — тяжелая задача для российского правоприменителя, особенно если учесть глубокое нравственное содержание всех предписаний, нацеленных на поддержание добросовестности участников. Еще тяжелее указанные установления реализуются в новых областях общественной жизни, которые ввиду своей неизведанности еще не подлежат точному правовому регулированию и распространению на них вышеназванного принципа. В области работы маркетплейсов подобная проблема до сих пор ярко прослеживается, хотя их присутствие в обществе уже считается естественным и необходимым [2].

Для начала нам необходимо определиться, что из себя представляет субъект, от которого мы ожидаем примерного поведения (не ставящего под угрозу трат и ущерба иных участников), а также конкретизируем для удобства критерии

его добросовестных действий в сфере отношений дистанционной купли-продажи.

На данный момент ответ на первый вопрос максимально конкретен, поскольку дефиниция понятия «маркетплейс» с недавних пор представлена в российском законодательстве: «Онлайн-платформа владельца агрегатора в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, позволяющая потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца товаров о заключении договора купли-продажи товара, заключить с продавцом товаров договор купли-продажи, а также произвести оплату указанного товара путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов» [3].

В исследовательской среде (даже после появления официального определения) продолжались поиски лучшего описания явления, но все они схожи по содержанию и представляют описываемый институт в роли посредника между продавцом и покупателем, используемого для заключения договора дистанционной купли-продажи и облегчения его исполнения [4]. Агрегатор, к слову, — это, по одной из версий, синоним маркетплейса, что вполне справедливо, если судить по отдельным описаниям: «Агрегатором признается сайт или интернет-страница, предоставляющая возможность одновременно ознакомиться с предложением о покупке товаров (услуг), заключить сделку с продавцом и оплатить покупку» [5]. И уже можно обнаружить не самое благоприятное для нашего изыскания обстоятельство: изучаемый субъект является лишь переходным звеном, а не непосредственной стороной дистанционной купли-продажи.

Таким образом, нелегко установить не только требования добросовестности к названным участникам, но и банальные пределы гражданско-правовой ответственности. С последних, к слову, необходимо начать. С этой темой, забегаая вперед, нам откровенно повезло: среди исследователей вопроса она наиболее излюбленная и обсуждаемая. Мнения в основном касаются проблемы безнаказанности исследуемых организаций, которые

недобросовестно пользуются своим положением в «нейтральной (посреднической) зоне», дабы не претерпевать лишений за некорректные (откровенно противоправные) действия продавцов [6].

Многие соискатели сошлись в убеждении о сохранении второстепенной сущности маркетплейсов. Но иные представители научного сообщества настаивали на жестком повышении ответственности агрегаторов, особенно если учитывать добровольный выбор ими партнеров (продавцов) и очевидную из этого обязанность по их проверке [4, с. 28]. Как утверждала А. В. Васильева: «Кажется, будто бы само это посредничество никак не связано с правами потребителей. В таком формате описания маркетплейс — это электронная доска объявлений, на которую все подряд могут «наклеить» свои объявления, а любой покупатель может независимо выбрать нужный товар. Однако это уже давно не так» [7].

Подразумевалось, что на практике роль агрегаторов должна была быть не меньше нежели у того же продавца, поскольку отдельные покупатели до сих пор даже не подозревают о реальной стороне договора купли-продажи, не разбираются в системе возврата товара, искусственно усложненной и запутанной для рядового потребителя. Правда, в итоге, несмотря на все призывы, обязанности маркетплейсов и в наше время заключаются по большей части лишь в предоставлении достоверной информации о себе, продавце и товаре; среди новинок — обязательства по установлению гарантий качества на определенные объекты [8; 4, с. 10]. В этом и кроется первое проявление недобросовестности в сфере деятельности изучаемого института: его представители попросту воспользовались временными пробелами в праве, а в целом — собственным промежуточным положением в процедуре обмена между основными сторонами.

Кроме прочего, даже завоевав значимую позицию в дистанционной купле-продаже и став олицетворением тысяч мелких и средних предпринимателей без особого перенимания бремени ответственности на себя, коммерческие устремления

многих платформ изучаемого типа в значительной мере перевешивают даже те небольшие «...обязательства по размещению предложений и проверке правомерности размещаемых объявлений» [9].

По данным отдельных источников, количество контрафакта в сетях-агрегаторах неуклонно растет, например, *Wildberries* «...демонстрирует отсутствие его реального интереса к разрешению проблем контрафакта, соблюдения прав на интеллектуальную собственность оригинальных производителей» [9]. В этом видится одно интересное основание: колоссальное разрастание посреднической платформы, из-за чего она не справляется с собственными оборотами и не способна эффективно противостоять браку, подделкам и иным ненадлежащим по качеству товарам и недобросовестным продавцам [10]. Дополнительные меры ответственности и превенции, к слову, решительно не влияют на ситуацию.

Справедливости ради, слепо обвинять маркетплейсы в сговоре с «нарушителями торговых правил» нельзя, так как сфера дистанционного взаимодействия людей (в том числе сеть «Интернет») всегда была полна мошенников. Вот и удаленный возмездный обмен товарами обзавелся собственным неблагонадежным контингентом, с которым еще лишь предстоит бороться. К слову, *Wildberries* страдает от обмана ничуть не меньше своей потребительской аудитории [11]. Но вот совсем другие факты, близкие к недобросовестному (и противоправному) поведению, заставили задуматься многих исследователей. Среди актуальных вопросов:

- 1) продвижение конкретных участников рынка нелегальными способами (за отдельную плату обеспечивается повышение рейтинга);

- 2) скрытые алгоритмы агрегаторов, недоступные обычным пользователям. хотя по часто встречающимся обращениям интернет-пользователей можно считать этот пункт небезосновательным [12].

Нелишним отдельно упомянуть, что технология электронной торговли ввиду своих «детских болезней» будет

обязательно нести определенное количество ущерба в отношении как своих испытателей (маркетплейсов), так и испытуемых (граждане и организации). Подобные потери никак нельзя относить к недобросовестному поведению субъекта, поскольку конкретные стороны неспособны повлиять на саму сущность интернет-обмена — по объективным причинам он непонятен еще многим его пользователям (люди не привыкли выбирать товар на расстоянии, иногда не осматривают его на пункте выдачи и т. д.).

Теперь настало время раскрыть последнее, наиболее масштабное, но наименее явное проявление недобросовестности в деятельности изучаемых организаций. Проблема заключается в том, что институты удаленной торговли стимулируют культ нездорового потребления, ставшего бичом нашего времени. Как утверждается в одном исследовании вопроса, «...взращенное в 90-е гг. потребительство, основанное на индивидуализме и вещизме, усугубило социально-культурный регресс» — и, получается, продолжает его до сих пор [1]. Борьба с такими разрушительными социальными явлениями, к справке, была оглашена в Резолюции 70/186, принятой Генеральной Ассамблеей 22 декабря 2015 года и посвященной защите интересов потребителей. В документе прямо значилось: «Рациональность потребления предполагает, в частности, удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в товарах и услугах экономически, социально и экологически рациональными способами» [13]. Но юридических последствий для сторон-участниц договора, к сожалению, не последовало. Это весьма ожидаемо, ведь кризис духовно-нравственно мира современного человека меркнет на фоне экономических преимуществ существующей экономики и растущего культа потребления.

В итоге на отдельных проявлениях деятельности маркетплейсов нам удалось установить достаточно высокую predisposedность агрегаторов к недобросовестному поведению, которая планомерно убавляется по мере освоения электронной торговли и выпуска новых законодательных актов,

разделяющих ответственность продавцов, посредников и прочих участников операции купли-продажи.

Практика показывает, что российский правоприменитель склонен вставать на сторону незащищенного покупателя нежелая потворствовать произволу посредников дистанционного обмена материальными ценностями [14]. На таком подходе настаивает и научное сообщество, дополнительно рассматривающее идею компромисса между покупателем и маркетплейсом, так как обман со стороны продавца зачастую несет негативные последствия для них обоих в равной степени (если, конечно, маркетплейс не избирает свою излюбленную тактику непричастности). Правда, одна проблема недобросовестности в сущности удаленной торговли не изменится уже никогда — приверженность идеям общества потребления.

Примечания

1. *Вотинцева Н. Н., Ильин А. Н.* Культура потребления и реклама : монография. Пермь, 2014. 132 с.

2. Статистика маркетплейсов в России (ноябрь 2024) // Инклиент : сайт. URL: <https://inclient.ru/marketplaces-stats/?ysclid=m3dkm8kl3b36450169> (дата обращения: 08.11.2024).

3. Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов : утв. на заседании Комиссии по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации (протокол от 3 октября 2023 г. № 15-381) // Контур Норматив : сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=458483&ysclid=m3dl6a9anx935646613> (дата обращения: 08.11.2024).

4. *Киселева Л. Ю.* Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. 2021. № 9 (3). С. 22–32.

5. *Фадеева И. В.* Недобросовестные маркетплейсы и товарные агрегаторы как субъекты административной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 222–225.

6. Савоськин А. В., Фликов И. И. Ответственность владельца агрегатора и продавца перед потребителем по договору купли-продажи на маркетплейсе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15. № 3. С. 60–71.

7. Васильева А. В. Проблема соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 1. С. 139–145.

8. Головченко О. Н. Ответственность маркетплейсов за нарушение законодательства о защите прав потребителей // ПРЭД. 2023. № 4. С. 13–20.

9. Ильяшенко С. Б., Депутатова Е. Ю., Куришева О. А. Ключевые проблемы торговли на маркетплейсах // Экономические системы. 2023. Т. 16. № 4 (63). С. 60–72.

10. Билык К. Чистая прибыль Wildberries за 2023 год выросла на 87 % до 19 млрд рублей // RB.RU : сайт. URL: <https://rb.ru/news/wildberries-otchet/>. Дата публикации: 05.04.2024.

11. Обзор судебной практики по экономическим спорам, вытекающим из деятельности маркетплейсов за 2023 год // Zakon.ru : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2023/12/28/obzor_sudebnoj_praktiki_sporov_s_marketplejsami_za_2023_god_ot_kompanii_fox_legal_consulting (дата обращения: 09.11.2024).

12. Вайлдбериз завышает цены // Pikabu : сайт. URL: https://pikabu.ru/story/vayldberris_zavyishaet_tsenyi_otvet_na_post_razvod_ot_yandeksa_8148847?ysclid=m3dbktshv453768842 (дата обращения: 10.11.2024).

13. Резолюция 70/186, принятая Генеральной Ассамблеей 22 декабря 2015 года и утвердившая «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей» // Documents.un.org : сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/450/58/pdf/n1545058.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

14. ВС отправил на пересмотр дело «Яндекс.Такси» // Эклес. Юридическая компания : сайт. URL: <https://www.ec-lex.ru/about/news/vs-otpravil-na-peresmotr-delo-yandeks-taksi/?ysclid=m3zedq5qsic228476474>. Дата публикации: 07.11.2023.

А. О. Павлова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *С. В. Власова*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА РАССЛЕДОВАНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экономическая безопасность является важным аспектом в обеспечении целостности развития РФ, залогом защищенности жизненно важных интересов личности и государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивает комплексное развитие экономического потенциала и повышает уровень ее конкурентоспособности. В РФ законодатели, правоприменители, научные мыслители большое внимание уделяли и продолжают уделять аспектам обеспечения экономической безопасности. Результатами их деятельности являются изданные НПА и иные труды, регулирующие эту сферу деятельности.

В настоящее время основу правового регулирования вопросов экономической безопасности определяют следующие НПА: Конституция РФ, федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390 «О безопасности», Указ Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О стратегии экономической безопасности».

К субъектам экономической безопасности относятся представители всех ветвей власти на федеральном, региональном, местном уровнях. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, функциональные и отраслевые министерства, ведомства, налоговые, таможенные службы,

а также банки, предприятия, организации, общественные институты и отдельные граждане непосредственно являются субъектами экономической безопасности. Согласно Указу Президента РФ «О стратегии экономической безопасности» государственные структуры имеют приоритет перед всеми остальными субъектами [1].

Важная роль в обеспечении экономической безопасности по праву принадлежит органам внутренних дел. По мнению И. Б. Кардашовой, роль органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности РФ определяется многообразием правоохранительных и иных функций, наличием исключительных сфер правоохранительных органов, регулирующих данную сферу деятельности, к которым следует отнести деятельность работников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, деятельность органов предварительного следствия [2, с. 5]. Данная точка зрения подтверждается еще и тем, что среди населения РФ существует восприятие, что МВД России является главным правоохранительным органом страны, обладающий специальной компетенцией, мерами принуждения, наличием значительного количества средств по предупреждению и пресечению противоправных деяний, в том числе и в сфере экономической безопасности.

Основными направлениями деятельности МВД России в сфере обеспечения экономической безопасности являются предупреждение и пресечение экономических преступлений (преступлений в сфере предпринимательской деятельности, финансово-кредитной области, государственно-финансовой деятельности, налоговой сферы), коррупционных преступлений, противодействие экстремизму и терроризму и т. д. [3, с. 96].

Орган предварительного следствия, будучи субъектом экономической безопасности, занимает одно из центральных мест в системе МВД России, поскольку деятельность уполномоченных должностных лиц, относящихся к предварительному следствию, состоит в полном и своевременном раскрытии и расследовании преступлений, установлении события преступ-

ления, привлечении виновных лиц к уголовной ответственности и применении к виновным мер процессуального принуждения [3].

Органы внутренних дел в лице должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие, имеют как непосредственное, так и опосредованное влияние на обеспечение экономической безопасности. Непосредственное влияние органов предварительного следствия заключается в расследовании преступлений экономической и коррупционной направленности, охране собственности, а опосредованное — в расследовании преступлений, причиняющих материальный ущерб в результате совершения преступления.

Обеспечение экономической безопасности РФ невозможно без проведения в ходе расследования преступлений отдельных следственных действий, таких как допрос, обыск, выемка, назначение экспертиз, так как именно они влияют на результат деятельности органов предварительного следствия по расследованию преступлений и достижению целей по обеспечению экономической безопасности.

Из всего массива преступных деяний, наносящих урон экономической безопасности, экономические преступления занимают превалярующее место перед другими видами преступлений. Они обладают множеством особенностей, обусловленных многогранностью самого общественного опасного явления, постоянно изменяющихся и модернизирующихся.

Экономические преступления обуславливаются серьезным уроном, который злоумышленник наносит государству и обществу, высоким уровнем латентности и организованностью лиц, совершающих противоправные деяния в данной области, поэтому эффективная деятельность органов предварительного следствия напрямую будет способствовать защите национальных интересов и поддержанию экономической стабильности в государстве.

При расследовании преступлений экономической направленности перед органами предварительного следствия возникают вопросы, решение которых связано с защитой экономи-

ческих интересов общества и государства. Так, следовательно необходимо исследовать большой массив бухгалтерских, финансовых, налоговых документов, например, для определения имущества и капитала какой-либо организации и установления финансовой деятельности предприятия, что представляет собой кропотливый труд органов следствия, требующий специальных знаний и навыков.

Помимо вышеизложенного, следует отметить, что успешность в расследовании экономических преступлений во многом зависит от поисковой и познавательной деятельности следователя, от правильного и четкого определения предмета расследования, круга обстоятельств, подлежащих установлению по делу, к которым следует отнести сферу деятельности, с которой связан предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, способ сокрытия преступления, размер причиненного ущерба, обстоятельства, характеризующие личность преступника и т. д. Впоследствии это приводит к достижению целей предварительного следствия, а именно к раскрытию преступлений и изобличению виновного в совершении преступлений.

Деятельность органов предварительного следствия влияет на состояние и уровень экономической безопасности, способствует выработке действенных методов борьбы с экономической преступностью и результативной работе по предупреждению данной группы преступлений, поскольку, исходя из анализа судебной практики, являющейся плодотворной работой следственных подразделений, можно разработать портрет преступника, механизм совершения преступлений и перечень предметов и документов, являющихся доказательственной базой по делу.

Особое внимание также стоит уделить возмещению материального ущерба, причиненного конкретному лицу, предприятию и государству в результате совершения преступления. Так, на этапе расследования преступления следователь устанавливает размер причиненного ущерба и производит действия, направленные на возмещение этого ущерба. Размер

причиненного ущерба устанавливается путем производства следственных действий, дачи поручений органу дознаний о производстве ОРМ, направления запросов в банки, финансовые организации и иные учреждения, наложения ареста на имущества. Конечным результатом деятельности органов предварительного следствия будет оформление гражданского иска в отношении лица, нанесшего ущерб экономическим интересам.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что орган предварительного следствия как субъект обеспечения экономической безопасности обеспечивает и поддерживает национальные интересы в области экономики, что является залогом гармоничного существования общества и государства. Эффективная работа следствия напрямую связана с минимизацией и недопущением противоправных и антиобщественных деяний в сфере экономики.

Примечания

1. О стратегии экономической безопасности : указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 280 // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.10.2024).

2. *Кардашова И. Б.* МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 57 с.

3. *Громов И. А.* Органы внутренних дел в обеспечении экономической безопасности государства // Современная наука. 2010. № 1 (1). С. 95–98.

З. В. Пасечная,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доцент *Д. В. Назарычев*

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из важнейших задач в системе обеспечения экономической безопасности является управление рисками и угрозами последней. Она закладывается в качестве базовой в разработку отдельных инструментов, методов и механизмов достижения состояния защищенности объекта, в том числе в процессе создания документов стратегического планирования, если, к примеру, речь идет об обеспечении экономической безопасности на национальном уровне. В этой связи видится актуальным изучение проблематики разграничения понятий «угроза экономической безопасности», «риски экономической безопасности», «вызовы экономической безопасности», что связано с потребностью в определенности их употребления. Последнее, как предполагается, является одним из факторов, способствующих, в частности достижению точечного, конкретного характера мероприятий, проводимых в процессе решения задач в рамках общей цели – обеспечение экономической безопасности.

В данной статье были проанализированы работы, предметом исследования которых стали концептуальные положения теории экономической безопасности, по итогам чего удалось установить следующее.

Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года содержит определения категорий «вызов», «угроза», «риск», закладывая в их содержание следующие взаимосвязи: факторы и условия, способствующие созданию прямой или косвенной возможности нанесения ущерба национальным интересам государства в сфере экономики, консолидируются в единый термин «угроза экономической безопасности». В свою очередь, факторы, которые при достижении определенных условий приводят к возникновению последней, именуются вызовами экономической безопасности. Под риском понимается возможность нанесения ущерба национальным интересам государства в указанной сфере вследствие реализации угрозы экономической безопасности [1].

В тексте Стратегии национальной безопасности РФ также употребляются категории «вызов» и «угроза»; отдельное определение дано понятию «угроза», которое по смыслу аналогично дефиниции, приведенной в первом из указанных документов [2].

Отсутствие единства в практике применения рассматриваемых категорий констатируется И. А. Сушковой, которая предлагает рассматривать связь между понятиями в следующей последовательности: вызов, опасность, угроза, риск. Данным автором указывается на склонность многих исследователей при разграничении указанных терминов ориентироваться на анализ наличия возможности нанесения ущерба у совокупности определенных факторов, а не возможностей снижения риска [3, с. 13]. Кроме того, в ее работе отмечено, что возникновение вызовов и угроз есть результат влияния внутренних и внешних факторов, угроза возникает в результате действия вызовов и опасностей, а риски рассматриваются с позиции способа нейтрализовать или минимизировать последствия угроз [3, с. 14].

Интересной представляется точка зрения исследователей А. В. Лапина, Д. Т. Авдои, М. В. Ильичевой. В своей работе они подчеркивают, что категорию «вызов» следует рассматривать как некий инструмент оповещения, который позволяет опреде-

лить источник опасности, обнаружить обстоятельства, кажущиеся опасными, а также спрогнозировать пути возможного развития ситуации, представляющей угрозу. Так, авторы полагают, что вызов можно считать таковым только при условии обнаружения в перечне причин возникновения последнего обстоятельств, которые при анализе признаны опасными. Необходимость данного анализа обосновывается учеными потребностью в снижении фактора субъективности при формулировании выводов о том, что относить к вызовам [4, с. 13–14]. Оценка обстоятельств по определенным критериям, позволяющая отнести их к рангу опасных, способствует большей объективности и определенности в выборе методов и средств реагирования на них.

Д. В. Ирошников, обобщая имеющиеся подходы к определению понятия «риск» и выявляя в них фактически два типа (первый заключается в трактовке содержания исследуемого понятия как отражающего степень вероятности ущерба, второй — как определенной формы поведения), отмечает, что риск возможно также рассматривать сквозь призму их синтеза как «некое действие или бездействие, подвергающее опасности или влияющее на вероятность ее наступления» [5, с. 166].

А. Б. Феоничев, К. Ю. Мелешин, исследуя проблематику сферы понятийно-категориального аппарата теории национальной безопасности, приходят к выводу о существовании двух подходов в обеспечении безопасности: 1) евразийского и 2) англосаксонского. Для первого характерна следующая модель формирования угроз: «угроза – опасность – ущерб»; для второго — «интерес – контроль – потеря контроля или его отсутствие – вызов – риск». Понятие угроз безопасности государства рассматривается ими с позиции совокупности факторов, являющихся как реальными, так и потенциальными предпосылками формирования ситуации, в качестве последствий образования которой предполагается утеря государственной системой состояния динамического равновесия. Причем риски потери последнего, наряду с целостностью системы государства, определяются ими как опасность. Кроме того, авторы подчеркивают синонимичность категорий «угроза» и «вызов»

(в понимании проблемной ситуации), а также понятий «риск» и «опасность» [6, с. 38, 40].

В монографии под научной редакцией С. Н. Сильвестрова риск предлагается рассматривать как элемент, характеризующий угрозу (величину ущерба) безопасному функционированию хозяйствующего субъекта (в качестве которого понимается в том числе вся национальная экономика) при одновременном учете факта неопределенности распределения величины ущерба в области прогнозируемых значений [7, с. 55, 56].

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова отражены следующие подходы к определению содержания изучаемых категорий. В понятие опасности закладываются возможность, угроза наступления чего-нибудь нежелательного (заметим, что слова «возможность» и «угроза» употреблены как синонимы, что подчеркивает вероятностный характер наступления события) [8, с. 601], причем далее данный термин употреблен в качестве одного из определений понятий «угроза», «риск». Говоря о последнем, можно отметить придание некоторого активного характера, закладываемому в него содержанию: в одном из своих значений он подразумевает совершение действий наудачу; кроме того, при придании ему чисто экономического смысла он определяется как возможность несения убытков или терпения неудачи в коммерческом деле вследствие изменчивости конъюнктуры рынка [8, с. 907]. «Вызов» в качестве одного из значений имеет объявление борьбы, призыв к ней. [8, с. 117].

В учебной литературе встречается подход, согласно которому опасность представляет собой осознанную угрозу, а риск, в свою очередь, — более узкое понятие, чем последнее, являясь подвидом опасности. Причем он же применяется как показатель, способный охарактеризовать уровень негативного состояния системы, обладая свойствами всеобщности, системности и динамичности [9, с. 9–10].

Существует и несколько иная позиция, согласно которой в наиболее общем виде риск представлен в качестве образа или метода действия в условиях отсутствия информации. В данном контексте приводится формулировка широкой трак-

товки риска: «Риск — это потенциальное воздействие возможности экономического или финансового проигрыша, физического повреждения или причинения вреда в какой-либо форме из-за наличия неопределенности, связанной с желанием осуществить определенный вид действий» [10, с. 20–23].

Обобщая результаты проведенного анализа, мы приходим к выводу о том, что согласно большинству подходов феномен вызовов рассматривается как элемент, являющийся первичным по отношению к угрозам, рискам. Указанное представляется оправданным, если смотреть на данное явление как на один из факторов, способных стимулировать развитие отдельных субъектов, общественных, социально-экономических отношений, институциональной среды в целом. Его существование зачастую объективно, так как возникает в том числе по причине ограниченности ресурсов, формируя конкурентное поле для участников взаимодействия, чьи интересы пересекаются. Вместе с тем кажется очевидным, что за появлением каждого вызова неизбежно последует реакция. Последняя как раз и имеет тесную связь с категорией риска, которая сопряжена с действиями, предпринимаемыми субъектом защиты при выборе мер реагирования на вызов. Таким образом, в данном контексте риск можно рассматривать как вероятность наступления неблагоприятных событий в процессе реализации стратегии реагирования на вызовы и угрозы (применительно к нашему случаю) экономической безопасности.

В целях предотвращения неточностей, неоправданных дублирований понятий, описывающих те или иные явления, которые могут последовать за избыточным расширением категориальной базы, мы предлагаем рассматривать опасность в качестве феномена, сопровождающего вызов, объективно присутствующего в нем. Выстраивая дальнейшую цепочку связей от этого термина, условимся, что в зависимости от степени своего воздействия опасность может быть выражена как контролируемая субъектом ситуация и как обстоятельства, плохо поддающиеся контролю. Полагаем, что последнее и образует состояние угрозы.

Примечания

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 г. // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

3. *Сушкова И. А.* Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10–15.

4. *Латин А. В., Авдои Д. Т., Ильичева М. В.* Проблемный подход к управлению рисками в системе регионального государственного управления // Власть. 2024. № 2. Т. 32. С. 9–23.

5. *Ирошников Д. В.* Категория «риск» в теории национальной безопасности и ее отражение в действующем законодательстве Российской Федерации и документах стратегического планирования // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 165–167.

6. *Феоничев А. Б., Мелешин К. Ю.* Теоретико-методологические особенности анализа базовых понятий современной теории национальной безопасности // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 32–42.

7. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника : монография / В. П. Бауэр [и др.]; под науч. ред. С. Н. Сильвестрова. Москва, 2018. 350 с.

8. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. Москва, 2005. 1239 с.

9. *Чертыковцев В. К.* Математическая теория рисков в социально-экономической сфере : учебник для вузов. Москва, 2024. 104 с.

10. *Северцев Н. А., Бецков А. В.* Введение в безопасность : учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2024. 177 с.

Д. П. Простякова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *А. П. Кузнецов*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

В настоящее время преступления в сфере экономической деятельности регламентированы гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Исследуемая категория противоправных деяний представляет собой институт права, целями которого являются защита свободы предпринимательской деятельности; защита предпринимательства от недобросовестной конкуренции и монополии; защита экономических интересов всего государства [1].

Необходимость в регулировании данной сферы правоотношений возникла в тот момент, когда в РФ начала преобладать рыночная экономика. Она способствовала не только развитию государства в целом, но имела такие негативные последствия, как преступления. В основном противоправные деяния совершались собственниками каких-либо образований, предприятий, поскольку на ранних этапах функционирования той самой рыночной экономики появились определенные противоречия между интересами государства и владельцами частной собственности.

Поскольку экономика РФ постоянно развивается, то изменяются и нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Несмотря на

это, представители криминального мира довольно быстро приспособляются к вносимым в НПА коррективам, что позволяет им ловко обходить Закон.

На сегодняшний день гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» состоит из 60 статей [2] и является самой объемной по количеству статей в Особенной части УК РФ.

Если характеризовать предмет нашего исследования с точки зрения элементов состава преступления, то для начала следует выделить объект. Родовым объектом группы преступлений в рамках гл. 22 УК РФ являются общественные отношения, возникающие в процессе функционирования и развития сферы экономики в РФ.

К видовому объекту относятся общественные отношения, формирующиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных ценностей и услуг [3].

Непосредственный объект для каждой конкретной нормы будет формулироваться, исходя из интересов, охраняемых этой нормой.

Не стоит упускать из вида и тот факт, что, кроме вышеперечисленных объектов, в некоторых статьях гл. 22 УК РФ присутствует дополнительный непосредственный объект (например, в ст. 174 и 174¹ УК РФ) [4].

Объективная сторона исследуемых деяний характеризуется действием или бездействием (в некоторых случаях).

Большинство составов преступлений по конструкции являются формальными и признаются оконченными с момента выполнения действий, указанных в диспозициях норм гл. 22 УК РФ.

Субъективная сторона преступлений в сфере экономической деятельности характеризуется умышленной формой вины. Все противоправные деяния, входящие в состав гл. 22 УК РФ, совершаются с прямым умыслом.

В уголовно-правовой науке многие исследователи дают различные классификации преступлений, регламентированных гл. 22 УК РФ, например:

1) преступления в сфере предпринимательской деятельности;

2) преступления, касающиеся норм об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества;

3) преступления, связанные с кредитными отношениями;

4) противоправные деяния, посягающие на законный и свободный оборот ценных бумаг и денег;

5) таможенные преступления;

6) преступления, связанные с порядком оборота драгоценных металлов и камней;

7) противоправные деяния в сфере банкротства;

8) уклонение от уплаты налогов и (или) иных обязательных платежей [1].

Мы можем наблюдать, что так называемых микросфер в исследуемой главе довольно много. Это еще раз подтверждает утверждение о том, что гл. 22 УК РФ является самой большой из всех глав Особенной части.

Кроме вышеуказанной классификации, можно выделить еще одну, которая принадлежит И. А. Клепицкому:

1) преступления в сфере экономической деятельности;

2) преступления в кредитной сфере;

3) преступления в сфере обеспечения свободной и добросовестной конкуренции;

4) преступления в финансовой сфере и сфере оборота драгоценных металлов и камней;

5) преступления в сфере внешнеэкономической деятельности [5].

Таким образом, преступления в сфере экономической деятельности характеризуются сложными составами. Это подтверждается не только тем, что сфера экономики многогранна и неоднозначна, но и субъектным составом.

С каждым годом гл. 22 УК РФ дополняется различными нормами. Это означает, что общество развивается, значит, появляются новые виды преступлений.

Примечания

1. *Крючкова Л. Н.* Понятие, общая характеристика и классификация преступлений в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : материалы VIII Международной научно-практической конференции (Тамбов, 18–19 апреля 2019 года). Тамбов, 2019. С. 157–159.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

3. *Апельганц М. С.* Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) // Наука. Образование. Культура. Актуальные проблемы и практика решения (федеральный и региональный аспекты) : сборник статей по материалам X Всероссийской научно-практической конференции (Прокопьевск, 6 декабря 2017 года). Прокопьевск, 2017. С. 12–16.

4. *Воробьев И.* Экономические преступления // Пробелы в российском законодательстве. Екатеринбург, 2007. С. 48.

5. *Клепицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. Москва, 2005. С. 125.

**ЛИЦО, ЗАНИМАЮЩЕЕ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ,
КАК СОЗДАТЕЛЬ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ
КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**

В современной уголовно-правовой и криминологической науке РФ наиболее остро стоит проблема противодействия созданию и распространению преступных течений, порождающих криминальную субкультуру. Ее опасность достаточно велика, так как, поражая отдельную социальную группу, она начинает паразитировать на все общество в целом, меняя здоровые морально-нравственные устои, а также правовые нормы, сложившиеся в социуме, на деструктивные криминальные порядки. Говоря об актуальности данной проблемы, стоит привести в пример криминологическую статистику Нижегородской области. Можно заметить, что число пресеченных преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы, выросло с 319 до 1 001, выявлен факт занятия высшего положения в преступной иерархии гражданином В., а также в суд направлено три уголовных дела об организации преступного сообщества и два — о бандитизме [1].

Криминальная субкультура — это образ жизни, система эстетических, нравственных, религиозных, философских, политических, идеологических и правовых норм, традиции, манера поведения и образ мышления лиц, совершивших преступления или отбывающих (отбывавших) наказание в местах

лишения свободы, имеющих отличительные черты в зависимости от возраста, пола, режима исправительного учреждения, срока заключения, степени тяжести уголовно наказуемого деяния [2].

Для наиболее эффективной борьбы с криминальной субкультурой необходимо ее целостное и всестороннее изучение. Особое внимание стоит заострить на том, что субкультура — это явление, которому свойственно иметь своих создателей, последователей, а также писанные или передаваемые устно правила поведения.

В РФ создателями криминальной субкультуры можно справедливо считать представителей воровского сообщества, а именно воров в законе, смотрящих и положенцов [3, с. 82], или, как их квалифицируют в соответствии со ст. 210¹ УК РФ, «лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии». Преступная роль данных субъектов весьма значительна, так как они обладают огромными властными и регулирующими полномочиями на свободе и в исправительных учреждениях. Они следят за пополнением общака и назначают держателей общака, собирая с сокамерников деньги за право участвовать в азартных играх, долю с побед в играх «под интерес», а также приходящий от подельников с воли «грев», в который входят еда, сигареты и другие предметы первой необходимости, востребованные среди осужденных [4].

Данные лица осуществляют и кадровую политику в своей группировке, распределяют ресурсы из общака, которые идут на адвокатов для соучастников, находящихся под следствием, или другим участникам для подготовки и совершения новых преступлений, являются судебными арбитрами при разрешении конфликтов и споров между осужденными или своими подчиненными, а также созывают сходку (собрание наиболее авторитетных преступников), на которой разделяются сферы преступного влияния и территориальные границы подконтрольные смотрящим или вора в законе [5, с. 78].

В доказательство нашей точки зрения приведем пример из судебной практики.

В Вологодском областном суде вынесен приговор по делу от 2 декабря 2021 года № 35OS0000-01-2020-000581-92, в котором суд установил, что граждане И.М.К., И.Е.А., И.Е.С. и В.В.Ж., являясь наиболее приближенными к вору в законе (*информация о котором изъята*), были назначены им смотрящими за конкретными территориями, где они контролировали определенные сферы влияния, осуществляли нормативное регулирование и организовывали внутреннее управление своими подчиненными. Так, И.М.К. выступал судьей при разрешении конфликтов, возникших между представителями преступных групп (один из таких споров был связан с возвратом долга с лиц, принимавших участие в теневой банковской деятельности). В.В.Ж., используя телефонную связь, принимал участие в воровской сходке, где поддержал А.В.А. в назначении на должность смотрящего за исправительным учреждением. И.Е.С., будучи смотрящим, участвовал в воровских сходках, на которых распределялись сферы влияния, разрешал споры, связанные с долгами имущественного или финансового характера между предпринимателями, а также являлся держателем воровского общака. В его компетенцию входили сбор материальных средств с преступников на свободе, которые находились в его подчинении, или других смотрящих. Помимо этого, в деле имеются сведения, что он совместно с А.В.А. организовал сбор денежных средств в общак с лиц, отбывающих наказание, независимо от их масти (социального положения) в исправительном учреждении. А.В.А., являясь смотрящим за исправительным учреждением, осуществлял кадровую политику, назначая барачных (ответственных за пополнение общака в своем бараке), смотрящих за азартными играми, дорогами (почтовые отправления), санитарной частью, контролировал пополнение общака продуктами первой необходимости и деньгами, часть которых в дальнейшем отправлялась на счета в кредитные учреждения, подконтрольные И.Е.С. Также в материалах дела указано, что А.В.А. занимался распространением документов, содержащих в себе воровской уклад, среди осужденных, суть которого заключалась в ознакомлении

с преступной иерархией, воровскими законами, тюремной субкультурой и атрибутикой [6].

Следующие, кого мы отнесем к агитаторам субкультуры, — это последователи. Их особенность состоит в том, что они могут как напрямую, так и скрытно пропагандировать преступный образ жизни.

В современном обществе напрямую популяризацией субкультуры занимается экстремистское движение АУЕ (Арестантский уклад един, или Арестанско уркоганское единство). Участники данного течения тесно взаимодействуют с лидерами воровского мира, подражая их поведению и перенимая от них преступную символику, порядки, жаргон, а также добывают деньги в общак для «грева пацанов на зоне» [7, с. 437]. Лицами, на которых в наибольшей степени направлено когнитивное влияние данной экстремистской субкультуры, являются несовершеннолетние как наиболее уязвимый социальный слой, которым легко манипулировать.

Наставники экстремистского движения АУЕ принимают несовершеннолетних в свое братство и начинают приобщать их к криминальной субкультуре, выдавая ее за наиболее истинный образ жизни, таким образом постепенно подменяя здоровые морально-нравственные установки на аморальные понятия [8].

По мнению С. Ф. Самойлова, наибольшее внимание уделяется привитию последователям идеи о том, что нормальным и даже правильным считаются употребление алкоголя, наркотиков, психотропных и токсических веществ, драки, кражи, грабежи и вымогательство у терпил (лиц, которые в силу физических характеристик не способны постоять за себя), ненависть к сотрудникам правоохранительных органов и их родственникам, негативное отношение к этическим нормам и морали [9, с. 101].

Скрытым способом распространения криминальной субкультуры являются тюремные песни, поговорки и уголовный диалект. Обращаясь к исследованию Ф. Р. Хисамутдинова и А. Е. Шалагина, можно заметить, что преступное творчество,

посвященное тюрьме, братве и вора́м в законе, достаточно хорошо распространяется в обществе благодаря такому музыкальному жанру, как шансон. Это своеобразная завуалированная пропаганда, с помощью которой идет приобщение к преступному укладу жизни, оправдание преступлений, возвеличивание криминального сообщества, способ вызвать соперничество к осужденным [10, с. 50].

Примечания

1. Отчет заместителя начальника ГУ МВД России генерал-майора полиции В. А. Ятайкина перед депутатами Законодательного Собрания Нижегородской области о деятельности полиции подчиненных органов внутренних дел в 2023 году // Главное Управление МВД России по Нижегородской области : сайт. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--plai/> (дата обращения: 10.10.2024).

2. *Шемякина В. В.* Криминальная субкультура в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 201 с.

3. *Морозов А. С., Бабкина Е. В.* Развитие норм криминальной субкультуры в России с начала XX века по настоящее время // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 73–88.

4. *Кузьмин С. И., Якушина Е. С.* Иерархическая структура в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2020. № 1. С. 18–24.

5. *Сенатов А. В.* Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 75–80.

6. Приговор Вологодского областного суда от 2 декабря 2021 г. № 35OS0000-01-2020-000581-92 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).

7. *Грачев М. А.* Изменение законодательной основы противодействия государства и гражданского общества криминальной субкультуре // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 432–440.

8. Глухова А. А., Шпилев Д. А. Роль модераторов сайтов, посвященных тематике АУЕ, в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 4. С. 1646–1660.

9. Самойлов С. Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 2 (44). С. 99–104.

10. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46–52.

А. Д. Синькова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р экон. наук, профессор *Т. Ю. Серебрякова*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В условиях глобализации финансовых рынков у преступников возросла возможность действовать на мировой арене. Развитие цифровых технологий способствовало тому, что лицами, обладающими специальными знаниями в ИТ-сфере, были разработаны новейшие методы совершения преступлений, позволяющие им обходить законы и тем самым извлекать материальную выгоду, при это оставаясь анонимными.

Цифровизация общества создает новые возможности для злоумышленников, дающие возможность скрывать происхождение денежных средств, тем самым усложняя задачу правоохранительным органам в борьбе с преступной деятельностью. К такому перечню можно отнести преступления, совершаемые в сферах незаконного оборота наркотиков, торговли оружием, терроризма, экстремизма, а также преступления коррупционной направленности. Еще раз подчеркнем: объединяющим фактором в перечисленных случаях является способ передачи денежных средств, который позволяет как заказчикам, так и исполнителям сохранять анонимность. Преступники стремятся придать легальность своим доходам, чтобы в дальнейшем использовать их в своей предпринимательской деятельности.

Согласно статистики МВД России, около 70 % доходов вкладываются в две сферы предпринимательства, а остальные идут на покупку недвижимости.

В связи с анонимностью субъектов совершения преступления доказывание факта передачи денежных средств является важным аспектом в делах о легализации доходов, полученных преступным путем [1]. По этой причине в случае с использованием цифровых активов это доказывание становится еще более затрудненным. Кроме того, негативно сказываются пробелы в законодательстве, потому что в ряде стран власти на это не обращают внимание, что позволяет преступникам выбирать страны, в которых есть возможность обойти те или иные нормы.

Отношения в сфере обращения цифровых финансовых активов появились относительно недавно. В РФ оборот цифровых активов и цифровых валют был введен в ограниченном объеме с принятием федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Он стал важной вехой в регулировании цифровых активов, поскольку определил правовые рамки для их использования и обращения.

Согласно данному законодательству был значительно расширен список субъектов, обязанных соблюдать требования по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем. В этот список включены операторы информационных систем, занимающиеся выпуском цифровых финансовых активов, а также операторы, осуществляющие обмен цифровыми активами [3]. Это означает, что на данные организации возложены обязательства в рамках антиотмывочного законодательства, включая необходимость проводить надлежащую проверку клиентов и отправлять соответствующую информацию в Федеральную службу по финансовому мониторингу РФ.

Следующим важным шагом в развитии законодательства стало принятие федерального закона от 8 августа 2024 года

№ 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон расширил список субъектов, подлежащих исполнению антиотмывочных требований, добавив к ним лиц, занимающихся майнингом криптовалют, а также тех, кто организует деятельность майнинг-пулов [4].

Майнинг криптовалют как процесс подтверждения транзакций и создания новых блоков в блокчейне требует значительных вычислительных ресурсов. В связи с этим законодатели начали осознавать важность контроля за этой деятельностью для предотвращения возможных злоупотреблений и отмывания денежных средств через анонимные криптовалютные транзакции.

Направления развития национального механизма ПОД/ФТ закреплены в Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной Президентом РФ 30 мая 2018 года [5].

Одним из ключевых направлений по совершенствованию национальной системы предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем (ПОД/ФТ), является расширение информационно-технологических возможностей Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ [6]. Это предполагает оптимизацию процессов сбора, оперативного анализа, хранения и обмена критически важной информацией на международном, федеральном и региональном уровнях. Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) играет в рамках данной реализации решающую роль.

Расширение применения ИИ в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма можно ожидать в ходе дальнейшего совершенствования программно-аппаратных комплексов, которые будут использоваться в антиотмывочных целях. Это позволит оптимизировать анализ растущих объемов данных и алгоритмизировать процесс обработки массивов данных, повышая эффективность средств отслеживания операций (включая операции с криптова-

людьми) и улучшая качество автоматизированного выявления признаков отмывания денег и финансирования терроризма в операциях или деятельности клиентов.

Развитие ИИ в сфере ПОД/ФТ направлено на отслеживание криптовалютных транзакций. Это подтверждается тем, что государственные органы разных стран имеют повышенный интерес к разработке комплексов, позволяющих отслеживать данные транзакции. Следует учитывать, что в таких комплексах до сих пор не решен вопрос об отслеживании операций, осуществляемых с использованием криптовалют, в которые встроены средства обфускации операций. Затруднение возникает из-за того, что в данных операциях происходит запутывание кода: приведение исходного кода к виду, который сохраняет свою функциональность, но при этом затрудняет анализ операций.

Использование ИИ можно применять в качестве способа исследования финансовых операций на предмет наличия признаков отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма в онлайн-режиме без какого-либо долгого ожидания результатов. Анализ указанных операций связан с тенденцией роста безналичных денежных переводов и алгоритмизацией торговли на рынке ценных бумаг. Помимо прочего, к увеличению скорости совершения финансовых операций можно отнести введение цифровых валют.

Использование данных комплексов будет расширяться как со стороны органов финансовой разведки, так и со стороны субъектов, поднадзорных Федеральному закону от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — ФЗ № 115-ФЗ) [7].

Так, в первом чтении был принят законопроект, который предусматривает распространение на операции с цифровым рублем требований ФЗ № 115-ФЗ. В законопроекте предложено создать многоуровневую модель исполнения антиотмывочных требований с вовлечением и кредитных организаций — участников платформы, и оператора платформы — Централь-

ного банка РФ. При этом основные функции противодействия отмыванию денежных средств в отношении с цифровым рублем возлагаются на Центральный банк РФ.

При обслуживании пользователей платформы (физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) Центральный банк РФ будет обязан оценивать степень риска совершения ими подозрительных операций и относить каждого пользователя (кроме кредитных организаций) к одной из трех групп риска. Данное положение указано в ст. 7.6 ФЗ № 115-ФЗ.

Таким образом, влияние цифровизации экономики на эффективность противодействия (отмывания) доходов, полученных преступным путем, представляют сложный и неоднозначный феномен. Инновационные технологии, неотъемлемые для цифровой экономики, создают новые риски в сфере ПОД/ФТ и снижают эффективность существующих мер борьбы с ними. Это связано с необходимостью адаптации к новым схемам, таким как анонимность операций с криптовалютами и потенциальное использование ИИ для обхода требований мониторинга.

Важно отметить, что все ключевые технологии, которые идут совместно с процессом цифровизации, обладают дуалистичной природой с точки зрения противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов. Развитие новых видов информационно-коммуникационных технологий, цифровой банковской деятельности, блокчейна, ИИ — все это не может быть однозначно классифицировано как положительное или отрицательное. Эти технологии создают возможности как для усиления механизмов мониторинга ПОД/ФТ, так и для их обхода. В «гонке вооружений» между преступными элементами, с одной стороны, и правоохранительными органами, а также финансовой разведкой — с другой, все стремятся извлечь максимальную выгоду от внедрения перечисленных выше технологий.

Примечания

1. Организация исполнения функции агента валютного контроля в таможенных органах : учебное пособие / Т. В. Скудалова [и др.]. Москва, 2015. 218 с.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348530/ (дата обращения: 22.10.2024).

3. Ильин А. В. Развитие российской системы финансового мониторинга в условиях цифровизации экономики : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С. 101–105.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 222-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202407240005> (дата обращения: 22.10.2024).

5. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : утв. Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г. // СПС «Гарант» : сайт. URL: <http://base.garant.ru/71764235/> (дата обращения: 22.10.2024).

6. Финансовый мониторинг : учебник / В. И. Глотов [и др.]; под ред. В. И. Глотова, А. У. Альбекова. Ростов-на-Дону, 2024. С. 15–17.

7. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28261/ (дата обращения: 22.10.2024).

УДК 343.364

Е. Н. Тихонова,
старший преподаватель кафедры управления
НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *В. И. Шаров*;

И. Ю. Аверин,
преподаватель кафедры ОРД ОВД
учебно-научного комплекса противодействия
экономическим и налоговым преступлениям
НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, доцент *Е. М. Рябков*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Соблюдение должных процедур собирания и закрепления на материальных носителях доказательственной базы является обязательным условием беспристрастного правосудия, так как вынесение законных и обоснованных судебных актов возможно только в условиях добросовестности всех участников судопроизводства при представлении доказательств в суд. Учитывая, что досудебное производство берет начало с получения сообщения о преступлении [1], а получают его чаще всего именно оперативные сотрудники, то именно они и собирают первоначальную доказательственную базу.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2], основными (конституционными) принципами этого вида деятельности являются законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Однако в условиях современных реалий лица, призванные защищать гарантируемые Конституцией РФ права граждан, в силу разных причин не всегда действуют в соответствии с действующим законодательством РФ. Фальсифицируя результаты ОРД, должностные лица совершают покушение и на дополнительный объект преступления — законные права и интересы конкретных физических лиц, которым инкриминируются несовершенные последними преступления. Последствиями таких преступлений, помимо неисполнения правоохранительными органами законодательно возложенных на них функций (учитывая размещение анализируемой статьи в гл. 31 УК РФ), являются поломанные годами незаконного преследования судьбы людей и целых семей, что, безусловно, надлежит считать тяжкими последствиями.

Одним из возможных мотивов совершения фальсификации результатов ОРД зачастую выступает коррупция. Помогая за материальное вознаграждение, например, устранить неугодного конкурента лицу, к нему обратившемуся, оперативный сотрудник использует разные подходы к решению поставленных перед ним задач методом полной или частичной фальсификации результатов оперативной деятельности, впоследствии вовлекая в свою незаконную деятельность следователей/дознавателей, предоставляя последним такие сфальсифицированные документы.

Порой только на основании собранных недобросовестными должностными лицами материалах следователями/дознавателями принимаются первоначальные процессуальные решения (о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении). В связи с этим возникает проблема квалификации действий сотрудника подразделения предварительного расследования, использующего заведомо незаконные результаты ОРД и знающего об их сфабрикованности.

Предполагается возможным дополнить затрагиваемую ч. 4 ст. 303 УК РФ дополнениями в виде установления ответственности при наличии такой осведомленности и даже преступного бездействия и замалчивания, если о фальсификации станет известно позднее.

Засекречивание большинства элементов ОРД привело к появлению у некоторых должностных лиц оперативных подразделений чувств безграничной власти, безнаказанности и вседозволенности даже при попытках достижения целей, закрепленных в законодательстве РФ.

Дискредитирующий метод системы статистической оценки деятельности подразделений правоохранительных органов — метод палочной системы, пути отхода от которого начались в 2011 году, в том числе путем совершенствования ведомственных НПА, до конца не искоренен в умах и подходах отдельных руководителей и исполнителей. Наглядным примером порочной практики можно считать выставление планов оперативным подразделениям по количеству выявленных и раскрытых преступлений с ориентиром на аналогичный период прошлого года и соседние территориальные органы.

Стремление показать служебное рвение, нездоровое чувство карьеризма, желание быть награжденным ведомственными наградами либо выплатой денежной премии за высокие достигнутые результаты служебной деятельности — все это показывает, что важны не сами законы, а неписанные правила их применения. Преследование вышеназванных ложноистинных целей может также стать одной из возможных причин совершения фальсификации результатов ОРД.

В любом случае как при коррупционном характере, так и при продвижении по карьерной лестнице незаконными способами, такая фальсификационная деятельность совершается с прямым умыслом. Мотив для вменения ч. 4 ст. 303 УК РФ не имеет значения, но вполне может повлиять на добавление сопутствующих статей (например, превышение должностных полномочий, получение взятки и т. д.), который возможно

узнать при даче подозреваемым (обвиняемым) подробных показаний.

Статистические данные свидетельствуют о необходимой квалификации всего многообразия нарушений законности, совершаемых сотрудниками оперативных подразделений, должно отграничивая их от смежных составов. Так, в 2012 году ст. 303 УК РФ стали делить уже на четыре части, диспозиция последней из которых гласит: «Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации» [3]. Уже в 2016 году к уголовной ответственности было привлечено семь лиц [4]. В период с 2016 по 2023 год данный показатель не снижался. Это говорит о том, что уголовно-правовые средства борьбы с анализируемым явлением остаются недостаточно эффективными.

Одной из возможных причин низкого показателя является указание в диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ цели совершения таких действий, только при наличии которой действия виновного образуют состав уголовно наказуемого деяния. Однако не всегда именно такая цель стоит перед фальсификаторами. Необходимость исключения цели из диспозиции статьи нередко становилась объектом внимания ученых [5].

Специфичность субъектов, привлекаемых по характеризующей группе преступлений, говорит о том, что механизмы фиксации преступной деятельности, используемые в отношении них, известны и им самим. Учитывая высокую латентность должностных преступлений, остается только догадываться, какое количество сотрудников оперативных подразделений ушло от юридической ответственности.

Поскольку в основном федеральном законе [6] законодатель не предусмотрел, что следует понимать под результатами ОРД, то имеет смысл обратить внимание на то понятие, которое предусмотрено в УПК РФ: «...сведения, полученные в со-

ответствии с Федеральным законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» [7]. Источник происхождения таковых сведений, форма закрепления на материальном носителе для каждого результата различны, как и методы их возможной дальнейшей фальсификации и предоставления в органы предварительного следствия и суда.

В процессе расследования уголовных дел характеризующей категории, как и любой другой, следственными органами допускаются ошибки, худшим результатом которых является ненаправление в суд уголовных дел (вынесение постановлений об отказе в возбуждении, приостановлении производства либо прекращении дел). Разноплановые ошибки и сложности квалификации совершенных деяний породили ситуацию, требующую принятия сверхштатных мер, направленных на борьбу с анализируемым видом должностных преступлений.

ВС РФ обязал суды и, соответственно, следственные органы понимать под фальсификацией результатов ОРД умышленное внесение уполномоченным должностным лицом в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, заведомо недостоверных сведений о результатах ОРД, в том числе о проведении или непроведении того или иного ОРМ, его участниках, сроке и порядке осуществления, выявленных признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, представление указанным органам в качестве объектов, полученных при проведении ОРМ, поддельных носителей информации или иных предметов, при условии, что такие действия осуществлены в целях незаконного уголовного преследования лица, которое заведомо не причастно к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации данного или другого лица [8].

В УК РФ, несмотря на то, что ст. 303 далеко не единственная, где используется термин «фальсификация» (например, ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования»; ст. 142¹ «Фальсификация итогов голосования»; ст. 170¹ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»), законодатель не приводит точного определения. При этом единообразие используемой терминологии, в том числе в различных видах судопроизводства (конституционном, гражданском, арбитражном, административном наряду с уголовным), позволит избежать проблем в квалификации деяний, количества пересмотренных судебных решений и соответствующих затрат на обжалования в различных инстанциях.

Наиболее яркими примерами осуждения должностных лиц по ч. 4 ст. 303 УК РФ служат факты подбрасывания ими предметов и веществ, ограниченных в свободном обороте на территории страны (например, незаконное преследование И. Голунова). Эти активно освещаемые в СМИ прецеденты становятся объектами пристального внимания теоретиков и практиков.

В ходе подготовки почвы для совершения фальсификации совершаются действия, сами по себе запрещенные уголовным законом под угрозой наказания. В резолютивных частях соответствующих обвинительных приговоров первых инстанций идет признание субъектов виновными в совершении деяний, предусмотренных совокупностью соответствующих статей (например, добавляется статья УК РФ, запрещающая незаконный оборот наркотических средств).

Действительно, заранее добывая необходимое наркотическое средство, некоторое время храня его при себе и перевозя, а затем подбрасывая лицу, которого впоследствии желают привлечь к уголовной ответственности, виновные лица выполняют объективную сторону диспозиции вышеназванной статьи.

Указанная совокупность возможна в случае выполнения активных действий самим должностным лицом, уполномоченным на осуществление ОРД.

Если такие подготовительные мероприятия совершены сообщником, не обладающим правовым статусом сотрудника оперативного подразделения, то такому физическому лицу должен быть вменен только незаконный оборот запрещенных предметов, поскольку субъект преступления по ч. 4 ст. 303 УК РФ специальный.

Ряд исследователей и судебных инстанций считают такую квалификацию не совсем верной, ссылаясь на трактовку незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в постановлении Пленума ВС РФ [9] и учитывая отсутствие роли приобретателя у задержанного [10].

В 2015 году ВС РФ разъяснил момент окончания сбыта наркотического средства (выполнение сбытчиком действий по передаче) [11]: не взирая на тот факт, что в конечном счете сбываемое средство может и не быть получено приобретателем, важно именно участие двух лиц: сбытчика и приобретателя, хоть и опосредованно. Так, определением ВС РФ решения первой и кассационной инстанций в отношении Ш., ранее замещавшего должность оперативного сотрудника, были изменены, и преступные действия против здоровья населения и общественной нравственности переквалифицированы со сбыта на хранение наркотического средства [12].

Авторы придерживаются мнения о необходимости вменения в том числе статьей за оборот предметов и веществ, ограниченных в обороте, естественно, с учетом фактических обстоятельств произошедшего — объективной стороны, установленной в ходе досудебного производства.

Кроме того, в ряде судебных решений [13] и научных статей содержится мнение о том, что вменение сопутствующих ст. 285 («Злоупотребление должностными полномочиями») и

286 («Превышение должностных полномочий») УК РФ является излишним, поскольку уголовная ответственность должна наступать по специальной норме, а совокупность отсутствует при конкуренции общих и специальных, которой и является ч. 4 ст. 303 УК РФ, норм. А. К. Багаев и А. А. Радченко полагают, что «...идеальная совокупность преступлений исключается, хотя допускается реальная совокупность преступных деяний» [14].

В одном из определений ВС РФ, пересматривающим решения нижестоящих инстанций в отношении Б. и М., указано, что «...помещение наркотического средства в автомобиль, хоть и является способом совершения, но не охватывается диспозицией статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации независимо от цели, которую преследовали сотрудники оперативных подразделений, и не исключает ответственность за незаконный оборот наркотических средств» [15].

До настоящего времени у сотрудников следственных и судебных органов однозначного мнения не выработано. Первые придерживаются позиции, что при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и впоследствии обвинительного заключения лучше вменить больше статей, а затем суд исключит из квалификации лишние, на его взгляд, статьи УК РФ. На наш взгляд, такой подход сохраняется до сих пор в связи с отсутствием точных законодательных границ объективной стороны, трудностей доказывания субъективной стороны фальсификации результатов ОРД, а также отсутствием точного понимания термина «фальсификация» для целей уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

Примечания

1. Пункт 9 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 22 декабря.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // РГ. 1995. 18 августа.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // РГ. 2012. 3 декабря.

4. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика. РФ : сайт. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 31.10.2024).

5. *Радионов Г. Г.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Университет прокуратуры Российской Федерации : сайт. URL: https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2015/radionov/radionov1.pdf (дата обращения: 31.10.2024).

6. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

7. Пункт 36.1 статьи 5 УПК РФ в редакции Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2003. № 27, ч. 1, ст. 2706.

8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // РГ. 2022. 7 августа.

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // РГ. 2006. 28 июня.

10. *Быкова Е. Г., Яшков С. А.* Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 26–32.

11. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» : постановление Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 30 // РГ. 2015. 10 июля.

12. Надзорное определение ВС РФ от 23 октября 2013 г. № 16-Д13-24 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=361633#ibpWSUUua4MsxlQu> (дата обращения: 31.10.2024).

13. Определение ВС РФ от 24 декабря 2009 г. № 11-О09-137 // БВС. 2010. № 8.

14. Багаев А. К., Радченко А. А. Фальсификация доказательств по уголовному делу как должностное преступление в сфере правоохранительной деятельности // Законность. 2024. № 7. С. 58–62.

15. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 июля 2018 г. № 77-АПУ18-3СП // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=547695#JSdYSUUcRcmEI58A1> (дата обращения: 31.10.2024).

Е. Ю. Турченко (Сальникова),
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *А. В. Парфенов*

КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ ПРАВА

В работах различных исследователей достаточно длительное время категория «заблуждение» рассматривалась в качестве второстепенной по отношению к понятию истины. Это предопределялось несколькими факторами: с одной стороны, описать заблуждение с позитивной точки зрения, как выяснилось, трудно; с другой — тратить время на размышления о его природе, когда целями являются понимание и нахождение истины, казалось бессмысленным. Несмотря на это, в истории философской мысли категория заблуждения нашла свое место, ведь мыслители разных времен задавались вопросом о том, что именно мешает обретению истины. В данном случае уже в самом вопросе интерес к заблуждению носит лишь прикладной характер, ведь истина и заблуждение представляют собой противоположные полюса: понимание одного неизбежно влечет за собой понимание другого. Исходя из этого, следует рассмотреть существующие концепции истины и вывести из них возможное понимание заблуждения, которое может быть применимо в том числе и в теории права.

Первой из рассматриваемых концепций выступает *классическая концепция*, также называемая корреспондентской, которая основывается на идее совпадения знания с реальностью. В этом контексте реальность означает объекты окружающего мира.

Если информация о каком-либо объекте не соответствует его реальности, то это является заблуждением. В данном случае заблуждение — это неправильное понимание объекта и самой реальности. Однако проверка философского знания на соответствие с реальностью не всегда возможна, так как объектом выступает всеобщее.

Рассматриваемый подход к истине в большей степени применим к научному знанию, которое предполагает экспериментальную проверку. В таком случае противоположностью истины является не заблуждение, а ложь.

Ложь раскрывается, когда наступает истина, в то время как заблуждение не всегда очевидно. Заблуждение не является ложью, а скорее истинным, но не полностью верным представлением.

Когда мы рассматриваем истину с такой точки зрения, то заблуждение остается неразрешенным, поэтому говорить об истине становится затруднительно. К. Поппер предлагает иное понимание истины: «Мы не имеем никакой истины <...> а только вечно стремимся к ней; мы искатели истины, а не обладатели. Истина — это регулятивная идея в познании» [1, с. 108].

Следующая рассматриваемая концепция истины — *когерентная*, заключается в идее о том, что истиной являются внутренняя логичность и непротиворечивость знаний. Это означает, что истинной является система знаний, которая не содержит в себе внутренних противоречий. В таком случае ключевым критерием истины является ее внутренняя логичность, которая может быть достигнута в любых системах знаний, включая те, что необязательно являются истинными.

Рассматриваемый подход приводит к созданию узкоспециализированных и замкнутых систем знаний, которые не стремятся к развитию, поскольку каждое прогрессивное знание предполагает внутренний конфликт между старым и новым, что служит стимулом для его эволюции.

Подобное восприятие истины находит отражение в религиозном знании, подразумевая догматическое понимание истины.

Заблуждение в рамках данной концепции заключается в альтернативной системе знаний, которая также может быть внутренне непротиворечивой. Кроме того, достижение непротиворечивости возможно лишь в относительно простых системах знаний.

В рамках *прагматического и конвенционального понимания истины* утверждается, что истина — это то, что удобно признать таковым, то, что принято считать истинным большинством или определенной группой людей. Эта концепция истины отличается тем, что в ее рамках истина обладает временным и подверженным изменениям характером.

Сложно не согласиться с тем, что истина может быть установлена только в сочетании с заблуждением, ведь не существует абсолютно надежного метода ее проверки. Истину можно рассматривать как таковую лишь на основе трех ее аспектов:

- 1) соответствия знания об объекте самому объекту;
- 2) внутренней непротиворечивости знания;
- 3) необходимости признавать определенное знание истинным.

Следует подчеркнуть, что в рамках указанной концепции говорится именно о философском знании, к которому неприменимы стандартные научные или религиозные критерии, а также критерии эксперимента или веры.

Философская истина, прежде всего, представляет собой критически осмысленную и обоснованную потребность в истине, которая существует у человека и общества. Можно ли говорить о философском заблуждении в противовес философской истине? Ответ на этот вопрос не столь тривиален.

Если рассуждать логически, то философское заблуждение можно определить как представление о заблуждении и потребность в нем у человека, ведь если что-то существует, то это значит, что оно имеет свои причины. В данном случае причинами являются люди.

Все три критерия истины опираются на один принцип — на человека или, точнее, на общество, поскольку

истина создается и поддерживается людьми для их собственного блага.

Культура, возникшая под влиянием истины, является ее выражением, а также представлением о том, что является истинно и обязательно для человека, что предписывает ему действовать в соответствии с ними. Исходя из этого, как указывал А. И. Удовиченко, заблуждением называется нарушение границ истины, все, что противоречит культурным представлениям по тем или иным причинам [2, с. 36].

И. Кант утверждал, что причиной заблуждений выступает синкретизм субъективизма и объективизма наших суждений [3, с. 130]. Философ придавал значение тому, что человеческое восприятие, как инструмент понимания психического и физического миров, переходит за рамки опыта, основанного на чувственных данных, и вступает в контакт с реальностью. В данном контексте невозможно однозначно отличить истину от заблуждения, поскольку не существует абсолютных критериев для оценки истинности. В этом смысле заблуждение возникает в ходе познания, при попытке выйти за пределы собственной субъективности и вступить в контакт с объективной реальностью, где субъективность человеческого сознания формирует субъективность полученного знания.

В рамках рассматриваемой концепции указывается, что в случае с эмпирическим знанием внутреннего мира заблуждения формируются из-за искажения логических отношений в нашем мышлении. Таким образом, формальные критерии истинности все же возможны, поскольку знание может быть сопоставлено с законами логики и разума, так как существует логическое мышление, которое использует формальные критерии для оценки достоверности знания.

И. Кантом были выделены три формальных критерия истинности, применение которых, на наш взгляд, возможно и в теории права:

1) закон противоречия, который устанавливает логическую возможность познания, предполагая, что знание не должно быть внутренне противоречивым. Важно понимать,

что этот критерий является исключительно внутренним и логическим, ограничивающим возможность истины в знании, так как непротиворечивое знание необязательно является истиной;

2) закон достаточного основания, который требует, чтобы знание было логически обосновано, что исключает возможность вывода ложных следствий из него и подразумевает наличие обоснований. При помощи данного формального критерия оценивается внешняя логическая достоверность знания при установлении истинности через связь знания с его основаниями и логическими следствиями, что делает его позитивным маркером истины;

3) закон исключенного третьего, в рамках которого утверждается, что две противоположности одновременно не могут быть неистинными: из двух противоположных утверждений одно должно быть верным, поскольку одно является отрицанием другого. И. Кант постулирует, что ложное следствие, вытекающее из знания, есть неопровержимый фактор, доказывающий ложность данного знания [4, с. 360].

Исходя из этих критериев, И. Кант делает логическое заключение, что заблуждение есть антипод истинности, который находит свое выражение в ошибочном суждении [4, с. 360].

На основе данного вывода мы видим, что кантовская теория познания тесно связана с взглядами Т. Гоббса, Дж. Локка и Д. Юма на то, что заблуждения происходят на уровне суждений [5, с. 136]. Однако в данном контексте основатель классической немецкой философии не рассматривает языковое выражение как объективное, а определяет его субъективность, что делает критерии истины формальными.

В рамках исследуемой концепции следует также отметить, что И. Кант также задумывается над возможностью существования заблуждения как противоположной рациональному мышлению формы. Он размышляет о том, как возможно отклонение от норм, установленных собственной системой законов, и как они могут быть нарушены. Философ приходит к выводу, что источником заблуждений является влияние чув-

ственного восприятия на рациональное мышление, то есть на процесс суждения. Как было отмечено ранее, заблуждения возникают из-за комбинации субъективных и объективных элементов в наших суждениях.

В то же время И. Кант подчеркивается, что каждое заблуждение содержит в себе как неправильное, так и частично верное суждение, иначе оно бы полностью противоречило законам, которые действуют в сферах разума и рассудка. Следует подчеркнуть, что, по мнению И. Канта, заблуждение есть суждение, которое должно являться частью деятельности рассудка [4, с. 361].

А. Шопенгауэр, один из ведущих немецких философов-иррационалистов, остро критиковал кантовскую концепцию о природе заблуждений. В своем труде «Критика кантовской философии» [6, с. 671] он стремился через строгий анализ показать несостоятельность умозаключений И. Канта в этом вопросе. Вместо объективной познавательной деятельности А. Шопенгауэр предлагал систему интуитивного познания, которая может раскрыть истинное состояние вещей, замкнутых в себе.

Интуитивное познание не связано с внешними условиями, его цель — выявить суть «вещей в себе», и именно оно способно дать объективное представление о вещах.

Воля человека является ключевым фактором, определяющим интуитивное мышление, в то время как интеллект, способный к интуиции, играет роль простого инструмента. Основа всего сущего, по утверждению философа, заложена в воле, которая проистекает из всеобщей необходимости [7, с. 62]. Истина, в его интерпретации, представляет собой связь между суждением и его первопричиной познания. Однако здесь прослеживается логическая противоречивость: «Как может существовать суждение, основанное на первопричине, если сама первопричина отсутствует?». Это приводит к вопросу о легитимности существования заблуждения как обмана разума. А. Шопенгауэр, исследуя этот парадокс, приходит к противоположному И. Канту выводу, утверждая, что заблуждение —

это непосредственное соответствие следствия и соответствующего ему истинного основания [7, с. 62]. Заблуждающийся человек коррелирует следствие с основанием, с которым оно ни при какой возможности не может иметь связи. Это свидетельствует о дефекте рассудка, когда человек не способен корректно ассоциировать причины и их последствия, то есть не может определить причинно-следственную связь.

Нередко наблюдается и другой вид заблуждения, когда выводы строятся на основе следствия, которое приписывается к некоторому основанию, из которого оно якобы неизменно следует. Это, как и первое заблуждение, неверно, поскольку человеку не под силу обладать способностью к полной индукции. Таким образом, заблуждение и видимость являются результатом мысли, идущей от следствия к основанию. Разум анализирует видимость, опираясь на принципы причинности и наблюдение, в то время как заблуждение представляет собой дефект мысли.

Следующая важная концепция истины и заблуждения была разработана И. Г. Фихте. Данная концепция названа *метафизической*. В ее центре находится понятие «Я».

И. Г. Фихте, продолжая идеи И. Канта, утверждал, что практический разум более эффективен в разрешении метафизических вопросов, по сравнению с теоретическим. Он развил эту идею до уровня фундаментального философского учения, основанного на дедуктивной системе метафизики. Основные принципы этой системы были заложены в теории познания и направлены на развенчание вопроса о взаимосвязи мышления и бытия, где конкурируют идеалистический и реалистический подходы к данному вопросу.

И. Г. Фихте склоняется к идеалистическому взгляду, поскольку, по его мнению, бытие без духовной составляющей не может объяснить возникновение сознательного мышления [8, с. 145]. Критика теории познания привела И. Г. Фихте к формированию идеалистической модели, в которой вещи являются представлениями, которые, соответственно, определяют необходимость существования представляющего элемента — «Я».

И. Г. Фихте пришел к идее, согласно которой первичной является субстанция, которая лежит в основе всего сущего. Кроме того, он указывал, что без субъекта объект не может быть понят, и без объекта субъект — пустота для восприятия. Это двойственное видение мира приводит к заблуждению о его двойственности по природе бытия и мыслительной деятельности, и лишь воля может помочь преодолеть это заблуждение, поскольку она ведет к осознанию первичности «Я» [8, с. 149]. Согласно данной концепции сознание полностью определяется активностью «Я», именно поэтому И. Г. Фихте рассматривает вопрос о заблуждениях исключительно сквозь призму крайней субъективности, где истина является системой знаний, созданной «Я», которая действует исключительно по собственной внутренней потребности, возникшей из-за абсолютной свободы. По этой причине заблуждение представляет собой знание, сформированное под влиянием внешних обстоятельств, таких как власть вещей и авторитет.

Значительный вклад в понимание феномена заблуждения внес выдающийся немецкий идеалист Г. В. Ф. Гегель. Согласно его теории основным инструментом познания является понятие, в то время как ранее таковыми считались наблюдение и интуиция. Понимание происходит не из прямого восприятия, а через систему понятий.

Истина может быть осмыслена через эту систему, но для этого необходимо руководствоваться «законом противоречий».

В этом контексте разум представляет собой аналитическую систему, способную раскрывать и разрешать противоречия. Такой подход обязывал Г. В. Ф. Гегеля философски обосновать противоречие не как заблуждение, а как неотъемлемый инструмент для понимания истины. Заблуждение, согласно его концепции, является отсутствием противоречия [9, с. 20].

Согласно диалектической теории Г. В. Ф. Гегеля истина — это непрерывный процесс, не ограничивающийся достигнутым результатом, а развивающийся по сложной траектории развития человеческого ума, стремящегося охватить всю реальность

в ее многообразной и противоречивой природе. Философ заложил фундамент концепции относительной истины, которая стала ключевым элементом переосмысления исторического процесса, переосмыслил его не как последовательность простых ошибок и заблуждений, а как сложный процесс развития истины. В данном случае диалектика уравнивает метафизическое противопоставление истины и невежества.

Согласно Г. В. Ф. Гегелю, два аспекта человеческого сознания — знание и интенциональность, которая имеет отрицательное отношение к нему — являются основными детерминантами заблуждений. В сознании существует диссонанс между «Я» и субстанцией, которая служит его объектом.

Г. В. Ф. Гегель рассматривает неправильное понимание чего-либо как несоответствие между знанием и его объектом. Стоит подчеркнуть, что различие между истинной и ложной информацией не является свидетельством отсутствия истины, ведь это лишь одна из фаз в ее эволюционном процессе.

Таким образом, заблуждение для Г. В. Ф. Гегеля не является антитезой истины, а скорее элементом, который вносит вклад в формирование истинного понимания, хотя и находится в состоянии неистины. Философ утверждал, что простое осознание заблуждения бесполезно. Важно понять его источник, после чего становится очевидно, что заблуждение — это один из этапов развития истины.

В труде «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегель рассматривает такое продвижение человеческого познания, где заблуждение играет важную роль в пути сознания к истине в рамках различных исторических контекстов [10, с. 154].

Для философа ложь является отрицательным этапом в формировании истины, в то время как заблуждение представляет собой одну из форм этой ложной информации, характеризующейся структурой сознания, которое еще не претерпело диалектической трансформации и столкнулось с противоречием между истиной и ложью. Следовательно, Г. В. Ф. Гегель интерпретирует заблуждение как исторически сформированный этап в эволюции истины, который побуждает к диалекти-

ческому опровержению истины, что служит ключевым моментом, стимулирующим прогресс в развитии сознания.

Задачи, связанные с пониманием истоков заблуждений в свете истинного знания, не были оставлены без внимания основателем английского позитивизма и величайшим мыслителем XVIII столетия Дж. Миллем. В эссе «О свободе», где обсуждается свобода мысли, он утверждает, что человек может преодолеть свои ложные убеждения, позволив себе свободно выражать мысли. Дж. Милль аргументирует, что препятствовать человеку в выражении «правильного» мнения эквивалентно запрету на познание истины, что приводит к затруднению выхода из состояния заблуждения. Кроме того, ограничение права на выражение «неправильного» мнения лишает человека возможности более четко осознать истинный смысл знания [11, с. 15].

В духе концепции Дж. Локка позитивист Дж. Милль утверждает, что разум человека способен вывести себя из заблуждений через самокритику и практический опыт. Правильность человеческого суждения обретается лишь тогда, когда оно способно осознать и исправить свои просчеты. В дальнейшем такое исправление суждения приведет к укреплению доверия к субъекту.

Дж. Милль утверждает, что человеческие заблуждения несут в себе положительный аспект, поскольку позволяют человеку пройти через знание, тщательно его изучить, осмыслить и усвоить. Это ведет к независимому мышлению, освобожденному от влияния чужих мнений, которые распространяются лишь потому, что их авторы не осмеливаются думать самостоятельно.

Британский позитивист обосновывает свою позицию тем, что разум дарован человеку для его использования. Ошибки, совершаемые человеком, не должны приводить к отказу от разумного осмысления реальности. Он подчеркивает, что люди не отказываются от «негатива» из-за честности, поскольку они обязаны действовать в соответствии со своими убеждениями, несмотря на то, что они могут быть ошибочными. Если человек

не должен следовать своим убеждениям из-за их возможной ложности, это значит, что он должен отказаться от выполнения любых обязательств.

Дж. Милль выделяет истину над заблуждением, подчеркивая ее преимущество благодаря тому, что истинные знания всегда содержат элемент вероятности, подкрепленный уверенностью в том, что в будущем возникнут умы, которые обновят ее направление, способствуя дальнейшему укреплению истинности знаний и позволяя им противостоять испытаниям. Другими словами, Дж. Милль утверждает, что заблуждения не просто способствуют возникновению неверных взглядов и сложных ситуаций, но и играют роль в познании, помогая решать разнообразные проблемы.

Невозможно игнорировать и вклад австрийского мыслителя-позитивиста Э. Маха, который особое исследование посвятил проблематике ошибочного восприятия [12]. Согласно его идеям заблуждение является неправильным суждением, которое противоречит реальным переживаниям.

Э. Мах различал понятия «заблуждение» и «ложь», считая последнее намеренной попыткой запутать мысль другого человека.

При непосредственном наблюдении за объектом и его восприятии через чувства формируется определенный образ, который может привести как к истинному пониманию, так и к заблуждению, когда важные различия не замечаются или похожие черты не распознаются. Например, объект А, обладающий свойством, схожим с объектом Б, может быть ошибочно идентифицирован как объект Б.

Э. Мах утверждает, что наиболее опасным заблуждением являются ошибки в логическом мышлении. Такие заблуждения часто встречаются у людей, не обладающих достаточным навыком в данной сфере и ограничивающихся стандартными взглядами без глубокого анализа.

Австрийский мыслитель считает, что источник ошибок и знаний одинаковы, и оба проистекают из умственной активности индивида. Единственным критерием, позволяющим

отличить заблуждение от истины, является успешность. Распознавание заблуждения и его исправление способствуют развитию знаний [12, с. 119].

Следует отметить, что концепция Э. Маха стала объектом жесткой критики со стороны многих философов, которые указывали на ее методологическую несостоятельность и отсутствие соответствия устоявшимся терминологическим нормам.

Исследователи, придерживающиеся *марксистско-ленинской школы* мысли, также не проигнорировали концепцию заблуждения, основывая свою теорию на соединении диалектики с материализмом. Согласно их взглядам, истина является результатом развития познания, а заблуждение — это исторически предопределенный процесс. Таким образом, несоответствие между субъективным восприятием и объективной реальностью может быть преодолено с течением времени.

Немецкие мыслители-материалисты К. Марк и Ф. Энгельс рассматривали это расхождение как свидетельство ограниченного влияния человека на природу и недостаточной развитости социальной структуры [13, с. 154].

Классификация ошибочных убеждений включает в себя религиозные и философские идеалистические концепции, что соответствует взглядам Д. Юма, утверждающего, что религия является одним из ключевых источников заблуждений [14, с. 9]. Заблуждения строятся на реальных данных, но представляют собой их одностороннюю интерпретацию. Следовательно, абсолютные заблуждения не могут существовать, поскольку невозможно восприятие, полностью отрешенное от реальности.

Материализм полностью отвергает идеализм.

Материализм, основанный на диалектике, признает идеализм, но снижает его до примитивной философской концепции, которая ограничивается только одной стороной познания, отрешенной от материального мира [15, с. 323]. Другими словами, даже верное восприятие объекта окружающего мира будет рассматриваться как заблуждение, если оно не включает в себя его местоположение и роль в структуре реальности.

Например, невозможно правильно описать звезду, не учитывая ее место в космосе.

Поскольку познание является бесконечным процессом осознания реальности, которая не имеет очевидных границ, кроме нашего субъективного восприятия, в контексте вечно меняющейся истории заблуждение воспринимается как неизбежная противоположность истины, которая является закономерным диалектическим процессом, основанным на борьбе и единстве противоположностей.

Истина зачастую зависит от определенных обстоятельств, в то время как то, что кажется заблуждением, может оказаться истиной в других обстоятельствах. Когда мы придаем истине абсолютную ценность, упускаем из виду ее многогранность, а заблуждение входит в состав истины, когда мы рассматриваем ее в контексте диалектического мышления, где она выходит за рамки обыденной реальности и теряет свою конкретность. Это отражается в гегелевской концепции познания, основанной на законах диалектики.

Уязвимость этой идеалистической модели заключается в ее изоляции от реальной человеческой деятельности, что привносит в нее элементы заблуждения. К. Маркс внес свой вклад, преодолев идеалистическую одномерность, и переформулировал модель в новый концептуальный контекст, который раскрыл истинную сущность диалектической философии Г. В. Ф. Гегеля. Абсолютизация истины, таким образом, является одним из наиболее глубоких заблуждений. Абсолютизация замкнутых достоверных представлений превращает их в заблуждения, поскольку это не входит в природу человеческой мысли. Это явление является исторически обусловленным и отражает особенности исторического периода.

К. Маркс утверждал, что человек является функциональной частью сложной капиталистической системы, которая формирует его мышление, воспринимающее фрагмент реального знания как неоспоримую истину, что и приводит к возникновению заблуждений. Исследователь также полагал, что в рамках таких условий невозможно полностью избавиться

от заблуждений в социальном сознании, поскольку только изменение объективной реальности, инициированное самой системой, способно устранить эти заблуждения. Следовательно, человеческая активность, которая вносит новые революционные изменения в социальную реальность, служит защитой от заблуждений и одновременно является ключевым научным методом, который раскрывает истинное понимание мира.

Эта теория революционной критики была впервые выдвинута К. Марксом и Ф. Энгельсом. Подобно Г. В. Ф. Гегелю, в данной концепции заблуждения имеют позитивную роль, поскольку они направляют формирование более точного знания.

Важно осознавать, что практика не является абсолютным стандартом для разграничения истины и заблуждения в рамках определенного знания. Если бы она была таковой, то могла бы стать безусловным способом определения истинности, хотя и содержит в себе относительность, о которой говорил В. И. Ленин [15, с. 323].

В контексте философского дискурса тема заблуждения не получила должного внимания. Это, вероятно, объясняется двумя ключевыми факторами.

Первый из них заключается в неопределенности статуса заблуждения как знакового утверждения: для индивида заблуждение ощущается как истинное знание, тогда как его приписывание другим людям воспринимается как отсутствие знаний.

Второй фактор связан с невозможностью отделения заблуждения от социального контекста: подобно неведению, заблуждение является относительным и субъективным понятием. Таким образом, можно выделить два основных подхода к анализу состояний заблуждения и незнания, которые, основываясь на типах уверенности, лежащих в их основе, допустимо условно назвать эпистемологическим и психологическим [16, 17].

Следует отметить, что в ходе юридической практики становится очевидным, что различные ошибочные убеждения, проникающие в сферу права, являются серьезным препятствием для упорядоченного функционирования правовых механизмов.

Такие заблуждения встречаются в разных ситуациях: в процессе создания законов, при интерпретации законодательных актов и их осуществлении. Они ухудшают качество законодательства, искажают его намерения и вызывают трудности в применении права.

С точки зрения юридической теории и практики заблуждения заслуживают ярко выраженной критики и считаются особым видом недочетов. Ни одна область юридической работы или отрасль законодательства не застрахована от их негативного воздействия. По всей видимости, это явление является универсальным для права.

Заблуждения требуют внимания со стороны ученых-правоведов, хотя до сих пор они не становились предметом их исследований. В российской юридической науке отсутствуют специализированные работы, посвященные анализу заблуждений в правовой сфере. Множество проблем, связанных с заблуждениями, продолжают рассматриваться научной общественностью изолированно и традиционно под категорией «ошибка».

На сегодняшний день категория заблуждения достаточно активно используется в отдельных отраслях права: в гражданском, уголовном и других, однако в теории права указанные понятия до настоящего времени полноценно не сформулированы. Таким образом, можно говорить о том, что исследование философских концепций истины и заблуждения дает возможность более качественно определить категорию заблуждения, используемую в современной теории права, поскольку они находятся в непосредственной связи с таким понятием, как «истина», которое достаточно подробно исследовано в разнообразных философских концепциях.

Примечания

1. *Поннер К.* Логика и рост научного знания / пер. с англ., под общ. ред. В. Н. Садовского. Москва, 1983. 605 с.

2. Удовиченко А. И. Заблуждение и манипуляция сознанием // Апробация. 2016. № 4 (43). С. 36–37.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. Москва, 1966. 592 с.
4. Кант И. Трактаты и письма. Москва, 1980. 482 с.
5. Бикнин И. А., Бошаева Л. Л. Гносеологическая концепция о заблуждении в теоретико-правовом понимании ошибки в праве // Вестник Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова. 2020. Т. 39. № 3. С. 134–144.
6. Шопенгауэр А. О четверояком корне закона достаточно основания. Мир как воля и представление. Критика кантовской философии. Мир как воля и представление. О воле в природе. Москва, 1993.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Москва, 2001. 408 с.
8. Фихте И. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1993. 537 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Москва, 1959. 697 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Москва, 2000. 495 с.
11. Милль Дж. С. О свободе. Москва, 1999. 382 с.
12. Мах Э. Познание и заблуждение. Москва, 1999. 446 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. Москва, 1974. Т. 42. 583 с.
14. Юм Д. Естественная история религии. О бессмертии души. О самоубийстве: Диалоги о естественной религии / пер. с англ. [и введ.] Софии Церетели. Юрьев, 1909. 179 с.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Москва, 1969. 667 с.
16. Klein P. D. Certainty: A refutation of scepticism. University of Minnesota Press, 1984. 243 p.
17. Rose J. An Epistemology of False Beliefs: The Role of Truth, Trust, and Technology in Postdigital Deception // The Epistemology of Deceit in a Postdigital Era. Springer, Cham, 2021. Pp. 21–37.

Ф. С. Файзализода,
иностранный адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доцент *М. В. Степанов*

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА
ИЛИ СКЛОНЕНИЯ К ЕГО СОВЕРШЕНИЮ
В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ**

На современном этапе суицид представляет существенную угрозу стабильному существованию социума. В связи с этим любые действия, направленные на доведение до самоубийства или склонение к нему, в большинстве стран мира обоснованно считаются уголовно наказуемыми [1, с. 61–62]. Более 160 стран мира включили в свои уголовные законы нормы, которыми закрепили уголовную ответственность за побуждение к самоубийству иного лица. В настоящем компаративистском исследовании обратим внимание на вопросы, связанные с регламентацией ответственности за доведение до самоубийства или склонение к его совершению в зарубежных государствах, что, повторимся, в современных условиях представляется крайне важным.

Как отмечает В. И. Зубкова, «...эффективная борьба с преступностью возможна только при объединении усилий всех заинтересованных стран как в практике применения законов, так и в унификации его отдельных теоретических положений» [2, с. 8]. Для анализа нами были выбраны государства романо-германской правовой семьи.

В статье 122 УК Бразилии [3] установлена ответственность за побуждение к самоубийству, а также за подстрекательство потерпевшего к его совершению или содействие суицидальному поступку. Наказание за соответствующие деяния составляет до шести лет лишения свободы. В 2019 году анализируемая норма была дополнена квалифицирующими признаками, среди которых эгоистичные, грубые или бесчеловечные мотивы; пониженная способность жертвы к сопротивлению; побуждение к самоубийству, подстрекательство к суициду или содействие ему, совершаемое через сеть «Интернет», социальную сеть. При наличии любого из условий наказание увеличивается в два раза.

В 2024 году анализируемая норма бразильского уголовного закона была дополнена ч. 5, предусматривающей ответственность для координаторов, администраторов, руководителей группы, сообщества или виртуальной сети, организующих деятельность, побуждающую к самоубийству, реализующих умысел на подстрекательство к суициду или содействие ему.

В большинстве стран, включая те, где попытки самоубийства были декриминализованы, действуют законы, запрещающие подстрекательство, помощь или поощрение самоубийства [4, с. 93], но характер противозаконных действий сильно различается, как и характер наказаний. Из 193 стран мира 142 имеют законы, предусматривающие наказания, включая тюремное заключение, за помощь или поощрение самоубийства [5].

В анализируемых составах преступления объективная сторона преимущественно представлена сходными деяниями, выступающими формой реализации тех или иных способов доведения до самоубийства или склонения к нему, в частности уголовно наказуемыми являются следующие действия:

а) угрозы причинения физического вреда, а также любые формы проявления жестокого обращения, в том числе связанные с унижением, систематическими оскорблениями или мучением, например:

— ст. 125 УК Азербайджанской Республики [6],

- ст. 110 УК Республики Армения [7],
- ст. 115 УК Грузии [8],
- ст. 105 УК Республики Казахстан [9],
- ст. 136 УК Кыргызской Республики [10],
- ст. 103 УК Республики Узбекистан [11],
- ст. 114 УК Хорватии [12];

б) угрозы причинения физического или иного вреда по отношению к близким потерпевшего, а также угрозы уничтожения или иного воздействия на их имущество, клевета, например:

- ст. 145 УК Республики Беларусь [13],
- ст. 106 УК Туркменистана [14];

в) шантаж, неоднократное принуждение к совершению порочащих или противоправных деяний, например, ст. 120 УК Украины [15].

Достаточно широко распространены и иные виды деятельности, рассматриваемые в уголовных законах зарубежных государств как способ воздействия на потерпевшего с целью доведения его до самоубийства или склонения к таковому [16, с. 54, 63]. К ним можно отнести консультирование относительно способов совершения суицида и пропагандирование его как возможности покончить с каким-либо травмирующим событием.

Уголовно наказуемым являются также подстрекательство к совершению самоубийства, пособничество, предоставление орудий, иные формы содействия, в том числе:

— уговоры, предложения, подкуп, обман; советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранение препятствий к его совершению (ст. 110¹ УК РФ [17]);

— обман, злоупотребление доверием (ст. 253 УК Республики Корея [18]);

— обещание финансового вознаграждения (ст. 326 УК Нигерии [19]);

— пособничество (ст. 107 УК Республики Колумбия [20]; ст. 454 УК Эквадора [21]);

— уговоры и убеждения о необходимости суицида (ст. 454 УК Турции [22]).

Достаточно разнообразны и субъективные признаки обозначенных составов преступлений. В частности, с субъективной стороны выделяют осознанность совершения деяния (ст. 407 УК Тунисской Республики [23]), умышленность (ст. 150 УК Республики Молдова [24]; ст. 294 УК Нидерландов [25]).

Кроме того, в некоторых государствах уголовные законы прямо указывают на квалифицирующие признаки, связанные с корыстными (ст. 115 УК Швейцарской Конфедерации [26]) или иными низменными мотивами.

Выделяются и некоторые квалифицирующие признаки, связанные с характеристиками потерпевшего от преступления:

- малолетний либо несовершеннолетний возраст лица;
- неспособность из-за психического заболевания понимать суть совершаемого;
- тяжелая болезнь;
- зависимость от субъекта преступления.

Подводя итог, представляется целесообразным констатировать, что уголовными законами выбранных государств применяются различные формулировки, характеризующие преступное деяние, связанное со склонением к деятельности, представляющей опасность для жизни. Наиболее типичное описание того, что является противозаконным по законодательству той или иной страны, представлено в выборке конкретных формулировок:

— «доведение кого-либо до самоубийства или совершения попытки самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства жертвы» (в Республике Таджикистан [27], Республике Казахстан, Украине, Узбекистане и Кыргызской Республике);

— «доведение кого-либо до совершения самоубийства» (в Армении);

— «жестокое обращение, постоянное запугивание, унижение человека, находящегося в зависимом положении, для склонения его к совершению самоубийства» (во Вьетнаме).

Примечания

1. Малетина М. А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2021. 226 с.

2. Зубкова В. И. Уголовное законодательство европейских стран: сравнительно-правовое исследование : монография. Москва, 2013. 328 с.

3. Уголовный кодекс Бразилии. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.cdfd4f7f-67006b19-611e74c874722d776562/www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848.htm (дата обращения: 10.10.2024).

4. Ястребов А. В. Особенности уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник СИБИТа. 2018. № 2 (26). С. 93–98.

5. Mishara B. L., Weisstub D. N. The legal status of suicide: A global review // International Journal of Law and Psychiatry. 2015. P. 7–21

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 23 февраля 2024 г.). URL: <https://www.migration.gov.az/content/pdf/7d878287d2a6aa187238b93c7df26ef3.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

7. Уголовный кодекс Республики Армения : принят 18 апреля 2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=gus> (дата обращения: 10.10.2024).

8. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (с изм. и доп. по состоянию на 27 июня 2024 г.). URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=262> (дата обращения: 10.10.2024).

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 9 сентября 2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.10.2024).

10. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по состоянию на 7 августа 2024 г.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru> (дата обращения: 10.10.2024).

11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП) (с изм. и доп. по состоянию на 4 сентября 2024 г.). URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 10.10.2024).

12. Уголовный кодекс Хорватии (Penal Code of 21 October 2011 (Text № 2498)). URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/89286/HRV-2011-L-89286%20.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по состоянию на 12 июля 2024 г.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 10.10.2024).

14. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 25 ноября 2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=107;-60#pos=107;-60 (дата обращения: 10.10.2024).

15. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изм. и доп. по состоянию на 8 мая 2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 10.10.2024).

16. *Хатыев В. Б.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство по законодательству зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 50–69.

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

18. Уголовный кодекс Республики Корея (Criminal code (Wholly amended as of Jan. 1, 1998)). URL: <https://policehuman-rightsresources.org/content/uploads/2016/03/Penal-Code-Republic-of-Korea-1998.pdf?x39143> (дата обращения: 10.10.2024).

19. Уголовный кодекс Нигерии (Criminal Code Act in Nigeria) URL: https://jurist.ng/act/criminal_code_act (дата обращения: 10.10.2024).

20. Уголовный кодекс Республики Колумбия (Ley 599, del 24 de julio de 2000, por la cual se expide el Cydigo Penal. Diario Oficial, 2000-07-24, п.м. 44097, pбgs. 1–24). URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/LAO/article_VII/legislation_data_base/CO_LEY_599_24_2000.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

21. Уголовный кодекс Эквадора. URL: (https://oig.cepal.org/sites/default/files/1998_escu_codpenal.pdf) (дата обращения: 10.10.2024).

22. Уголовный кодекс Турции от 26 сентября 2004 г. (Turkish Penal Code law no. 5237, passed on 26.09.2004). URL: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Turkey%20Criminal%20Code%202004%20English.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

23. Уголовный кодекс Тунисской Республики (Code pénal institué par le Décret du 9 juillet 1913 (tel que modifié)). URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1913/fr/91579> (дата обращения: 10.10.2024).

24. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 24 ноября 2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 10.10.2024).

25. Уголовный кодекс Королевства Нидерландов (Wetboek van Strafrecht). URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2024-10-01> (дата обращения: 10.10.2024).

26. Уголовный кодекс Швейцарской Конфедерации (Swiss Criminal Code of 21 December 1937 (Status as of 1 July 2024)). URL: https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/20240701/en/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-54-757_781_799-20240701-en-pdf-a-4.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

27. Уголовный Кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=528&conttype=2 (дата обращения: 10.10.2024).

Я. М. Халезова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, профессор *А. П. Кузнецов*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Защита конституционного строя и безопасности государства в складывающихся геополитических условиях выступает приоритетным направлением деятельности правоохранительных и иных органов, обеспечивающих безопасность государственного строя [1]. Особое внимание Президент РФ обращает на то, что суверенитет, территориальная целостность и безопасность государства являются важнейшей гарантией будущего развития страны, требующей особой защиты как от внутренних, так и от внешних посягательств.

Эффективным средством, направленным на охрану прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом, является УК РФ [2]. Следует отметить, что в последние десятилетия его содержание отличается противоречивостью, пробельностью и неточностью используемых формулировок [3]. Последняя проблема связана с корректностью интерпретации уголовно-правовых положений и языкового оформления текста уголовного закона.

В современных реалиях крайне важно правильное толкование и применение его положений с соблюдением всех провозглашенных уголовно-правовых принципов. Профессор А. П. Кузнецов подчеркивает значимость и важность соблюдения

требований юридической техники при конструировании уголовно-правовых предписаний, поскольку от этого зависит эффективность деятельности по противодействию преступности [4, с. 410].

Одним из объективных факторов, препятствующих единообразной интерпретации уголовно-правовых норм правоприменителем, выступает использование законодателем при конструировании уголовного закона оценочных понятий.

На сегодняшний день в правовой доктрине отсутствует единство в раскрытии понятия, сущности, видов и значения оценочных понятий в нормативных актах, остается недостаточно разработанной проблема их понимания и использования в конкретных составах преступлений с учетом складывающейся судебно-следственной практики.

В наиболее общем виде под оценочными понятиями следует понимать неконкретизированные (чрезмерно обобщенные) нормативные положения, которые законодатель позволяет уточнять уполномоченному на то лицу в процессе применения уголовного закона [5, с. 63]. Общеизвестно, что их существование в тексте нормативного акта обусловлено невозможностью придания языковым юридико-техническим средствам однозначной и точной формы в силу сложности и объемности регулируемых общественных отношений. Использование оценочных понятий в действующих условиях государственного правового строительства скорее вынужденная мера, направленная на оптимизацию объема законодательства.

В УК РФ оценочные понятия встречаются в нормах как Общей, так и Особенной части в различных охранительно-предупредительных институтах. Не стала исключением гл. 29 УК РФ, при конструировании составов преступлений которой законодатель использует определительное местоимение «иной», придающее понятиям оценочный характер:

- «иные случаи» (ст. 275, 283 УК РФ);
- «иные действия» (ст. 280², 281 УК РФ);
- «иная помощь» (ст. 275 УК РФ);
- «иное вовлечение» (ст. 281¹ УК РФ) и т. д.

В статье 277 УК РФ законодательно не раскрывается содержание понятия «государственный или общественный деятель». Множество вопросов в научном сообществе вызывает отсутствие в тексте уголовного закона определения «экстремистская организация» (ст. 282² УК РФ), которое может быть дано по аналогии с экстремистским сообществом (ч. 1 ст. 282¹ УК РФ).

Интерпретационные проблемы возникают в раскрытии содержания атрибутики и символики, сходных с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения (ст. 282⁴ УК РФ), а также понимания мер ограничительного характера по смыслу ст. 284² УК РФ. Можно заметить, что законодатель продолжает насыщать содержание гл. 29 УК РФ все новыми, ранее не известными оценочными понятиями. Их применение представляет определенные трудности не только в науке уголовного права, внося споры в понимание того или иного признака преступления, но, что особенно важно, и в практику реализации уголовного закона.

Правоприменительные органы в процессе реализации уголовно-правовых положений по-разному толкуют одни и те же оценочные понятия [6, с. 98–99], содержащиеся в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, что, несомненно, ведет к квалификационным ошибкам, отсутствию стабильности судебной практики при решении вопросов привлечения к уголовной ответственности, а в итоге — к подрыву внутренней и внешней безопасности государства.

Общеметодологические аспекты оценочных понятий неслучайно стали объектом достаточно подробного изучения как в общей теории права, так и в уголовном праве, а вот проблема их понимания и использования в конкретных группах составов преступлений комплексно практически не рассматривалась.

Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретает вопрос использования оценочных понятий в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Проблемам эффективности современных уголовно-правовых средств обеспечения основ конституционного строя и безопасности государства посвящены работы ученых-криминалистов С. В. Дьякова [7], А. В. Петрянина [8], Е. П. Сергуна [9], А. Г. Хлебушкина [10] и многих других. Однако специального монографического исследования, посвященного исключительно оценочным понятиям в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в научной литературе по уголовному праву не проводилось.

Все упомянутое в своей совокупности и во взаимосвязи свидетельствует об актуальности и необходимости полного и всестороннего исследования. Оно поможет получить дополнительные знания об использовании оценочных понятий в указанных выше составах преступлений, что в конечном счете позволит сформулировать предложения по совершенствованию норм гл. 29 УК РФ, правовых позиций ВС РФ и методики оценки общественно опасных деяний.

Примечания

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

3. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. Москва, 2016. 704 с.

4. Кузнецов А. П. Проблемы теории уголовного права: в 2 т. Т. 2. Нижний Новгород; Москва, 2013. 496 с.

5. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. Москва, 1967. 240 с.

6. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Нижний Новгород, 2008. 244 с.

7. *Дьяков С. В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 2012. 265 с.

8. *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : монография / под ред. А. П. Кузнецова. Москва, 2022. 335 с.

9. *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 235 с.

10. *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 215 с.

Д. И. Хахлина,
слушатель НА МВД России

Научный руководитель –
канд. юрид наук *А. А. Никифорова*

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Сегодня компьютерные игры не просто пользуются большой популярностью, но и привлекают значительные инвестиции: в данную сферу ежегодно увеличивается объем капиталовложений. Согласно статистике, в мире насчитываются 1,1 миллиарда пользователей, предпочитающих онлайн-игры, что делает их неотъемлемым элементом цифрового досуга [1]. На первый взгляд кажется, что компьютерные игры не имеют ничего общего с реальной действительностью, однако нередко между пользователями возникают отношения, требующие правовой регламентации.

В российском законодательстве отсутствует четкое регулирование виртуального игрового имущества, из-за чего нередко нарушаются имущественные интересы пользователей онлайн-игр. Как пишет М. А. Рожкова, под виртуальным имуществом понимаются те нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве [2].

В сложившейся практике правоохранительных органов встречаются случаи обращения физических лиц с заявлениями о противоправных действиях в виртуальном пространстве. Хищение виртуального игрового имущества (например, атрибутика героя, его вооружения, карт, объектов недвижимости,

стоимость которых может достигать несколько миллионов рублей и более), в последнее время происходит довольно часто.

Судебная практика по спорам, возникающим в компьютерных играх, на сегодняшний день придерживается трех основных подходов:

1) отношения между пользователями в игре приравниваются к контексту азартных игр;

2) правоотношения, связанные с виртуальным игровым имуществом, рассматривают сквозь призму договора оказания услуг;

3) виртуальное имущество является частью программного кода, право на который имеет лишь владелец компьютерной игры [3].

В 2021 году произошел инцидент: гражданин обратился в полицию с заявлением о компьютерном мошенничестве. За 80 тыс. рублей он купил у игрока в *Counter-Strike: Global Offensive* уникальный скин, отображающий внешний вид предмета в игре [4], но после перевода денег продавец исчез, не отправив покупку. Несмотря на заявление, уголовное дело не было возбуждено, поскольку следственные органы пришли к выводу о том, что отечественный уголовный закон не содержит статей, предусматривающих наказание за такие действия.

Анализируя понятие предмета преступления, можно дать следующее определение: это элемент объективной стороны преступления, на который воздействует лицо в ходе совершения преступления. Говорить о том, что предметом преступления могут быть только вещи материального мира, не совсем верно: в ряде случаев это может быть информация либо электроэнергия. Может ли им быть виртуальное игровое имущество? Проанализируем уголовно-правовой аспект виртуального игрового имущества как предмета преступлений против собственности.

Условно разделим гл. 21 УК РФ на две группы:

- 1) хищения (ст. 158, 159, 160, 161, 162, 164 УК РФ);
- 2) преступления, не относящиеся к хищениям (ст. 163, 165 УК РФ).

В теории уголовного права выделяют три основные группы признаков предмета хищения: 1) физический, 2) экономический, 3) юридический.

1. Физические признаки отражаются в предмете материального мира, могут включать различные характеристики, которые определяют его материальную природу и могут влиять на его стоимость, уникальность и возможность использования.

В уголовно-правовой доктрине все чаще признают, что наличие материальной формы не является необходимым условием для объектов права собственности, так как и нематериальные активы также могут быть предметом отношений собственности.

Полный отказ от физического признака приведет к чрезмерному расширению предмета хищения. Для устранения казусов считаем необходимым в разъяснениях Пленума ВС РФ перечислить нематериальные разновидности имущества, которые будут предметом преступного посягательства.

2. В отечественном уголовном праве в первую очередь экономические свойства предмета хищения заключаются в том, что вещь обладает потребительской стоимостью, выражающуюся в ее цене (в статьях УК РФ — в значительном, крупном, особо крупном размерах).

Игровое имущество обладает признаком стоимостной оценки, если объект игровой собственности куплен за реальную валюту, а не за игровые баллы/монеты/золото.

Необходимо отметить, что сама компьютерная игра — это результат интеллектуальной собственности разработчика. Получается, что игрок вправе приобретать атрибутику для своего героя лишь во владение.

3. Юридические свойства характеризуются тем, что предмет находится в чьей-либо собственности (государственной, частной, муниципальной и иной). Виновный должен осознавать, что имущество является чужим для него. Возникает следующий вопрос: «Кто на самом деле является владельцем виртуальных игровых объектов?».

Представленная дилемма была впервые рассмотрена Р. Бартлом в 2004 году, когда для обсуждения этого вопроса он использовал аналогию с реальными жизненными ситуациями. Исследователь утверждал, что по сути все игровые ресурсы находятся в ведении разработчика игры, и игрокам не принадлежит ничего, что следует из условий лицензионного соглашения, но действительно ли у пользователей нет никаких прав на игровую собственность? С одной стороны, права на программное обеспечение для ЭВМ и его элементы, включая все игровые атрибуты, графически представленные в игре, принадлежат разработчику [5]; с другой — игрок, вкладывая свои материальные и интеллектуальные ресурсы в создание/покупку виртуального игрового имущества, должен иметь право на владение, пользование и распоряжение ими.

Основываясь на вышесказанном, подведем итог: виртуальное игровое имущество не обладает всеми признаками предмета хищения.

Согласно ч. 1 ст. 165 УК РФ обязательным признаком данного состава преступления является причинение имущественного ущерба в крупном размере (свыше 1 млн рублей). В теории можно допустить ситуацию, когда игрок купил себе объекты виртуальной реальности на такую сумму, которыми впоследствии незаконно завладел другой пользователь. В таком случае возникает другая проблема: в настоящее время в соответствии с российским гражданским правом мы не можем однозначно отнести виртуальное игровое имущество к имуществу, соответственно, последствия в виде имущественного ущерба не наступают.

Следует также проанализировать общественную опасность преступлений против собственности в игровом пространстве. Суд мог бы принять во внимание тот факт, что похищенный объект был приобретен за настоящие деньги, тем не менее в РФ вопрос об уголовной ответственности за хищение виртуального имущества остается неопределенным, поскольку законодательство страны не признает виртуальные объекты

как вещную собственность. В РФ реальный и виртуальный миры неравнозначны в правовой среде.

Несколько иначе дела обстоят в ряде зарубежных стран, например, в США, где концепция регулирования отношений, связанных с игровыми активами, основывается на принципе Magic Circle [6]. Этот принцип предполагает, что любые действия в игровом пространстве, приводящие к последствиям в реальной жизни, должны оцениваться в соответствии с законодательством реального мира. Правовые последствия в реальной жизни будут применяться к действиям игрока, которые выходят за рамки игрового процесса.

Таким образом, тезис о том, что виртуальное игровое имущество является предметом преступления против собственности, по мнению автора, на текущий момент не совсем оправдан. Для урегулирования новых общественных отношений предлагается внести изменения в гражданское законодательство путем закрепления термина «виртуальное игровое имущество» и определения его как имущества, находящегося в виртуальном пространстве, а именно, в онлайн-играх, которыми игроки могут владеть, пользоваться и распоряжаться. Благодаря этому определению, виртуальное игровое имущество станет объектом гражданских прав, а право на владение/пользование/распоряжение таким имуществом — охраняемым уголовным законодательством.

Примечания

1. Статистика онлайн-игр 2024 // INDEPENDENT : сайт URL: <https://www.independent.co.uk/advisor/broadband/online-gaming-statistics-2024> (дата обращения: 18.10.2024).

2. Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym. Дата публикации: 13.06.2018.

3. *Гаразовская Н. В.* Виртуальное имущество в играх: перспективы правового регулирования // *E-Scio*. 2020. № 4 (43). С. 276–290.

4. *Зобин С.* В CS:GO у фаната из Москвы украли нож за 80 тысяч рублей, и он пошел в полицию // *Gamebomb.ru* : сайт. URL: <https://gamebomb.ru/gbnews/30630>. Дата публикации: 25.11.2019.

5. *Залевский Я. В.* Правовая природа внутриигровых объектов // *Молодой ученый*. 2017. № 13 (147). С. 439–444.

6. *Linser R., Ree-Lindstad N., Vold T.* The Magic Circle – Game Design Principles and Online Role-play Simulations. URL: <https://www.simplay.net/papers/MagicCircle-Linser-LindstadVold08.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЪЮНКТОВ
И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 30

Сборник статей

Редакторы: *Н. А. Елизарова, Н. Б. Помадина*
Компьютерная верстка *Т. В. Булкиной*
Дизайн обложки *А. А. Хмыза*

Подписано в печать 12.12.2024. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 13,34
Тираж 60 экз. Заказ 436

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3